

ISSN 1818-9601 (Print)
ISSN 2541-8998 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: Социология. Политология

2023

Том 23

Выпуск 1

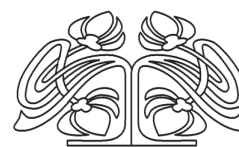
IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY
SOCIOLOGY. POLITOLOGY

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2023 Том 23

ISSN 1818-9601 (Print)

ISSN 2541-8998 (Online)

Издается с 2005 года

Серия Социология. Политология, выпуск 1

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Социология

- Елютина М. Э., Неруш А. А.** Гендерные аспекты игровых практик у молодежного сегмента российской аудитории компьютерных игр 4
- Пасовец Ю. М.** Трудовая мобильность молодежи: потенциал и факторы его активизации в современных российских условиях 14
- Филиппов А. А.** Технический прогресс как фактор развития института образования 22
- Штольц Л. Ю.** Медицинский туризм в России: дизайн социологического исследования и прогноза 28
- Эбзеева Ю. Н.** Рейтинг университета как элемент attractiveness для потенциальных абитуриентов 33
- Быченко Ю. Г.** Социальный контроль как функция управления 39
- Передумов М. А.** Культура бесконфликтного общения военнослужащих: современное содержание 44
- Кильдеев М. В.** Сельская мусульманская религиозность в условиях трансформации российского общества 51
- Багирова К. Э.** Концепция очевидного времени в современной социолингвистике: преимущества и недостатки методологии 57
- Колобова А. Е.** Пандемия коронавируса как фактор трансформационных процессов в городской креативной среде (по результатам социологического исследования) 61

Политология

- Шестов Н. И.** Научный взгляд на ценностные установки современной российской молодежи: почему не складывается целостная картина? 66
- Вилков А. А.** Идеологические предпочтения молодежи как фактор представлений о желаемом будущем России 71
- Бурганова И. Н.** Политические и экономические риски энергетической безопасности в глобальном мире (на примере России) 79
- Шарапов А. В.** Особенности продвижения молодых руководителей в рамках конкурсных процедур на должности глав муниципальных образований Алтайского края 2017–2020 гг. 84
- Кузнецов И. И., Жаров А. С.** Местное самоуправление в единой системе органов публичной власти: предпосылки и перспективы 91
- Коробов А. А.** Коммуникативное измерение государственной миграционной политики 96
- Слово молодым политологам**
- Трушин М. С.** Левые партии в современном политическом процессе Европы 103
- Суданц М. Б.** Международные связи города Москвы в современных условиях 110

Приложение

- Дата**
- Елютина М. Э., Темаев Т. В.** Кафедре социологии социальной работы – 10 лет 118

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Социология. Политология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76650 от 26 августа 2019 года

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К2, специальности: 5.4.1; 5.4.2; 5.4.3; 5.4.4; 5.4.5; 5.4.6; 5.4.7; 5.5.1; 5.5.2; 5.5.3; 5.5.4)

Подписной индекс издания 36016. Подписку на печатные издания можно оформить в интернет-каталоге ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru). Журнал выходит 4 раза в год. Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (soziopolit.sgu.ru)

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Дударева Светлана Сергеевна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Агафонов Андрей Петрович

Верстка

Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Дударева Светлана Сергеевна

Адрес учредителя, издателя

и издательства (редакции):

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83

Тел.: +7(845-2) 51-29-94, 51-45-49, 52-26-89

E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Подписано в печать 21.02.23.

Подписано в свет 01.03.23.

Формат 60×84 1/8.

Усл. печ. л. 13,95 (15,0).

Тираж 100 экз. Заказ 7-Т

Отпечатано в типографии Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2023

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи на русском и английском языках по направлениям: Социология, Политология, а также материалы в разделе Хроника. Ранее опубликованные статьи, а также работы, представленные в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Рекомендуемый объем публикации – от 0,5 до 1 п.л. (20–40 тыс. знаков, включая пробелы).

Статья должна содержать аннотацию (300–800 знаков), ключевые слова (до 10 слов), сведения об авторе (место работы (учебы), электронный адрес) на русском и английском языках, ORCID. Статья должна быть тщательно отредактирована и оформлена строго в соответствии с требованиями журнала: текст в формате MS Word для Windows, через один интервал, с полями 2,5 см, шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта – 14, для вспомогательного – 12. Сноски оформляются как примечания в конце статьи. Нумерация сносок через верхний индекс. Более подробная информация о правилах оформления статей приведена вместе со стилевым файлом и правилами рецензирования по адресу: <https://soziopolit.sgu.ru/dlya-avtorov>

Рукописи, оформленные без соблюдения настоящих правил, редакцией не рассматриваются.

Для публикации статьи автору необходимо представить в редакцию:

- текст статьи в электронном виде;
- сведения об авторе (на русском и английском языках): имя, отчество и фамилия, ученая степень и научное звание, должность, место работы (кафедра, организация), адрес электронной почты.

В редакции журнала статья подвергается рецензированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель.

Договор с автором заключается после получения положительной рецензии.

Статьи и сведения об авторах следует присылать в редколлегия серии в электронном виде по адресу: BegininalA@info.sgu.ru (социология) и vil57@yandex.ru (политология).

Оригинал договора – почтой по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, социологический факультет, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология».

После выхода из печати номер журнала размещается на сайте по адресу: <https://soziopolit.sgu.ru>

Авторские экземпляры и рассылка журнала авторам статей не предусмотрена.

Материалы, отклоненные редколлекцией, не возвращаются.

CONTENTS

Scientific Part

Sociology

- Elutina M. E., Nerush A. A.** Gender aspects of the gaming practices in the youth segment of the Russian computer games audience 4
- Pasovets Yu. M.** Labor mobility of youth: Potential and factors of its activation in contemporary Russian conditions 14
- Filippov A. A.** Technical progress as a factor in the development of the institute of education 22
- Stolz L. Yu.** Medical tourism in Russia: Design of sociological research and prognosis 28
- Ebzeeva Yu. N.** University ranking as an element of attractiveness for potential enrollees 33
- Bychenko Y. G.** Social control as a management function 39
- Peredumov M. A.** Modern content culture of conflict-free communication of servicemen 44
- Kildeev M. V.** Rural Muslim religiosity in the context of the transformation of Russian society 51
- Bagirova K. E.** The concept of apparent time in modern sociolinguistics: Advantages and disadvantages of methodology 57
- Kolobova A. E.** The coronavirus pandemic as a transformational processes factor of the urban creative environment (According to the sociological study results) 61

Politology

- Shestov N. I.** Scientific view on the values of modern Russian youth: Why has not a complete picture been formed yet? 66
- Vilkov A. A.** Ideological preferences of youth as a factor of perceptions of the desired future of Russia 71
- Burganova I. N.** Political and economic risks of energy security in the global world (On the example of Russia) 79
- Sharapov A. V.** The participation of young executives in the procedure for competitive filling of the positions of municipalities heads in the Altai Territory 2017–2020 84
- Kuznetsov I. I., Zharov A. S.** Local self-government within a unified system of public authorities: Prerequisites and prospects 91
- Korobov A. A.** Communicative measurement of the state migration policy 96

New Voices: Young Political Scientists' Research

- Trushin M. S.** Left parties in the modern political process in Europe 103
- Sudantz M. B.** International relations of Moscow city in modern conditions 110

Appendix

Date

- Elutina M. E., Temaev T. V.** The chair of social work sociology is 10 years old 118

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ»**

Главный редактор

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук, доцент (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Вилков Александр Алексеевич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Темаев Тимур Вадудович, доктор социол. наук (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Баттерфилд Джим, Ph.D. (Каламазу, США)

Белозеров Василий Клавдиевич, доктор полит. наук, профессор (Москва, Россия)

Воробьев Владимир Павлович, доктор социол. наук, доцент (Пенза, Россия)

Голенкова Зинаида Тихоновна, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)

Готлиб Анна Семеновна, доктор социол. наук, профессор (Самара, Россия)

Дудникова Елена Борисовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Елютина Марина Эдуардовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Казakov Александр Александрович, доктор полит. наук (Саратов, Россия)

Калинникова Марина Викторовна, доктор социол. наук (Саратов, Россия)

Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Кузнецов Игорь Иванович, доктор полит. наук, доцент (Москва, Россия)

Магомедов Арбахан Курбанович, доктор полит. наук (Москва, Россия)

Никифоров Ярослав Александрович, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия),

Осадчая Галина Ивановна, доктор социол. наук, профессор (Москва, Россия)

Панкратов Сергей Анатольевич, доктор полит. наук (Волгоград, Россия)

Труханов Виктор Александрович, доктор полит. наук (Саратов, Россия)

Фадеева Ирина Михайловна, доктор социол. наук, профессор (Москва, Россия)

Шахматова Надежда Владимировна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шестов Николай Игоревич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
"IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
SOCIOLOGY. POLITOLOGY"**

Editor-in-Chief – Sergei G. Ivchenkov (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Aleksandr A. Vilkov (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Timur V. Temaev (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Gim Butterfield (Kalamazoo, USA)

Vasily K. Belozеров (Moscow, Russia)

Vladimir P. Vorobiev (Penza, Russia)

Zinaida T. Golenkova (Moscow, Russia)

Anna S. Gottlieb (Samara, Russia)

Elena B. Dudnikova (Saratov, Russia)

Marina E. Elutina (Saratov, Russia)

Alexander A. Kazakov (Saratov, Russia)

Marina V. Kalinnikova (Saratov, Russia)

Galina N. Komkova (Saratov, Russia)

Igor I. Kuznetsov (Moscow, Russia)

Arbakhhan K. Magomedov (Moscow, Russia)

Yaroslav A. Nikiforov (Saratov, Russia)

Galina I. Osadchaya (Moscow, Russia)

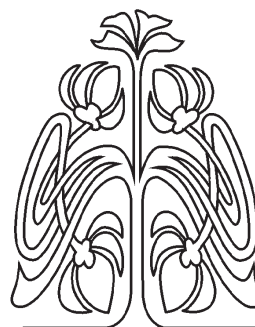
Sergey A. Pankratov (Volgograd, Russia)

Victor A. Trukhanov (Saratov, Russia)

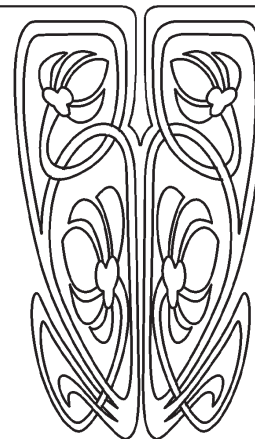
Irina M. Fadeeva (Moscow, Russia)

Nadezhda V. Shahmatova (Saratov, Russia)

Nikolay I. Shestov (Saratov, Russia)

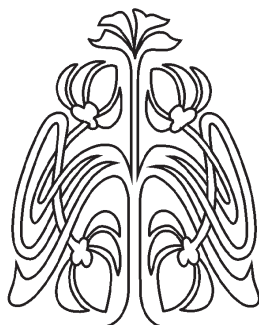

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

СОЦИОЛОГИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 4–13

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 4–13

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-4-13>

EDN: EKKBYV

Научная статья

УДК 316

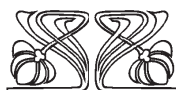
Гендерные аспекты игровых практик у молодежного сегмента российской аудитории компьютерных игр

М. Э. Елютина ✉, А. А. Неруш

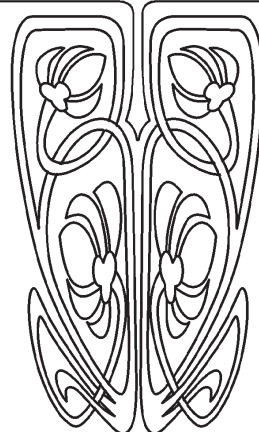
Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Елютина Марина Эдуардовна, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии социальной работы, elutina133@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5186-2418>

Неруш Антон Александрович, аспирант кафедры социологии социальной работы, antonmertakagi@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4251-2798>

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Аннотация. В последнее десятилетие во всем мире и в России в частности происходит активное развитие индустрии компьютерных игр и увеличение игровой аудитории, при этом ежегодно фиксируется опережающий рост молодежной аудитории. Представление реальных игровых практик компьютерных игр является плодотворным с учетом гендерных особенностей, аккумулируемых в компьютерных играх. На этом фоне в научном дискурсе, за небольшим исключением, лишь спорадически объективируется проблема гендерных особенностей игровых практик у молодежного сегмента российской аудитории компьютерных игр. С целью изучения гендерных особенностей игровой инклюзии и участия молодежи в игровых практиках проведено авторское социологическое исследование методом анкетирования, для которого был разработан авторский опросный инструментарий. Целевая выборка составила 1700 человек, основными критериями отбора послужили: возраст (18–30 лет), участие в практике компьютерных игр, страна проживания (Российская Федерация). Анкетирование проводилось анонимно в цифровом формате. Представлены результаты опроса среди молодежного сегмента российской аудитории компьютерных игр. На основе данных проведенного исследования были проанализированы гендерные аспекты игровых практик у молодежного сегмента российской аудитории компьютерных игр. Исследование показало, что на сегодняшний день существует тенденция к феминизации молодежного сегмента российского комьюнити компьютерных игр, что разрушает стереотипы о «маскулинности» данного вида досуговой деятельности. Полученные данные позволили обозначить гендерные различия и сходства в участии геймеров в игровых практиках.

Ключевые слова: видеоигры, сетевые взаимодействия, компьютерные игры, игровая инклюзия, игровые практики, молодежь

Для цитирования: Елютина М. Э., Неруш А. А. Гендерные аспекты игровых практик у молодежного сегмента российской аудитории компьютерных игр // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 4–13. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-4-13>, EDN: EKKBYV

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Gender aspects of the gaming practices in the youth segment of the Russian computer games audience

M. E. Elyutina[✉], A. A. Nerush

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Marina E. Elyutina, elutina133@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5186-2418>

Anton A. Nerush, antonnertakagi@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4251-2798>

Abstract. In the last decade, all over the world and in Russia, in particular, there has been an active development of the computer games industry and an increase in the gaming audience, while an outstripping growth of the youth audience is recorded every year. The presentation of the realities of the gaming audience of computer games is fruitful, taking into account the gender characteristics accumulated in computer games. Against this background, in the scientific discourse, with a few exceptions, the problem of gender characteristics of gaming practices among the youth segment of the Russian audience of computer games is only sporadically objectified. To study the gender characteristics of gaming inclusion and youth participation in gaming practices, an author's sociological study was conducted using a questionnaire method, for which an author's survey toolkit was developed. The target sample was 1700 people, the main selection criteria were: age (18–30 years), participation in the practice of computer games, country of residence (the Russian Federation). The survey was conducted anonymously in a digital format. The results of the survey in the youth segment of the Russian audience of computer games are presented. Based on the data of the study, the gender aspects of the gaming practices in the youth segment of the Russian computer games audience were analyzed considering the survey data. The study showed that today there is a tendency towards the feminization of the youth segment of the Russian computer games community, which destroys the stereotypes about the "masculinity" of this type of leisure activity. The data obtained made it possible to identify gender differences and similarities in the participation of gamers in gaming practices.

Keywords: video games, network interactions, computer games, game inclusion, game practices, youth

For citation: Elyutina M. E., Nerush A. A. Gender aspects of the gaming practices in the youth segment of the Russian computer games audience. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 4–13 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-4-13>, EDN: EKKBYV

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

По данным социологических и маркетинговых исследований, в России наблюдается рост аудитории компьютерных игр, с 2015 по 2019 г. увеличившись с 43 млн до 66 млн чел. [1]. Помимо этого, по последним данным компании «Mediascope» (май 2022 г.), 69% россиян 12–64 лет эпизодически играют в онлайн-игры, а 55% – систематически, наибольшую активность проявляют геймеры в возрасте 12–24 лет (69%) и 25–44 лет (55%). Самое популярное устройство для игр – смартфон, 42% играют на них регулярно, несущественно отстают компьютеры и ноутбуки (33%) [2].

Процесс геймификации активно исследуется в социологическом дискурсе, в фокусе внимания находятся различные его аспекты – мотивация, особенности разворачивания нарратива, человеко-машинное взаимодействие, открытие Другого, анализ геймплея, репрезентации в видеоиграх: возраста, гендера, национальных и сексуальных меньшинств, реконструкции личного опыта. Отметим разноплановость исследовательского поля видеоигр и игровых практик: видеоигры как средство массовой коммуникации в контексте теорий Г. Лассуэла и Д. Белла [3, 4]; геймерство и его социальные эффекты [5]; видеоигра как особая субкультура, предполагающая определенный алгоритм деятельности, ценностные, моральные, эстетические регуляторы поведения [6]; особенности коммуни-

кации в играх с позиции этнометодологии [7]; видеоигры как объект анализа с позиции социальной топологии и акторно-сетевой теории [8]; гендерные эффекты гендерно-неспециализированных компьютерных игр [9]; формирование и распространение гендерных моделей игровой активности [10] и др.

Оптика исследователей компьютерных игр, анализирующих социальные проекции участия в игровых практиках, нацелена, главным образом, на детей и подростков. Существующие работы в основном посвящены изучению социального портрета геймеров на базе анализа вторичной информации и негативных проекций онлайн-игр. Внимание авторов, как правило, сосредоточено на следующих проблемах: негативном влиянии компьютерных игр на повседневную жизнь и психическое здоровье геймеров, которые проявляются в деформации их поведенческих практик [11], в их стремлении уйти от проблем и неприятностей различного рода в вымышленный мир игры, заместить ею действительность; в негативном влиянии онлайн-игр на коммуникативные навыки, игровую зависимость (М. Иванов, Н. Йи, С. Ло, Е. Лозгачева) [12]. Постановка вопроса о негативном влиянии видеоигр на детей и подростков попадает в контекст социальных проблем первичной социализации, институтов образования, а также связана с проявлением

таких негативных феноменов, как «bullying» (травля) и «school shooting» (вооруженное нападение учащегося на школу). Тем не менее сошлемся на результаты социологических исследований, демонстрирующие отсутствие связи между увлечением подростками «жестокими видеоиграми» и проявлением насилия в реальной жизни [13]. Но наряду с этим существует тревожное отношение к участию детей и подростков в видеоиграх, так как этот процесс, по мнению авторов, обладает потенциалом для маргинализации [14].

Социологические исследования, направленные на эмпирическое изучение молодежного сегмента аудитории компьютерных игр, пока недостаточно представлены в научном дискурсе. Важность изучения включения молодежи в практики компьютерных игр подчеркивает переходный статус данного возраста, обусловленный процессом получения образования и прохождением первичной трудовой социализации [15]. В отечественном и зарубежном научном дискурсе молодежь принято рассматривать как особую социально-демографическую группу, обладающую рядом характеристик, как главного агента будущих социальных изменений, происходящих в стране.

Анализ работ, посвященных исследованию молодежной аудитории геймеров, показал недостаточную изученность гендерного аспекта в содержательных характеристиках увлечения молодежи компьютерными играми, а также наличие гендерных стереотипных представлений в отношении онлайн-игр [16]. В данной статье нас интересуют именно гендерные репрезентации молодых людей от 18 до 30 лет в видеоиграх. Мы рассматриваем видеоигры как код, платформу для идентификации гендерной вовлеченности в игровые практики молодежного сегмента российской аудитории компьютерных игр.

С целью изучения процесса игровой инклюзии молодежи с декабря 2019 г. по январь 2020 г. было проведено авторское интернет-исследование методом анкетирования. Анкета включала в себя три основных блока: 1) социальный бэкграунд информанта (возраст, уровень образования, материальное положение и семейный статус); 2) внутриигровые практики молодых людей; 3) offline практики геймеров.

Целевая выборка составила 1700 человек, основными критериями отбора послужили: возраст (18–30 лет), участие в практике компьютерных игр, страна проживания (Российская Федерация). Сбор анкет производился посредством платформы Google Forms, обработка и анализ данных осуществлялись на базе компьютерной программы IBM SPSS Statistics 22.

Цифровой формат исследования дал возможность в короткие сроки опросить большое количество респондентов и обеспечил относительную легкость статистической обработки полученных данных при использовании компьютерных программ. Исследование проводилось анонимно, что позволило сохранить конфиденциальность полученной информации и получить от респондентов намного больше открытых и правдивых ответов.

Отметим два значимых момента. Во-первых, в связи со спецификой интернет-исследования респондент самостоятельно заполнял графу «Пол» в анкете, таким образом, мы ориентировались на его гендерную самоидентификацию, что имеет принципиальное отличие от большинства телефонных и уличных опросов, где пол респондента фиксирует интервьюер самостоятельно. Во-вторых, в рамках нашего исследования мы исходили из бинарной концепции гендерного самоопределения, что является традиционным подходом для российского общества и расширяет возможности для дальнейшей экстраполяции данных.

В контенте нашего исследования мы понимаем гендер как *социальный пол*, характеристику, которая является социально-биологическим результатом взаимодействия человека с другими людьми в обществе и приобщения к культуре и, таким образом, представляющий собой некий итог человеческой социализации в соответствии с его полом [17]. Субъективное включение в видеоигры и опыт участия в них выступают результатом комбинированного влияния возрастных и гендерных отношений. Результаты исследования показали, что по гендерному соотношению аудитория геймеров на 59,5% представлена женщинами и на 40,5% мужчинами, средний возраст респондентов составил 21 год. Феминизация молодежного сегмента российской аудитории компьютерных игр отражает общемировую тенденцию к феминизации аудитории компьютерных игр, отраженную в исследованиях компании «Newzoo» [18].

Анализ группы социально-демографических показателей, связанных с социальным статусом, свидетельствует о том, что основной деятельностью среднестатистического респондента является получение высшего образования. Отметим, что большинство опрошенных геймеров не испытывают значимых материальных затруднений, что косвенно указывает на проявление цифрового неравенства, так как увлечение видеоиграми предполагает расходы на приобретение необходимых комплектующих для сборки игровых компьютеров, а также

расходы на сами игры. Таким образом, видео-игры становятся преимущественно уделом той части молодежи, которая может позволить себе покупку необходимой техники. Относительно семейного положения 91,9% респондентов определяют его как холост/не замужем, 7,1% – женаты/замужем, 0,6% – в разводе, 0,4% – вдовцы/вдовы.

По географическому распределению геймеров: 29,3% опрошенных проживают в Центральном федеральном округе, 28,3% – в Приволжском, 13,2% – в Северо-Западном, 11,2% – в

Сибирском, 7,5% – в Южном, 6,5% – в Уральском, 2,6% – в Дальневосточном и 1,2% – в Северо-Кавказском ФО. Подобное распределение в целом отражает распределение населения по федеральным округам в России с возможными погрешностями на разницу в количестве молодежи в регионах и внутреннюю миграцию [19].

Игроки-мужчины чаще обладают большим игровым стажем, чем женщины (рис. 1). Отметим, что большую часть геймеров составляют представители *OLD Game Community* (игроки со стажем 7 лет и более).

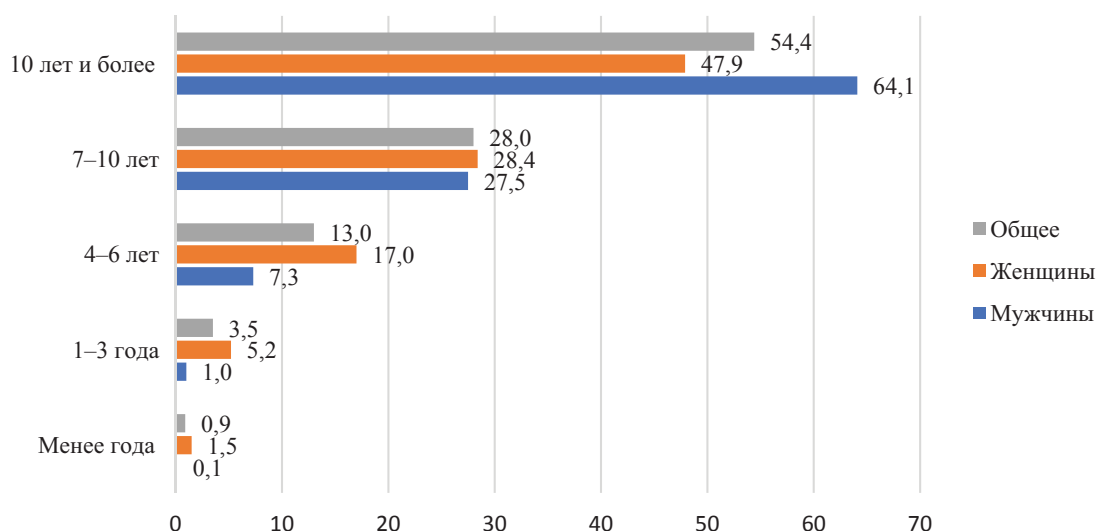

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Сколько лет Вы играете в компьютерные игры?», % (цвет online)

Наличие большого игрового опыта в относительно молодом возрасте объясняет ранний возраст начала игры у современной молодежи, обусловленный тенденцией к цифровизации досуга. Мужская часть молодежного сегмента аудитории компьютерных игр представлена геймерами с длительным стажем. Практически отсутствуют новички, играющие менее одного года или менее трех лет. Среди женской части преобладают игроки с небольшим игровым стажем (менее года, от года до трех) и средним (4–6 лет). На уровне стажа 7–10 лет процент опрошенных разных полов практически равен. Сравнение среднего и медианного возраста начала игры также показывает, что женщины ($\mu = 9,77$, $Me = 10$) начинают играть в компьютерные игры позже мужчин ($\mu = 8,56$, $Me = 8$). Этот показатель связан, с нашей точки зрения, во-первых, со спецификой развития гейм-дизайна, в рамках которого ключевые проекты начала 2000–2010 гг. были ориентированы на жанры шутеров и экшен-составляющую, интересующие, главным образом, мужскую часть интернет-аудитории; во-вторых, с особенно-

стями гендерной социализации, традиционно определяющей спектр увлечений для мальчиков и девочек. Мы полагаем, что феминизация аудитории компьютерных игр как следствие плюрализации игровых смыслов и отказа от гендерной специализированности игровых ролей происходит постепенно и является долгосрочной тенденцией, которая в дальнейшем может оказывать влияние как на игровую индустрию в целом, так на социализацию геймеров.

Игровой режим: гендерный аспект

Для идентификации хронологического аспекта игрового режима российских геймеров респондентам было предложено оценить количество времени, которое они посвящают игре в будние и выходные дни. Среди геймеров-мужчин играют менее одного часа в будние дни 15,2% респондентов, от одного до трех часов – 47,6%, от трех до пяти часов – 23,4%, от пяти до семи часов – 8,3% и более 7 часов в день – только 5,5%. Среди женской части опрошенных по будням играют менее одного часа 23,9%, от

одного до трех часов – 44,0%, от трех до пяти часов – 21,2%, от пяти до семи часов – 6,7%, более 7 часов в день – 4,2% респондентов.

Таким образом, в будние дни женщины уделяют меньше времени компьютерным играм, чем мужчины. Мы полагаем, что это связано с разницей в организации повседневных практик, а также с частотой и содержанием взаимодействий с ближайшим окружением. В рамках исследования было выявлено, что мужчины легче переносят свои контакты в виртуальный мир. По нашему мнению, темпоральность игровых практик у женщин снижает сложность переноса контактов в виртуальную среду. Следовательно, женщинам приходится разделять время на досуг с offline окружением и online. Однако, как показывают результаты исследования, в выходные дни мужчины и женщины уделяют игре практически одинаковое время.

Досуговые практики мужчин-геймеров и женщин-геймеров имеют значимые различия.

Так, почти для половины мужчин (44,3%) *гейминг* является основным хобби, а в случае с девушками-геймерами основной вид досуга – прослушивание музыки, аудиокниг, просмотр фильмов и видео. Для девушек свойственно совмещать различные виды досуга (табл. 1). Ригидное включение в компьютерные игры может иметь негативные последствия: исключать новые знания, приводить к потере возможности открытия новых истин, ухудшению способности адаптироваться к новым ситуациям. Отметим и тот факт, что чаще всего геймеры выбирают для отдыха практики, связанные с потреблением аудиовизуального контента, а чтение, активный образ жизни или саморазвитие не занимают основного места в досуге у большинства молодых игроков. Хотя очевидно, что оцифровка коммуникаций не снижает роли материального взаимодействия с книгой, содержащей повышенную дозу эмоциональных переживаний.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы чаще всего проводите свободное время?», %

Вид деятельности	Мужчины	Женщины	Общее
Играю в компьютерные игры	44,3	33,5	37,9
Просматриваю видео, сериалы, прослушиваю музыку	32,6	41,5	37,9
Читаю	5,7	7,4	6,7
Хожу на прогулки	3,5	1,9	2,5
Хожу в гости	1,2	0,4	0,7
Хожу в магазины	0,7	0,3	0,5
Посещаю рестораны и бары	1,0	0,4	0,6
Занимаюсь самообразованием	0,9	0,2	0,8
Отдыхаю на природе	1,0	0,4	0,6
Занимаюсь творчеством	1,3	2,5	2
Совмещаю разные виды досуга в равной степени	3,9	9,2	7,1
Провожу досуг в кругу семьи	0,9	0,2	0,5
Просматриваю телепередачи	–	0,3	0,2
Не имею определенного досуга	3,0	1,8	2,4
Итого	100	100	100

Мужчины и женщины демонстрируют практически одинаковую модель поведения в изменении планов под игровые интересы. Важно отметить, что для женщин в данном вопросе был более предпочтителен уход от ответа, чем для мужчин. В целом, для геймеров свойственно отказываться от различных повседневных практик ради увлечения игрой, однако для трети опрошенных важна договоренность с кем-то в игре в качестве мотива для изменения своих планов (табл. 2).

Мужчины и женщины в равной степени готовы отказаться от базовых потребностей для того, чтобы выделить время на игру. Похожая картина наблюдается при принятии решения отказаться от работы или учебы из-за игровых интересов. Женщины-геймеры в большей степени, чем мужчины, готовы отказаться от незначительных повседневных дел (готовка, прогулка и т.д.) для того, чтобы посвятить время игре. Исследование показало, что мужчин больше, чем женщин, не готовых отказываться от дел ради игры (рис. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Готовы ли Вы отказаться от других дел ради видеоигр», %

Вариант ответа	Мужчины	Женщины	Общее
Готов(а)	31,0	32,7	32,1
Готов(а), только в случае договоренности с кем-то в игре	31,9	27,3	29,0
Не готов(а)	31,1	30,3	30,7
Затрудняюсь ответить	6,0	9,7	8,2

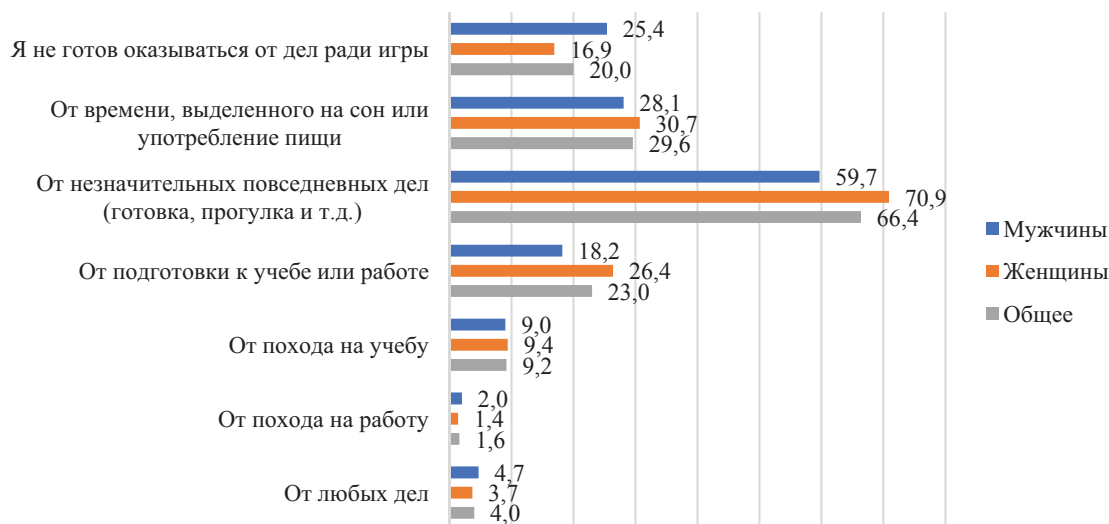

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «От каких дел Вы могли бы отказаться и посвятить время игре?», % (сумма ответов превышает 100%, так как респонденты могли выбрать несколько вариантов) (цвет online)

Гендерный аспект содержательных характеристик коммуникативного взаимодействия в онлайн-играх

Для выявления гендерного аспекта содержательных характеристик взаимодействия в онлайн-играх идентифицированы игровые предпочтения мужчин и женщин, играющих в компьютерные игры (рис. 3).

Многие геймеры предпочитают играть только в одиночные игры, без возможности подключения других игроков. Такие игры являются наиболее предпочтительными как для мужчин, так и для женщин. Среди многопользовательских игр женщины-геймеры отдают предпочтение MMORPG (ролевые онлайн-игры), которыми увлекается половина опрошенных. Ролевая интенциональность позволяет им реализовать те свои устремления, которые связаны с социальными ограничениями (к примеру, играть роль командующего армией, правителя города или страны).

В отличие от женской аудитории, в центре внимания мужчин находятся MMOFPS (он-

лайн-шутер от первого лица), игры, которые создают симуляцию военных действий.

Анализ гендерных аспектов коммуникативного взаимодействия в онлайн-играх показал, что женская часть аудитории компьютерных игр более склонна вступать в долгосрочные объединения, чем мужская (рис. 4). Данный момент вызывает отдельный интерес на фоне того, что больше девушек, чем юношей, играют в проекты, в которых данная функция не реализована. Мы полагаем, что это связано с тем, что однопользовательские игры предлагают превалирование нарратива в игровом процессе и этим создают феномен гипертекстуальности игры, вытесняя традиционное чтение и потребление аудиовизуального контента, которые также находятся среди популярных хобби у девушек-геймеров. Таким образом, мы можем наблюдать разделение геймеров на две основные когорты: «социальные геймеры» и «single-player».

Среди мотивов объединения в игровые ассоциации для женщин (48,2%), по сравнению

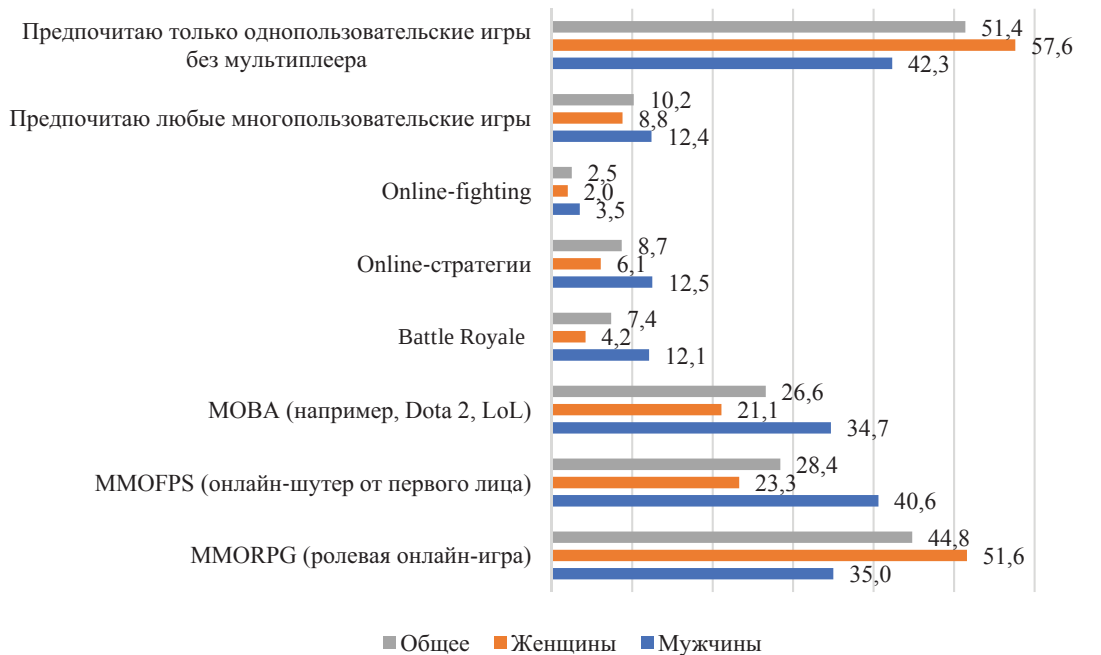

Рис. 3. Предпочтения в игровых жанрах, % (сумма ответов превышает 100%, так как респонденты могли выбрать несколько вариантов) (цвет online)

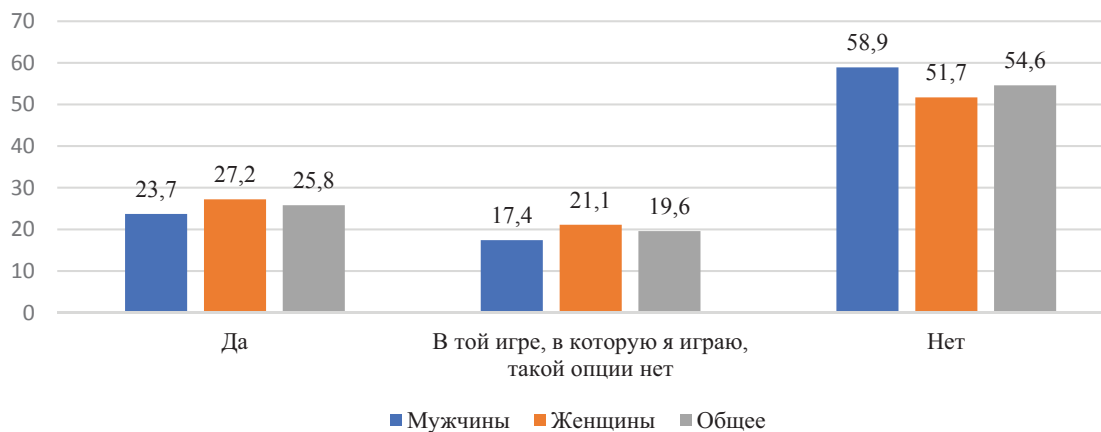

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «Состоите ли Вы в игровой гильдии (клане, роте и т.п.)?», % (цвет online)

с мужчинами (31,5%), более актуален мотив развития собственного персонажа при вступлении в гильдию. Аналогичная ситуация наблюдается в случае с мотивом получения бонусов за членство в гильдии. Данный мотив актуален для 52,2% мужчин и 35,8% женщин. Для юношей (40,7%) более, чем для девушек (26,3%), актуален мотив поиска единомышленников и людей со схожими интересами (табл. 3).

Проведение ранжирования мотивов вступления в долгосрочные игровые объединения показало, что для мужской части опрошенных на первом месте находится поиск общения во

время игры, на втором месте – поиск единомышленников и людей со схожими интересами, на третьем – уникальный игровой контент, доступный только игрокам гильдий и кланов.

Для женской части опрошенных на первом месте находится мотив получения бонусов за членство в гильдии, на втором – развитие собственного персонажа, на третьем – уникальный игровой контент, доступный только игрокам гильдий.

Таким образом, для юношей приоритетными являются мотивы удовлетворения социальных потребностей, для женщин – мотивы, создаваемые игровой необходимостью.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «С какой основной целью Вы вступили в гильдию (клан, роту и т.п.)?», %

Мотив	Мужчины	Женщины	Общее
Уникальный игровой контент, доступный только игрокам гильдий	39,5	38,3	9,9
Для развития своего персонажа	31,5	48,2	10,8
С целью бонусов от игры за членство	35,8	52,2	11,8
Для постоянного общения во время игры	42,6	33,9	9,5
Для поиска людей со схожими интересами	40,7	26,3	8,1
Итого	≠100	≠100	≠100

Примечание. Сумма ответов превышает 100%, так как респонденты могли выбрать несколько вариантов. На вопрос отвечали только респонденты, играющие в долгосрочных объединениях.

Отметим, что под игровой необходимостью понимается использование механик, дающих бонусы за объединение с другими игроками. Таким образом, игры стимулируют общение между геймерами и создают необходимость консолидации. Чаще всего такими механиками являются бонусы к опыту персонажа или награде за миссию, а также доступ к уникальным игровым событиям.

Помимо долгосрочных объединений, в концепции игр с элементами ММО заложена возможность создания игроками недолгосрочных объединений со свободным выходом «party (группа)». Как показали результаты исследования, с друзьями из реальной жизни в группе играют 43,9% юношей и 28,3% женщин, а со случайными игроками и друзьями из реальной жизни – 38,6 и 28,0% соответственно. Таким об-

разом, мужчины играют в компьютерные игры с друзьями из реальной жизни чаще, чем женщины, что можно объяснить предпочтением последних играть в однопользовательские игры. В связи с этим даже при превалировании женского комьюнити в целом контакты из реальной жизни у части девушек-геймеров не переносятся в пространство виртуальных взаимодействий.

В рамках вступления в игровые группы женщины (39,5%) чаще, чем мужчины (30,0%), руководствуются желанием ускорить развитие своего игрового персонажа, а также у женщин более выражен мотив объединения в группы для решения задач. Для мужской части аудитории российского сегмента геймеров мотив вступления в группу для общения во время игры обладает большей значимостью (68,7%), чем для женской (58,9%) (рис. 5).

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос: «С какой основной целью Вы вступаете в группы?», % (сумма ответов превышает 100%, так как респонденты могли выбрать несколько вариантов. На вопрос отвечали только респонденты, играющие в группах) (цвет online)

В качестве социальной проекции виртуального общения в процессе игры необходимо выделить изменение круга общения респондентов. Женщины в основном играют с людьми, с которыми познакомились в реальной жизни (42,8%). Треть женщин совмещают игры с друзьями из реальной жизни и с людьми, с которыми познакомились в виртуальном мире (33,0%). Менее четверти опрошенных женщин, предпочитающих многопользовательские игры, регулярно играют только с людьми, с которыми они познакомились в виртуальном пространстве (22,7%). Также отметим тот факт, что женщины чаще играют в одиночные игры, чем в многопользовательские.

У мужской части аудитории компьютерных игр круг общения состоит преимущественно из людей, с которыми они познакомились в реальной жизни (58,7%). Это подтверждает наш тезис о том, что мужчины легче переносят контакты из реальной жизни в online-пространство. Треть опрошенных мужчин в равной степени совмещают в игре контакты, созданные в реальной жизни и виртуальном пространстве (29,0%). Только в 11,6% случаев мужчины играют исключительно с людьми, с которыми познакомились в виртуальном пространстве.

Важно отметить, что как среди мужчин, так и среди женщин доля геймеров, которые говорят об отсутствии круга общения, составляет менее 1,0%. Сравнение показателей состава круга общения в виртуальном пространстве позволяет нам сделать вывод, что женщины успешнее формируют свой круг общения за счет контактов, созданных в онлайн-среде. Мы полагаем, что это является следствием адаптационной стратегии, связанной со сложностью переноса контактов из реальной жизни в сферу виртуального досуга.

Итак, как показали результаты нашего исследования, на сегодняшний день существует тенденция к феминизации молодежного сегмента российского комьюнити компьютерных игр, что разрушает стереотипы о «маскулинности» данного вида досуговой деятельности. Полученные данные позволили обозначить гендерные различия и сходства в участии геймеров в игровых практиках. Речь идет об игровой истории, частоте игр, склонности к выбору определенного содержания игр. Резюмируем основные из них.

1. В будние дни женщины уделяют меньше времени компьютерным играм, чем мужчины, в выходные дни разница во времени, посвященном играм, отсутствует. Женщины готовы чаще, чем мужчины, отказываться от повседневных дел для того, чтобы посвятить время игре.

2. Существует разница в жанровых предпочтениях у мужской и женской части аудитории компьютерных игр. Для девушек предпочтительны однопользовательские игры без мультиплеера и многопользовательские ролевые онлайн-игры, что создает интересный парадокс. С одной стороны, для женской части аудитории наиболее предпочтительны игры, не предполагающие наличие других игроков, а с другой – предполагающие максимальное количество социальных взаимодействий между игроками.

3. В аспекте содержательных характеристик коммуникативного взаимодействия в онлайн-играх женщины более, чем мужчины, склонны вступать в долгосрочные объединения и чаще принимают это решение на основе утилитарных мотивов. При этом женщины более эффективно формируют свой круг общения в онлайн-играх и сохраняют контакты, созданные в виртуальном пространстве видеоигр.

Список литературы

1. Newzoo: платящая игровая аудитория в России – 28,2 млн человек // App2Top.ru. 2019. 4 июля. URL: <https://app2top.ru/industry/newzoo-platyashhaya-igrovaya-auditoriya-v-rossii-28-2-mln-chelovek-144685.html> (дата обращения: 09.05.2022).
2. Мобильные игры в России. Аналитический отчет по данным Mediascope. Май 2022. URL: https://mediascope.net/library/presentations/Mobile%20games%20audience%20in%20Russia_Mediascope.pdf (дата обращения: 12.06.2022).
3. Хочунская Л. В. Феномен медиаобраза: социально-психологический аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Литературоведение. Журналистика. 2013. № 2. С. 91–95.
4. Иглин Д. А. Видеоигры как технология политической коммуникации // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2015. № 10. С. 52–54.
5. Баева Л. В. Мир ценностей геймера: аксиологический портрет поклонников компьютерных игр // Информационное общество. 2014. № 2. С. 27–34.
6. Кропачева М. А., Литвинова Е. С. Геймеры как субкультурный и культурный феномен // Социо- и психолингвистические исследования. 2015. Вып. 3. С. 104–108.
7. Рейнюк А., Широков А. Этнометодология видеоигр: феноменальное поле в игровой практике // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16, № 3. С. 233–279.
8. Ильин С. Е. Между актер-сетями и виртуальными мирами: опция сохранения в видеоиграх с точки зрения социальной топологии // Идеи и идеалы. 2019. Т. 11, № 1, ч. 2. С. 419–436. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2019-11.1.2-419-436>
9. Матюшенко У. А. Гендерная репрезентация героинь серии игр «Dragon Age» // Манускрипт. 2020. № 5. С. 146–150. <https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.5.28>

10. Фисенко Д. Н. Гендерные эффекты гендерно-неспециализированных компьютерных игр // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8, № 3 (28). С. 377–381. <https://doi.org/10.26140/anip-2019-0803-0097>
11. Pontes H., Griffiths M. D. Assessment of internet gaming disorder in clinical research: Past and present perspectives // Clinical Research and Regulatory Affairs. 2014. Vol. 31, № 2–4. P. 35–48. <https://doi.org/10.3109/10601333.2014.962748>
12. Гриффитс М. Проблемная онлайн-игра: разногласия, дебаты и споры // Медицинская психология в России : электрон. науч. журнал. 2015. № 4 (33). С. 5. URL: <http://mprj.ru> (дата обращения: 12.06.2022).
13. Happ C., Melzer A., Steffgen G. Gewalthaltige Videospiele // Neue Medien und deren Schatten. Mediennutzung, Medienwirkung und Medienkompetenz / Porsch & S. Pieschl (Hrsg.). Göttingen : Hogrefe, 2014. S. 191–218.
14. Лобановская М. О., Коноплева И. А. Проблема игровой зависимости у молодежи // Современная экономика и общество глазами молодых исследователей : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. V Уральского вернисажа науки и бизнеса : в 3 т. / под общ. ред. Е. П. Велихова. Челябинск : Изд-во Челябинского гос. ун-та, 2018. Т. 2. С. 204–208.
15. Усынина Н. И. Определение сущности понятия «молодежь» // Вестник Удмуртского университета. Серия : Философия. Психология. Педагогика. 2013. № 1. С. 26–28.
16. Елютина М. Э., Неруш А. А., Бирюков Д. И. Содержательная динамика коммуникативных взаимодействий в онлайн-играх // Дыльновские чтения : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. (Саратов, 12 февраля 2019 г.). Саратов : Саратовский источник, 2019. С. 68–74.
17. Матвиенко В. В. Гендер как социокультурный феномен // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 10. С. 14–17.
18. Women Account for 46% of All Game Enthusiasts: Watching Game Video Content and Esports Has Changed How Women and Men Alike Engage with Games // Newzoo. URL: <https://newzoo.com/insights/articles/women-account-for-46-of-all-game-enthusiasts-watching-game-video-content-and-esports-has-changed-how-women-and-men-alike-engage-with-games/> (дата обращения: 04.05.2022).
19. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (дата обращения: 10.02.2022).

Поступила в редакцию 06.08.2022; одобрена после рецензирования 20.08.2022; принята к публикации 29.08.2022
The article was submitted 06.08.2022; approved after reviewing 20.08.2022; accepted for publication 29.08.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 14–21

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 14–21

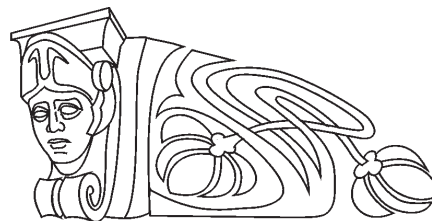
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-14-21>, EDN: CYFVUU

Научная статья

УДК 316.334.2+316.444:316.346.32-053.6

Трудовая мобильность молодежи: потенциал и факторы его активизации в современных российских условиях

Ю. М. Пасовец

Курский государственный университет, Россия, 305000, г. Курск, ул. Радищева, д. 33

Пасовец Юлия Михайловна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии, yulia_pasovets@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3626-7933>

Аннотация. В статье автором обосновывается трактовка потенциала трудовой мобильности и факторов его активизации в русле концепции субъективной мобильности. Эмпирическая верификация данной интерпретации осуществляется на основе анализа данных массового опроса и глубинных интервью, проведенных автором среди занятой в экономике молодежи Курской области, и их сопоставления с результатами общероссийских и региональных исследований. Нами выявлен относительно высокий потенциал трудовой мобильности работающей молодежи, связанный с готовностью к изменению места работы в ближайшей перспективе. Около половины занятой в экономике молодежи можно отнести к социальной базе потенциальной трудовой мобильности, внутри которой выделяются две значимые по численности группы: одна из них имеет четко сформированную установку на смену места работы в недалеком времени, вторая – допускает такие изменения в своем трудовом положении. Определена ключевая роль в активизации потенциала трудовой мобильности молодых людей двух групп факторов. Первая из них включает намерения молодых людей реализовать себя и свой профессиональный потенциал в трудовой деятельности и карьере на новом месте работы; вторая представлена основными причинами неудовлетворенности условиями труда на имеющейся работе – уровнем оплаты труда и объемом трудовой нагрузки. Установлено, что, несмотря на распространенность в молодежной среде занятости не по профилю полученной профессии (специальности), представители этой категории работающей молодежи не оценивают несоответствие работы и профессии как причинный фактор к изменению места работы и как препятствие своей карьере.

Ключевые слова: молодежь, занятая в экономике молодежи, трудовая мобильность, смена места работы, субъективная мобильность

Для цитирования: Пасовец Ю. М. Трудовая мобильность молодежи: потенциал и факторы его активизации в современных российских условиях // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 14–21. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-14-21>, EDN: CYFVUU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Labor mobility of youth: Potential and factors of its activation in contemporary Russian conditions

Yu. M. Pasovets

Kursk State University, 33 Radishchev St., Kursk 305000, Russia

Yuliya M. Pasovets, yulia_pasovets@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3626-7933>

Abstract. The article substantiates the author's interpretation of labor mobility potential and the factors of its activation in line with the subjective mobility concept. Its empirical verification is carried out on the basis of the analysis of the mass survey data and in-depth interviews conducted by the author among the young people employed in the economy of Kursk region, and their comparison with the results of all-Russian and regional studies. The research reveals a relatively high potential for labor mobility of working youth, expressed in the readiness to change jobs in the near future. About half of the young people employed in the economy can be attributed to the social base of potential labor mobility, within which there are two significant groups: some of them have a clearly defined attitude to change jobs in the near future, the second one allows such changes in their employment status. It determines the key role of two groups of factors in activating the potential of youth labor mobility. The first of them includes the intentions of young people to realize themselves and their professional potential in labor activity and career in a new job; the second one is represented by the main reasons for dissatisfaction with the working conditions at the current job – the level of wages and the amount of workload. The research establishes the prevalence in the youth environment of employment not according to the profile of the received profession (specialty), and young people's lack of assessment of the discrepancy between work and profession as a causal factor for changing jobs and as an obstacle to their career.

Keywords: young people, young employees, labor mobility, job change, subjective mobility

For citation: Pasovets Yu. M. Labor mobility of youth: Potential and factors of its activation in contemporary Russian conditions. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 14–21 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-14-21>, EDN: CYFVUU

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Актуальность исследования проблематики трудовой мобильности молодежи в современном российском обществе определяется неоднородностью факторов, влияющих на этот процесс, и неоднозначностью ее результатов для интеграции молодых людей в сферу труда и занятости. С одной стороны, изменение места работы молодым работником в рамках трудовой мобильности может быть связано с новыми возможностями для личностного развития, профессионального роста, карьерного продвижения, что в целом характеризуется восходящей социальной мобильностью. С другой стороны, частая смена мест работы может быть обусловлена личными и социальными проблемами, препятствующими самореализации молодого человека как личности и профессионала.

Учитывая многокомпонентное содержание трудовой мобильности и дифференциацию молодежи как социально-демографической категории, в настоящей работе представляется целесообразным сосредоточить фокус исследования на характеристике потенциала трудовой мобильности занятой в экономике молодежи, связанного с готовностью молодых людей к смене места работы в ближайшей перспективе.

В настоящее время особое внимание к исследованию различных аспектов трудовой активности молодежи обусловлено значимостью для современной российской экономики и общества задач воспроизводства трудовых ресурсов, повышения качества и производительности труда, реализации в трудовой деятельности профессионального потенциала работников, а также включения в эти процессы молодого поколения россиян и обеспечения их социально-трудовой интеграции. В связи с этим активизация трудовой мобильности занятой в экономике молодежи, проявляющаяся в (частых) переходах с одного места работы на другое, может нести в себе как ресурсные возможности, так и риски для экономического и социального развития страны.

На 2021 г. в России в структуре занятых в экономике доля молодежи в возрасте 15–29 лет составляет около пятой части (16,2%) от общей численности данной категории населения. При этом максимальный уровень занятости наблюдается среди «молодых взрослых» (возрастной категории 25–29 лет) и достигает 83,7% от числа этой возрастной группы. Среди 20–24-летних уровень занятости составляет около половины от их численности (49,2%), среди 15–19-летних – только 4,6% [1, с. 30–31]. Такая дифференциация возрастных групп российской молодежи по уровню занятости формируется в основном

в силу обучения в образовательных организациях профессионального образования, преобладающего среди лиц более молодого возраста.

Обращаясь к предмету настоящего исследования, представляется возможным интерпретировать потенциал трудовой мобильности молодежи как готовность молодых людей сменить место имеющейся работы в ближайшей временной перспективе, а факторы активизации такого потенциала – как причины, формирующие эту готовность и способные оказать влияние на ее реализацию в трудовом поведении. В такой трактовке потенциал трудовой мобильности молодежи может быть представлен в русле концепции субъективной мобильности, возникшей в результате необходимости понимания различных проявлений мобильности в объективном и субъективном измерениях и изучения ее как многомерного феномена в современном обществе. Субъективная мобильность выражается в осознании индивидом своих возможностей в перемещении между слоями социальной структуры, изменении статусов и перспектив их реализации [2, с. 26–27].

В этом контексте эмпирическим объектом исследования выступает занятая в экономике молодежь, имеющая работу в определенный момент времени, и, соответственно, целью настоящей работы является определение потенциала трудовой мобильности работающей молодежи и факторов его активизации в современных российских условиях. Реализовать эту основную задачу позволяет анализ эмпирических данных, полученных в ходе опросов молодежи в рамках авторского исследования, а также сравнительный анализ этих данных с результатами других общероссийских и региональных опросов молодежи, проведенных исследователями в 2018–2021 гг.

Целью нашего исследования стали выявление и характеристика трудовых ориентаций и практик молодежи, определяющих ее интеграцию в систему социально-трудовых отношений современного российского общества. Его методология базировалась на сочетании методов сбора данных количественной и качественной стратегий социологического исследования: метода стандартизированного интервью в массовом опросе молодежи и метода глубинных интервью с представителями отдельных категорий молодежи. Это позволило получить в результате проведения массового опроса данные о распространенности определенных установок и практик в молодежной среде, а при реализации глубинных интервью – выявить причинные факторы исследуемого феномена

на основе более детализированных данных. Авторские опросы этими методами были проведены в 2019 г. среди молодежи Курской области в возрасте 18–29 лет. Выборка массового опроса молодежи методом стандартизированного интервью формировалась как квотная (основные параметры квот – возраст, пол, тип поселения), общее количество респондентов составило 350 человек. В данной статье представлен анализ данных по выделенной подвыборке – занятой в экономике молодежи. Выборка опроса методом глубинных интервью формировалась как целевая и предполагала отбор представителей работающей молодежи, включила 8 человек. Одна из гипотез авторского исследования отражала предположения о высоком потенциале трудовой мобильности работающей молодежи и значимости для его активизации факторов удовлетворенности работой, несоответствия профиля работы и профессии. Изложению и анализу результатов ее эмпирической верификации посвящена настоящая статья.

По ключевому показателю потенциала трудовой мобильности – готовности сменить (или сохранить) место работы в ближайшие три-четыре года – результаты массового опроса обнаруживают существенную неоднородность занятой в экономике молодежи. Так, около половины (45,9%) молодых людей планируют остаться на этой же работе и не готовы к подобным изменениям, однако около четверти (23,2%) выражают готовность уйти с имеющейся работы, поменять ее место, а также практически треть опрошенных (30,9%) не дают определенного ответа на этот вопрос. Тем самым работающая молодежь обладает относительно высоким потенциалом трудовой мобильности, охватывая половину молодых работников, среди которых выделяются две значительные по численности категории: одна из них отличается четко сформированной установкой на смену места работы в ближайшее время, вторая – допускает такие изменения в своем трудовом положении.

Готовность к изменению места работы в недалекой перспективе, с одной стороны, демонстрирует адаптационный потенциал молодежи к поиску лучших условий занятости и трудовой деятельности, реализации себя и своих возможностей в иной сфере, с другой стороны, выступает показателем недостаточной удовлетворенности имеющейся работой.

По данным глубинных интервью, в молодежной среде значимыми факторами активизации потенциала трудовой мобильности, связанной со сменой места работы, являются

стремление к реализации себя и своего потенциала в трудовой деятельности, поиск новых возможностей для этого на новом месте работы:

Да, хотела бы [поменять место работы]. А потому что в какой-то момент в любой деятельности понимаешь, что ты достиг потолка, и на данный момент, даже не по собственной воле, продвигаться некуда. <...> Мне бы хотелось искать другое место, с другими какими-то возможностями, перспективами, возможно даже родом занятий (жен., 22 года, специалист, высш. обр.).

Конечно, допускаю [смену места работы], потому что нужно дальше развиваться, на этой работе нет каких-то «вышезанимаемых», так сказать, должностей, более оплачиваемых, поэтому нужно развиваться, нужно искать что-то новое, а в этой организации ничего хорошего не предвидится (муж., 24 года, специалист, сред. проф. обр.).

Результаты последних социологических опросов российской молодежи также подтверждают достаточно высокую значимость для большей ее части характеристик места работы, связанных с возможностями личного развития и карьерного роста. Так, по данным опроса молодежи в возрасте 18–35 лет, проведенного в г. Москве, Московской, Астраханской и Волгоградской областях в 2021 г. (N = 552 чел.), к приоритетным факторам выбора места работы большинство молодых людей относят содержание трудовой функции, формат труда – по месту работы или дистанционно, а также перспективы развития [3, с. 43]. По результатам опроса молодежи в возрасте 15–35 лет, реализованного Центром социологии молодежи ИСПИ ФНИСЦ РАН в 7 российских регионах в 2020 г. (N = 1155 чел.), в настоящее время ожидания от труда для значительной части молодежи заключаются в профессиональной самореализации и интересной, творческой работе, хотя по сравнению с 2011 г. к 2020 г. распространенность этих установок среди российской молодежи значительно сократилась в случае с ориентацией в труде на самореализацию в профессии с 31,2 до 20,7%, а в случае с ожиданием от труда интересной, творческой деятельности – с 32,3 до 16,2% [4, с. 84]. Опросы молодежи в возрасте 16–30 лет, проведенные в Белгородской области в 2018–2020 гг. (N = 2500 чел.), выявляют приверженность большей части региональной молодежи стратегиям карьерных рационалистов (признающих карьеру, но не готовых жертвовать ради нее чем-то) и карьерных активистов (готовых на многое ради карьеры), в каждом случае – по 37% от общей выборки. Многие

из них считают неотъемлемой составляющей карьеры достижение руководящей должности на разных уровнях управленческой иерархии – в структурном подразделении (24,9%), организации (26,9%) или корпорации (26,1%) [5, с. 175–176].

Вместе с тем у другой значительной части молодежи движущей силой трудовой мобильности, определяющей формирование намерений о смене места работы и их дальнейшую реализацию, являются причины низкой удовлетворенности имеющейся в настоящий момент работой. В глубинных интервью в качестве таких причинных факторов молодые работники называют неудовлетворенность уровнем оплаты труда (зарботной платы), большой объем трудовой нагрузки или график работы и территориальную удаленность своей работы от места проживания:

Здесь я скажу банально и просто, это сторона единственная – это заработная плата. И возможности [повышения] ее просто, по крайней мере, в нашей сфере, практически нет (жен., 22 года, специалист, высш. обр.).

Не доволен ненормированным графиком, который иногда бывает (муж., 27 лет, рабочий, сред. проф. обр.).

Ну, знаете, такой странный, наверное, ответ – удаленность от места жительства, то есть мне приходится тратить каждый день количество времени какое-то определенное для того, чтобы добраться до работы, но... <...> Но, пожалуй, это все (жен., 29 лет, зам. руководителя, высш. обр.).

У некоторых информантов в совокупности подобных причин недовольство имеющимся уровнем оплаты труда (зарботной платы), который оценивается как низкий, выходит на первый план:

Мне не хватает более высокой оплаты, чтобы я мог купить инструмент. Мне не хватает нормального руководства... <...> Понимаете, бороться с этим невозможно никак, потому что руководство никто не поменяет, выше платить вам не станут... Не нравится. Позиция такая: не нравится – уходи. Ну, у меня слишком много нагрузки, которая не оплачивается, у меня непонимающее руководство, я не доволен графиком работы... Ну, и в принципе все (муж., 29 лет, техн. персонал, высш. обр.).

При этом с одними причинами своего недовольства работой молодые люди готовы смириться и принять их как приемлемые для себя условия труда и продолжить трудиться на прежнем месте работы, другие же воспринимаются ими как недопустимые и оцениваются

как серьезный повод для смены места работы. Из этой категории информантов о желании изменить место работы заявляют те, кто недоволен своей работой из-за низкой оплаты труда и большой нагрузки, оцениваемой даже как ущемление трудовых прав работника:

Да [поменял бы место работы], то только в связи с тем, что низкая заработная плата (муж., 24 года, специалист, сред. проф. обр.).

Да [поменял бы место работы], потому что надоело. Хочу, чтобы все мои обязанности оплачивались достойно... То есть, вся нагрузка, которая на меня ложится, чтоб была оплачена... Как это требует Трудовой кодекс – хотя бы так. Да, мне надоело, и меня не устраивает оплата. То есть, нагрузка идет на три, так сказать, должности, а оплату получаю за одну (муж., 29 лет, техн. персонал, высш. обр.).

Тем самым вторая группа факторов, активизирующих потенциал трудовой мобильности занятой в экономике молодежи и обуславливающих ее готовность к смене места работы, связана с недовольством уровнем оплаты труда (зарботной платы) и высоким объемом трудовой нагрузки.

Результаты социологических опросов молодежи, приведенных выше для сопоставления данных, также демонстрируют значительную ценность для многих молодых россиян материальных составляющих работы, прежде всего высокого уровня оплаты труда. По данным вышеупомянутого межрегионального опроса 2021 г., наиболее значимыми для себя факторами выбора места работы более четвертой части молодых людей считают материальное вознаграждение и приемлемые условия работы [3, с. 43]. По результатам опроса молодежи 2020 г. ИСПИ ФНИСЦ РАН, у многих представителей молодого поколения россиян ожидания от труда связаны с повышением уровня жизни (23,7%) и получением средств к существованию (21,6%), т. е. ориентированы на материальные показатели труда [4, с. 84]. В ранее обозначенном исследовании социализационных стратегий белгородской молодежи 2018–2020 гг., определяя обязательную составляющую карьеры, большая часть молодых людей (62,7%) называют высокий уровень заработной платы [5, с. 176].

Анализ полученных данных и их сопоставление с результатами других исследований проблем занятости и труда молодежи в современных российских условиях позволяет прийти к выводам о наличии у занятой в экономике молодежи значительно высокого потенциала трудовой мобильности, связанного с готовностью к смене места работы в ближайшей временной

перспективе, а также ключевой роли для активизации этого потенциала двух групп факторов, имеющих мотивационную природу: намерений молодых людей реализовать себя и свой профессиональный потенциал в трудовой деятельности и карьере и неудовлетворенности уровнем оплаты труда и объемом трудовой нагрузки как условиями труда. Именно эти причинные факторы определяет высокая значимость для многих молодых людей, с одной стороны, возможностей для своего развития как характеристик работы, с другой стороны, высокого уровня оплаты труда и приемлемых условий труда.

В контексте обозначенных выводов актуализируется вопрос о роли соответствия профиля работы и полученной или получаемой профессии (специальности) в формировании потенциала трудовой мобильности занятой в экономике молодежи. На социетальном уровне занятость молодых людей в сфере экономической деятельности, не связанной с профессией, несет риски для воспроизводства социально-профессиональной структуры общества, а для молодежи как социальной общности – угрозы утраты сформированных в процессе обучения профессиональных компетенций и исключения возможности построения карьеры в сфере приобретенной профессии. Однако на индивидуальном уровне эти риски могут не осознаваться и даже отрицаться, поскольку для каждого молодого человека оказывается более важным его личное восприятие работы не по профессии как препятствия для личностного развития и карьерного роста, а также как фактора смены места работы и поиска той, которая соответствует профессиональному образованию.

По данным авторского опроса, среди занятых в экономике молодых людей наблюдается значительная дифференциация по связи их работы с профессией. Более половины из них (53,6%) заняты в сфере полученного профессионального образования или близкой к ней: у 33,8% работа соответствует профессии полностью, у 19,8% – в определенной степени. Однако у 40,1% занятой в экономике молодежи работа не связана с освоенной профессией. При этом незначительная часть рассматриваемой категории молодежи (3,9%) не имеет профессионального образования, некоторые молодые работники (2,4%) не дали определенного ответа на вопрос.

В сравнении с результатами предшествующего опроса молодежи, проведенного нами среди молодых людей в возрасте 15–34 лет в Курской области в 2013 г. (N = 380 чел.), обнаруживается относительная устойчивость такой

неоднородной структуры трудящейся молодежи по связи работы с профессией. Шестью годами ранее 53,8% занятых в экономике молодых людей работали по профессии, 38,5% – нет и 7,7% не имели диплома о профессиональном образовании [6, с. 121].

По данным глубинных интервью, основными причинами трудоустройства молодых специалистов не по профилю полученного образования выступают отсутствие вакантных рабочих мест в соответствующей профессии сфере экономической деятельности и более высокий уровень оплаты труда в другой сфере:

Нет [работа не соответствует профессии]. Выбрал так, потому что некуда было идти (муж., 27 лет, рабочий, сред. проф. обр.).

Нет [работа не соответствует профессии], я получал совсем другое образование. Потому что здесь я зарабатываю больше, чем зарабатывал на прошлой работе (муж., 29 лет, техн. персонал, высш. обр.).

Нет [работа не соответствует профессии], мой профиль [профиль полученного профессионального образования] не связан с моей профессией [работой]. Просто в какой-то момент мне предложили именно эту работу, ну, то есть я работала, и мне предложили повышение. Я поняла, что мне работать интересно, что мне нравится график, опять-таки, нравится заработная плата, и почему, зачем что-то менять, если можно работать на месте, где тебе удобно (жен., 29 лет, зам. руководителя, высш. обр.).

Тем самым анализ проведенных глубинных интервью позволяет выделить две ключевые причины несоответствия работы профилю образования у занятой в экономике молодежи – дефицит рабочих мест и сравнительно низкий уровень оплаты труда в сфере освоенной профессии. Как показывают результаты других исследований проблем занятости и труда российской молодежи в целом и в отдельных регионах, сложности в обеспечении работой по профессии (специальности) отмечают значительным количеством молодых людей на протяжении последних лет. В опросе, проведенном среди ульяновской молодежи в возрасте 18–30 лет в 2015 г. (N = 201 чел.), в качестве основной проблемы трудоустройства для молодежи около 40,0% молодых людей назвали получение работы по своей профессии (специальности) [7].

Природа названных причин рассматриваемого несоответствия связана с разрывом между спросом и предложением квалифицированной рабочей силы на рынке труда, обусловленным его дисбалансом с институтами профессио-

нального образования. В этой ситуации трудоустройство молодых людей на рабочие места, не соответствующие профилю полученной профессии, становится способом саморегуляции поведения молодежи на рынке труда, выступающим, по сути, стихийной мерой снижения безработицы в молодежной среде.

Вместе с тем в исследованиях отечественных социологов и экономистов устанавливается и другая категория причин несоответствия работы и профессии у значительной части российской молодежи – специфика полученной профессии (специальности). Последнее связано с тем, что профиль полученной профессии определяет различную устойчивость специалистов в профессии и имеет разный потенциал образовательной мобильности для молодежи. В современных российских условиях большая устойчивость («верность диплому») свойственна медицинским и компьютерным специальностям [8, с. 41, 59], а большой потенциал восходящей образовательной мобильности – экономическим и педагогическим направлениям подготовки [9].

По данным государственной статистики о связи работы с полученной профессией (специальностью) у трудоустроившихся выпускников образовательных организаций высшего образования на 2019 г., в России это соответствие наблюдается у подавляющего большинства таких лиц, получивших образование в сфере медицины (для клинической медицины – 97,0% от числа выпускников), фармации (95,7%), ядерной энергетики и технологий (83,4%), физической культуры и спорта (83,8%), образования и педагогических наук (80,2%), информационных технологий (для информационной безопасности – 79,2%; информатики и вычислительной техники – 78,3%). Трудоустроены по профессии (специальности) более половины выпускников с высшим образованием по инженерным и техническим специальностям (для электро- и теплоэнергетики – 72,0%; электроники, радиотехники и систем связи – 68,1% и др.), физико-математическим специальностям (для физики и астрономии – 69,1%; математики и механики – 66,8%), а также некоторым гуманитарным направлениям подготовки (для языкознания и литературоведения – 68,6%; психологии – 64,7% и др.), экономике и управлению (62,7%). В то время как другая часть выпускников по этим специальностям и направлениям подготовки, составляющая в зависимости от профиля высшего образования от 28,0 до 37,0% от их общего количества, не работает в этих сферах. Кроме того, невысок уровень занятости по профилю

полученного образования среди выпускников в сфере технологий легкой промышленности (60,6%), сервиса и туризма (58,8%) и особенно сельского, лесного и рыбного хозяйства (39,3%) [10, с. 86]. Такое соотношение в структуре занятости выпускников с высшим образованием в зависимости от полученной профессии (специальности) остается практически неизменным в течение последних лет [11, с. 85–86], за исключением наиболее заметных изменений – увеличения доли таких занятых в сфере образования и педагогики (с 74,7% в 2015 г. до 80,2% в 2019 г.) и существенного сокращения их доли в сфере сельского хозяйства и смежных отраслей (с 56,4% в 2015 г. до 39,3% в 2019 г.) [12, с. 86; 10, с. 86]. Исходя из этого, можно говорить об устойчивости еще одной структуры занятости населения в современном российском обществе – устойчивости структуры занятости выпускников системы высшего образования по профилю полученного образования. В контексте рассматриваемой проблематики это приобретает особое значение, поскольку подавляющее большинство выпускников системы высшего образования относятся к молодежи.

Для характеристики спектра причин, ведущих к распространенности в молодежной среде занятости не по полученной профессии, помимо вышеназванных следует назвать и субъективные причины, связанные с представлениями и установками молодых людей в сфере образования, занятости и труда. Среди них необходимо отметить нежелание некоторых молодых людей работать в конкретной профессиональной сфере, их формальный подход к профессиональному образованию как способу получения диплома без установки на дальнейшую занятость в этой области, ограниченные личные и социальные возможности в освоении востребованных профессий [13, с. 142].

По данным авторского опроса, в настоящее время у основной части (70,8%) тех, кто выражает намерение сменить место работы в ближайшие годы, работа не соответствует профессии. В то время как у большинства (71,6%) молодых работников, которые готовы сохранить место работы, профиль имеющейся работы полностью или частично связан с профилем профессии (таблица).

Показательно, что в проведенных в рамках настоящего исследования глубинных интервью молодые люди не называют несоответствие между работой и профессией в качестве причины неудовлетворенности имеющейся работой и мотива к изменению места работы. Отсюда можно сделать вывод о том, что, несмотря на

Готовность молодежи сохранить место работы в ближайшие три-четыре года по соответствию профиля работы и профессии, %

Соответствие работы и профессии	Готовность сохранить место работы в ближайшие три-четыре года		
	Да, скорее да	Трудно сказать точно	Нет, скорее нет
Работа соответствует профессии	51,6	25,0	10,4
В некоторой степени работа связана с профессией	20,0	26,6	10,4
Работа не соответствует профессии	26,3	37,5	70,8
Нет какой-либо профессии	2,1	4,7	6,2
Затрудняюсь ответить	–	6,2	2,2
Всего	100,0	100,0	100,0

наличие в потенциале трудовой мобильности работающей молодежи высокой доли занятых не по полученной профессии, молодые люди из этой категории не считают или не осознают несоответствие работы и профессии в качестве причинного фактора своей готовности к изменению места работы.

В этом контексте можно привести и данные вышеупомянутого исследования социализационных стратегий белгородской молодежи, согласно которым только 42,3% молодых людей считают работу по специальности обязательной составляющей карьерной стратегии, 40,2% – желательной, а около пятой части (17,6%) – не обязательной [5, с. 176]. Это свидетельствует о том, что большая часть молодых людей не склонна рассматривать отсутствие связи между работой и профессией как ключевое препятствие карьеры.

Как показывают результаты глубинных интервью, проведенных нами с представителями занятой в экономике молодежи, по мнению тех из них, кто ориентирован на построение карьеры, данное препятствие можно устранить, получив необходимое профильное образование:

Планирую [получить профессиональное образование, соответствующее профилю работы в дальнейшем], чтобы повысить, во-первых, свою квалификацию и опять же карьерный рост (муж., 27 лет, рабочий, сред. проф. обр.).

Вместе с тем среди этой категории молодежи есть и те, кто принимает сложившуюся ситуацию, не пытаясь ее изменить и отказываясь от получения профильного образования по различным причинам субъективного и объективного характера:

Потому что мне это [получать профессиональное образование, соответствующее профилю работы] не нужно. Как я уже сказал, если я отучусь, то мне станут навязывать больше работы, но оплата от этого не изменится.

Я считаю, что не надо находить себе личные проблемы, учиться чему-то (муж., 29 лет, техн. персонал, высш. обр.).

Нет [не планирую получать профессиональное образование, соответствующее профилю работы]. Пока еще не придумали такого образования (жен., 29 лет, зам. руководителя, высш. обр.).

Таким образом, анализ данных проведенного автором регионального исследования и их сопоставление с результатами других общероссийских и региональных исследований по близкой проблематике позволяет сформулировать ряд выводов относительно трудового потенциала молодежи в современных российских условиях.

Во-первых, занятая в экономике молодежь значительно дифференцирована по ключевому показателю потенциала трудовой мобильности – готовности к изменению своего места работы в ближайшей временной перспективе. В измерении субъективной мобильности около половины этой категории молодежи можно отнести к социальной базе потенциальной трудовой мобильности, внутри которой выделяются две значимые по численности группы: одна из них имеет четко сформированную установку на смену места работы в недалеком времени, вторая – допускает такие изменения в своем трудовом положении.

Во-вторых, в активизации потенциала трудовой мобильности работающей молодежи ключевое значение имеют две группы факторов мотивационной природы. Первая из них включает намерения молодых людей реализовать себя и свой профессиональный потенциал в трудовой деятельности и карьере на новом месте работы; вторая представлена основными причинами неудовлетворенности условиями труда на имеющейся работе – уровнем оплаты труда и объемом трудовой нагрузки. Значимость этих

факторов обуславливается приоритетностью для многих молодых людей таких характеристик работы, как возможности для личностного развития, профессиональной самореализации и карьерного роста, а также высокий уровень оплаты труда и приемлемые условия труда.

В-третьих, в молодежной среде остается распространенной занятость не по полученной профессии (специальности), несущая в себе риски как на социальном, так и личностном уровнях. Среди молодых работников, намеренных изменить место работы в ближайшие годы, обнаруживается высокая доля тех, чья работа не связана с профессией, однако эти молодые люди не считают или не осознают несоответствие работы и профессии в качестве причинного фактора своей потенциальной трудовой мобильности, а также не оценивают его как препятствие карьере, считая возможным при наличии собственного желания получить в дальнейшем профильное образование.

Список литературы

1. Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2022 : стат. сб. / Росстат. М., 2022. 151 с.
2. Многомерная социальная мобильность в современной России / отв. ред. М. Ф. Черныш, Ю. Б. Епихина. Электрон. текст. дан. (объем: 1,15 Мб). М. : Институт социологии ФНИСЦ РАН, 2018. 112 с. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). <https://doi.org/10.19181/monograph.2019.3>
3. Дьякова В. В., Каргаполова Е. В., Астафьева П. В., Давыдова Ю. А. Трудовые ориентации молодежи в эпоху цифровизации // *Primo Aspectu*. 2022. № 3 (51). С. 42–46. <https://doi.org/10.35211/2500-2635-2022-3-51-42-46>
4. Саморегуляция в молодежной среде: типологизация и моделирование / под общ. ред. Ю. А. Зубок; ФНИСЦ РАН. Белгород : Эпицентр, 2022. 360 с. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-382-9.2022>
5. Шаповалова И. С. Карьерные стратегии провинциальной молодежи // *Социальная политика и социология*. 2021. Т. 20, № 3 (140). С. 173–182. <https://doi.org/10.17922/2071-3665-2021-20-3-173-182>
6. Пасовец Ю. М., Кадничанская М. И., Галкина Е. П. Молодежь российских регионов. Курск : Изд-во Курского гос. ун-та, 2017. 236 с.
7. Кадничанская М. И., Галкина Е. П. Труд как элемент ценностной системы молодежи // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2016. № 2 (37). С. 53–60.
8. Выбор профессии: чему учились и где пригодились? / В. Гимпельсон, Р. Капелюшников, Т. Карабчук, З. Рыжикова, Т. Биляк. Препринт WP3/2009/03. М. : ГУ ВШЭ, 2009. 64 с.
9. Епихина Ю. Б. Работа по специальности, профиль образования и образовательная мобильность // *Информационно-аналитический бюллетень. ИНАБ*. 2019. № 4. Социальная адаптация молодежи на рынке труда. С. 112–129. <https://doi.org/10.19181/inab.2019.4.9>
10. Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2020 : стат. сб. / Росстат. М., 2020. 145 с.
11. ИНАБ № 1 – Молодежь: конструирование трудовой биографии / отв. ред. М. К. Горшков. М. : Институт социологии ФНИСЦ РАН. 2018. 148 с. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). <https://doi.org/10.19181/inab.2018.1>
12. Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2018 : стат. сб. / Росстат. М., 2018. 142 с.
13. Пасовец Ю. М. Молодежь в системе социально-трудовых отношений транзитивного общества. Курск : Изд-во Курского гос. ун-та, 2020. 232 с.

Поступила в редакцию 03.11.2022; одобрена после рецензирования 03.12.2022; принята к публикации 05.12.2022
The article was submitted 03.11.2022; approved after reviewing 03.12.2022; accepted for publication 05.12.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 22–27

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 22–27

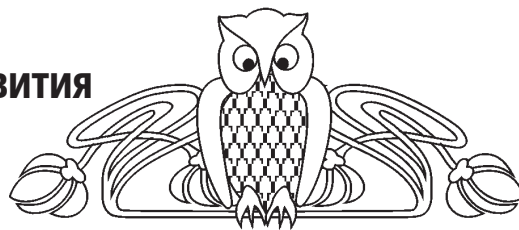
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-22-27>, EDN: DRDONV

Научная статья

УДК 316.4.06

Технический прогресс как фактор развития института образования

А. А. Филиппов

Пензенский государственный университет, Россия, 440026, г. Пенза, ул. Красная, д. 40

Филиппов Антон Александрович, кандидат социологических наук, первый заместитель начальника финансово-экономического управления, ntnppov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0758-5796>

Аннотация. Образование представляет собой один из важнейших институтов социального воспроизводства, обеспечивающих как процессы социализации, так и формирование профессиональной компетенции членов общества. Образование как институт не является статичным. Оно меняется под влиянием различных социальных факторов и, в частности, трансформируется в зависимости от того, каковы социальные запросы. Исходя из системного подхода, автор полагает, что позитивные трансформации условий осуществления образовательной деятельности не только инициируют развитие института образования, но и опосредованным образом сказываются на всем социуме. В этом контексте значимые общественные трансформации сопровождаются изменением характеристик образовательной деятельности. В статье выясняется, какого рода трансформации имеют место в связи с развитием информационных технологий. Оцениваются перспективы, связанные с современным развитием информационных технологий, а также проблемы и риски, обусловленные внедрением информационно-коммуникационных технологий в образовательный процесс. В частности, среди положительных результатов влияния технического прогресса на возможности педагогов отмечается повышение доступности учебных и научных материалов, совершенствование иллюстративных методик, упрощение каналов коммуникации. Среди отрицательных последствий автором показывается, насколько просто современным учащимся обходить формы контроля выполнения заданий, что, в свою очередь, сказывается на качестве усвоения компетенций. Также принимается в расчет тот факт, что технический прогресс со второй половины XX в. существенно опережает потребности в трансформации системы образования. Рассматривается опыт применения удаленных форм образовательной деятельности в период пандемии и оцениваются положительные и отрицательные стороны удаленного образования.

Ключевые слова: образование, информационные технологии, средства коммуникации, Интернет, удаленное образование, трансформация образования, инновации в образовании

Для цитирования: *Филиппов А. А. Технический прогресс как фактор развития института образования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 22–27. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-22-27>, EDN: DRDONV*

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Technical progress as a factor in the development of the institute of education

A. A. Filippov

Penza State University, 40 Krasnaya St., Penza 440026, Russia

Anton A. Filippov, ntnppov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0758-5796>

Abstract. Education is one of the most important institutions of social reproduction, providing both the processes of socialization and the formation of the professional competence of society members. Education as an institution is not static. It changes under the influence of various social factors, and, in particular, it is transformed depending on what social demands are. The author, on the basis of the systematic approach, believes that positive transformations in the conditions for the implementation of educational activities initiate the development, not only of the institution of education, but also indirectly affect the entire society. In this context, significant social transformations are accompanied by changes in the characteristics of educational activities. The article raises the question of what kind of transformations take place in connection with the development of information technology. The prospects associated with the modern development of information technologies are assessed, as well as the problems and risks associated with the introduction of information and communication technologies in the educational process. In particular, the positive results of the impact of technological progress on the capabilities of teachers, include the increase in the availability of materials, the improvement of illustrative methods, and the simplification of communication channels. The negative consequences shows how easy it is for contemporary students to bypass the forms of monitoring the performance of tasks, which, in turn, affects the quality of mastering competencies. Also, the author takes into account the fact that technical progress after the second

half of the 20th century is significantly ahead of the needs for the transformation of the education system. The article discusses the experience of using distant forms of educational activity during the pandemic and evaluates the positive and negative aspects of distant education. **Keywords:** education, information technologies, communication tools, Internet, remote education, transformation of education, innovations in education

For citation: Filippov A. A. Technical progress as a factor in the development of the institute of education. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 22–27 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-22-27>, EDN: DRDONV

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Внедрение инноваций в систему образования – это процесс, который было бы некорректно считать присущим исключительно современному этапу развития общества. Институт образования не является чем-то статичным, он развивается и модифицируется по мере развития общества, частью которого он является. И эти изменения во многом продиктованы как раз изменением потребности общества в конкретных формах образовательной деятельности. Вместе с тем было бы ошибкой считать, что всякое нововведение в образовательной сфере представляет собой «ответ» на возникшие социальные запросы.

Здесь более уместна аналогия с эволюционным процессом, в рамках которого возникает множество по большей части случайных форм, среди которых сохраняются лишь наиболее эффективные и жизнеспособные. Применительно к сфере образования в роли критериев эффективности и жизнеспособности выступают те самые социальные запросы на реализацию функций образования, которые со временем могут трансформироваться в зависимости от конкретного состояния общества.

В данном контексте следует обратить внимание на то, что сам по себе процесс подбора оптимальных форм может осуществляться случайным образом, через перебор различных вариантов, либо же может основываться на теоретических и методологических установках социальной науки, что позволяет определить наиболее предпочтительные векторы развития и, напротив, уберечь от осуществления неблагоприятных на длительную перспективу решений.

Особенность образования в данном случае состоит в том, что его воздействие на общество во многом носит неявный, скрытый характер, а результативность образовательного процесса в ряде аспектов может проявляться спустя длительное время после реализации того или иного нововведения. Последнее связано с тем, что цикл образовательного процесса измеряется годами, а его результаты зачастую могут быть оценены на практике лишь после того, как образовательный процесс был завершен (применительно к характеристикам выпускников конкретного учебного заведения). Это свиде-

тельствует в пользу того, что применительно к сфере образования чрезвычайно важно обладать развитой научной теорией, которая позволяет предугадывать последствия того или иного регулятивного решения (в том числе на уровне его краткосрочных и долгосрочных последствий).

Современный период характеризуется активным развитием инновационных технологий, что наиболее сильно проявляется в сфере информационных технологий и средств коммуникации [1]. За ближайшие десятилетия произошел колоссальный скачок в объеме и интенсивности информационного обмена, и это сопровождается существенным повышением уровня доступа членов общества к информации. В этом контексте естественным процессом стало размещение пользователями различного рода полезной информации, в том числе принимающей форму обучающего контента [2]. Как результат, получение знаний в ряде областей приобрело характер крайне удобной и демократичной процедуры, не требующей соблюдения каких-либо условий помимо наличия гаджета и доступа к Интернету. В то же время на уровне классических вузов проявилась тенденция, связанная с попытками внедрения новых технологий в образовательный процесс.

В период пандемии COVID-19 произошел качественный скачок в развитии прикладной составляющей информационных технологий, что затронуло ряд сфер общественной жизни, включая область образовательных отношений [3]. Поскольку в условиях мер по самоизоляции продолжение образовательного процесса по-прежнему оставалось необходимостью, это стало возможным только в формате удаленного образования, осуществляемого посредством современных информационных технологий. Данная ситуация, по сути, дала мощный толчок не столько к развитию технологий удаленного информационного взаимодействия, сколько к их внедрению в практику образовательных отношений [4]. И по факту относительно успешного применения удаленных образовательных технологий сформировался ряд проблем, связанных, с одной стороны, с попытками обобщить позитивный опыт применения цифровых технологий в образовании, с другой стороны –

с необходимостью выявить социальные риски и противоречия, связанные с внедрением новых технологий в образовательный процесс.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что в условиях интенсивного развития науки и техники, которое сопровождается также обширными общественными трансформациями, условия образовательной деятельности и в целом перспективы развития института образования в значительной степени меняются, и в этом отношении актуальными становятся вопросы: какова качественная определенность данных изменений и какого рода регулятивные воздействия могут быть осуществлены в настоящее время для повышения эффективности образовательной деятельности и минимизации возникающих социальных рисков?

Данные вопросы имеют чрезвычайно сложный характер, поскольку предполагают сопоставление знаний, находящихся в различных теоретических плоскостях. Вместе с тем уровень развития современного гуманитарного знания достаточен для того, чтобы такого рода сопоставление было решено как минимум на базовом уровне. Это определяет общую направленность настоящего исследования, связанную с раскрытием общей специфики и перспектив развития института образования в условиях воздействия фактора технического прогресса в информационной сфере.

Для начала следует определиться с тем, каковы основные формы воздействия современных информационных технологий на систему образования. Из наиболее явных мы можем выделить следующие:

- расширение доступа учащихся к учебным и научным материалам посредством их просмотра на уровне интернет-ресурсов;
- возникновение инновационных возможностей по демонстрации вспомогательных учебных материалов в рамках преподавания учебного курса;
- возможность записи эксклюзивных видео с лекциями выдающихся ученых и их размещения в общем доступе;
- возможность изменения формата учебного взаимодействия с очного (в рамках учебной аудитории или класса) на заочную / удаленную форму;
- изменение способа отношения учащихся к знанию, связанное с повышением его доступности;
- деформация отдельных образовательных практик (подготовка доклада на практическое занятие, подготовка рефератов и квалификационных работ) в связи с развитием информационных технологий.

Рассмотрим данные аспекты по порядку. Для начала следует отметить, что расширение доступа учащихся к учебным и научным материалам связано с наличием многочисленных сетевых библиотек, на уровне которых размещено огромное количество учебной литературы. Библиотеки данного рода становятся серьезным подспорьем в рамках образовательного процесса, поскольку в текущих условиях учащиеся, вместо того чтобы идти в библиотеку и запрашивать там искомую литературу, могут получить требуемую информацию непосредственно через Интернет. Как результат, скорость получения необходимой информации и удобство процесса многократно возрастают. При этом следует отметить, что в Интернете выложены сканы редких изданий, которые зачастую недоступны по месту проживания.

Все это в совокупности определяет, что развитие информационных технологий (в вопросе доступа к учебным материалам) оказало серьезное позитивное воздействие на осуществление самостоятельного образовательного процесса. Отдельно следует отметить, что помимо текстовой информации, посвященной различным вопросам, в Интернете размещено большое количество видеоуроков, в рамках которых раскрываются разнообразные темы. Вместе с тем следует отметить, что наличие в сетевом пространстве большого количества учебных материалов имеет не только позитивные, но и негативные последствия. Это связано, прежде всего, с тем, что размещение информации в Интернете является на ряде ресурсов свободным и не предполагает момента рецензирования и каких-либо иных механизмов контроля качества. Как результат, в сетевом пространстве оказывается размещена информационная продукция различной степени качества, от созданных профессионалами учебных материалов и заканчивая студенческими работами. При этом, например, на уровне портала Википедия, пользующегося широкой популярностью среди студентов и школьников, разместить информацию может любой пользователь.

Это определяет риски, связанные с получением неполной и даже ошибочной информации из сетевого пространства, а также свидетельствует о необходимости критической оценки тех материалов, которые учащиеся получают в Сети. В данном контексте понимание того, какие информационные источники предпочтительны в рамках самостоятельной подготовки, а какие, в свою очередь, являются недостаточно качественными, имеет очень большое значение. И одна из серьезных проблем здесь та, что у существенной доли учащихся такого понимания нет.

Следующим значимым аспектом является то, что информационные технологии позволяют продемонстрировать ряд аспектов преподаваемого предмета посредством современных инновационных средств. Это означает, что современное образование переходит из формата вербального взаимодействия педагога и учащихся в комбинированный формат коммуникации, связанный с демонстрацией различных схем, просмотром видеороликов обучающего характера и т. д.

Данный аспект представляет собой позитивное явление, существенно расширяющее возможности преподавателя, однако сам по себе момент возникновения новых возможностей и инструментов уже говорит о том, что профессиональная компетенция педагогов в условиях развития инновационных технологий трансформируется. Современным учителям и преподавателям необходимо владеть (хотя бы на минимальном уровне) программами и технологическими приспособлениями, чтобы насыщать образовательный процесс, делать его более эффективным. Это определяет повышение нагрузки на преподавательский состав и социальный запрос на повышение педагогами квалификации, связанное с использованием инновационных средств образовательной деятельности.

Одним из интересных последствий развития инновационных технологий является то, что в настоящее время стало возможным документирование лекций выдающихся преподавателей, включая их запись на видео, что существенно расширяет доступность эксклюзивных образовательных материалов, которые ранее были доступны лишь единицам, посещающим соответствующие лекции. В данном контексте может возникнуть идея о том, что со временем очное преподавание может быть заменено на демонстрацию высококачественных видеоматериалов, созданных наиболее эффективными специалистами, однако подобного рода подход имеет не только плюсы, но и существенные минусы. К числу плюсов перехода образования на этап демонстрации лекционных курсов в видеоформате можно отнести стабильный уровень образовательных материалов и в целом унификацию образовательного процесса. Однако в данном случае необходимо учитывать тот факт, что приобщение к видеоматериалам представляет собой формат информационного взаимодействия без обратной связи, по причине чего учащиеся не имеют возможности задавать вопросы по интересующим их вопросам и тем самым повышать качество своего обучения [5].

Еще одним немаловажным моментом в данном случае является то, что в рамках оч-

ного процесса обучения преподаватель имеет возможность адаптировать производимые действия к возможностям и потребностям учащихся, в то время как демонстрация универсальных лекционных курсов такой возможности не предполагает. Также следует отметить, что образование включает в себя не только работу по обучению учащихся, но и воспитательно-социализационный элемент, и в данном случае между очным обучением и приобретением знаний посредством просмотра видеоматериалов присутствует существенное различие, связанное с тем, что воспитательная составляющая в данном случае в существенной степени нивелируется (включая такие аспекты, как формирование в среде учащихся привычки к дисциплинированному поведению, приобщение их к академической культуре и т. д.).

Таким образом, вопрос о значении и перспективах трансформации образовательной системы, связанной с изменением ее формата в сторону информационного обмена готовыми блоками учебной информации, имеет неоднозначный, дискуссионный характер. При этом, безусловно, наличие в открытом доступе высококачественных учебных материалов является позитивным, поскольку расширяет возможности учащихся по повышению уровня и глубины знаний в изучаемых областях.

Обратимся к следующему аспекту, а именно к вопросу о соотношении удаленного и очного обучения. В данном случае следует отметить, что опыт внедрения механизмов удаленного обучения показал как серьезные преимущества данного подхода, так и его существенные недостатки. Для начала рассмотрим вопрос о том, какие преимущества несет в себе внедрение механизмов удаленного образования. Первое и наиболее значимое преимущество связано с повышением доступности образовательного процесса и его независимостью от местоположения учащихся, что позволяет многим людям получать образование, не меняя при этом место жительства. Следовательно, как учащиеся, так и преподаватели приобретают возможность избежать временных издержек, связанных с физическим перемещением в образовательное учреждение. При этом немаловажно и то, что удаленный формат образовательной деятельности позволяет вести занятия преподавателям, проживающим на существенном расстоянии от учебного заведения, причем в данном случае допустимое расстояние практически не ограничено.

Что касается проблем и противоречий, связанных с осуществлением удаленного образовательного процесса, следует отметить, что опыт внедрения механизмов удаленного

образования показал наличие ряда проблем, влекущих за собой повышение нагрузки на учащихся и преподавателей, а также снижение качества учебного процесса. Это связано с тем, что осуществление удаленного обучения производится учащимися и преподавателями преимущественно по месту проживания, что несет в себе существенные сложности, связанные с выделением пространства для учебного процесса, а также необходимостью исключения отвлекающих факторов (что в отдельных случаях весьма проблематично). В данном контексте специальное место, отведенное для учебного процесса в рамках традиционной системы образования, имеет четко выраженные преимущества.

Еще одним негативным моментом является то, что в отдельных случаях из-за нарушения соединения происходит утрата отдельными учащимися возможности слышать и видеть преподавателя, что порождает негативный эффект фрагментарного обучения. Отдельно следует отметить, что механизмы удаленного обучения не предполагают процессов социализации в учебном коллективе, а это существенно урезает функциональное значение образовательного процесса.

Еще одно следствие развития информационных технологий то, что в современном обществе в значительной степени поменялся характер отношения учащихся к знаниям и, соответственно, к образовательной системе как институту, на уровне которого возможно получение знаний. В данном случае ключевую роль играет то, что с развитием информационно-коммуникационных технологий доступность знания существенно повысилась, в то время как ценность обладания знанием, напротив, снизилась. Это связано с тем, что каждый человек, обладающий доступом к Интернету и минимальными навыками работы с поисковыми системами, является *потенциально знающим*, и потому качественное (в том числе на статусном уровне) различие между человеком, обладающим знанием, и тем, кто им не владеет, в настоящее время существенно снизилось в социальном восприятии.

Это касается и восприятия системы образования. При наличии огромного количества информационной продукции (в том числе обучающего характера) система образования – это лишь *один из доступных источников знания*, а не единственно возможный. Отсюда – во многом необоснованное снижение значимости образовательной среды в мировоззрении учащихся, что определяет, помимо прочего, снижение мотивации к качественной учебной деятельности. Здесь следует отметить, что в действитель-

ности уровень качества доступной по сетевому запросу информации зачастую существенно ниже, а в отдельных ситуациях учащиеся не могут найти достаточно информации по запросу, связанному с обучением. И в данном контексте важным условием повышения эффективности образовательного процесса является акцентуация внимания учащихся на эксклюзивности того знания, которое они получают.

Последний из аспектов изменения условий функционирования образовательной системы, обусловленный развитием инновационных технологий в сфере коммуникации, связан с тем, что в реалиях доступности большого количества информации по сетевому запросу многие учащиеся приобрели склонность к недобросовестным манипуляциям, сопряженным с замещением личной работы заранее полученными из Сети решениями. Речь идет как о многочисленных и многообразных «решешниках» по школьной программе, так и о практике использования интернет-ресурсов при подготовке докладов и рефератов, причем в данном случае речь идет не об обращении к сетевым ресурсам для получения знания, а, скорее, о копировании материалов и последующем позиционировании их в качестве результатов собственного труда.

Подобного рода деятельность, по сути, представляет собой плагиат и фальсификацию. При этом широкое применение подобного рода методов влечет за собой значительное снижение качества образования ввиду того, что учащиеся недостаточно усилий прилагают к самостоятельной работе. Широкое использование учащимися средств коммуникации в рамках сдачи зачетов и экзаменов также неблагоприятно сказывается на эффективности образовательного процесса.

Подведем итог. Развитие информационных технологий определило как повышение возможностей по реализации качественного образовательного процесса, так и возникновение существенных рисков, причем связаны они и с воздействием, оказываемым информационной средой на учащихся, и с утратой институтом образования отдельных функций в результате внедрения инновационных моделей образовательной деятельности. Это определяет значимость корректной оценки последствий того или иного нововведения с учетом не только его позитивных сторон, но и издержек. Лишь такой, комплексный подход может способствовать благоприятному развитию образовательной системы, в рамках которого она, с одной стороны, реализует потенциал существующих инновационных разработок, с другой стороны – избегает потери функциональности.

Список литературы

1. Сидоренко В. А. Роль коммуникативного фактора в формировании культурного пространства // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2020. Т. 6 (72), № 1. С. 76–85.
2. Костюченко Т. Я. Информационная культура и электронные обучающие ресурсы // Вестник Кемеровского государственного университета. 2010. № 2. С. 44–47.
3. Борзова Т. А. Уроки пандемии: цифровая трансформация высшего образования в формате удаленного обучения // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2021. № 1. С. 195–208. <https://doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2021-1/195-208>
4. Вакула И. М., Гафиатулина Н. Х. Пандемия COVID-19: социологический взгляд на трансформацию сфер общественной жизнедеятельности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 3. С. 30–34. <https://doi.org/10.23672/0575-0198-2001-1>
5. Корепанова Н. В., Стародубова Е. В. Дистанционное обучение: проблемы и перспективы // Cross-Cultural Studies: Education and Science. 2020. Т. 5, вып. 2. С. 139–149. <https://doi.org/10.24411/2470-1262-2020-10086>

Поступила в редакцию 23.11.2022; одобрена после рецензирования 07.12.2022; принята к публикации 12.12.2022
The article was submitted 23.11.2022; approved after reviewing 07.12.2022; accepted for publication 12.12.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 28–32

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 28–32

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-28-32>, EDN: HFTNXV

Научная статья

УДК 303.1+316.4

Медицинский туризм в России: дизайн социологического исследования и прогноза

Л. Ю. Штольц

Мичуринский государственный аграрный университет, Россия, Тамбовская обл., 393760, г. Мичуринск, ул. Интернациональная, д. 101

Штольц Лора Юрьевна, аспирант кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Leskova.i@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8242-8873>

Аннотация. В статье рассматривается медицинский туризм в России как социальный феномен. Предлагается дизайн (разработка программы, гипотез, методологии) социологического исследования, который предполагает осмысление существующей и добывание недостающей информации об исследуемом социальном феномене. В решении указанных задач важно понимать, что на генезис и развитие медицинского туризма оказывают влияние довольно многочисленные социальные факторы (зачастую действующие в прямо противоположных направлениях), актуализирующие социальную реальность во временной перспективе прошедших одного–двух лет. В первую очередь, это «ковидный» и «политический» векторы социальных процессов. Для разработки программы социологического исследования рынка медицинских услуг важно иметь в виду, что в них больше заинтересованы туристы из развитых стран, где цены на аналогичные услуги гораздо выше, чем в России. Базовая гипотеза результирующего прогноза сегодня формулируется так: российский рынок медицинских услуг в настоящее время и в ближайшей перспективе станет менее привлекателен для иностранных медицинских туристов, чем в прошлые годы, в частности, из-за ухудшения качества оказываемых услуг и стремительного повышения цен на них. Внутренний медицинский туризм будет претерпевать как отрицательные, так и положительные изменения. Перспективными отраслями рынка медицинских услуг в России являются хирургия и лечение неврологии. Однако прочие сферы медицины, как в текущем периоде, так и в среднесрочном, остро нуждаются и будут нуждаться в параллельном импорте и импортозамещении.

Ключевые слова: медицинский туризм, социальный феномен, социологическое исследование, векторы социальных процессов

Для цитирования: Штольц Л. Ю. Медицинский туризм в России: дизайн социологического исследования и прогноза // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 28–32. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-28-32>, EDN: HFTNXV

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Medical tourism in Russia: Design of sociological research and prognosis

L.Yu. Stolz

Michurinsk State Agrarian University, 101 Internationalnaya St., Michurinsk 393760, Tambov region, Russia

Lora Yu. Stolz, Leskova.i@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8242-8873>

Abstract. The article considers medical tourism in Russia as a social phenomenon. The design (development of a program, hypotheses, methodology) of sociological research is proposed, which involves understanding the existing and obtaining missing information about the investigated social phenomenon. In solving these problems, it is important to understand that the genesis and development of medical tourism are influenced by quite numerous social factors (often acting in directly opposite directions) that actualize social reality in the time period of one to two years ago. First of all, these are «covid» and «political» vectors of social processes. To develop a program for sociological research of the medical services market, it is important to keep in mind that tourists from the developed countries, where prices for similar services are much higher than in Russia, are more interested in them. The basic hypothesis of the resulting forecast today is formulated as follows: the Russian market for medical services currently and in the near future will become less attractive for foreign medical tourists than in previous years, in particular, due to the deterioration of the quality of the services provided and the rapid increase in prices for them. Domestic medical tourism will undergo both negative and positive changes. The promising branches of the medical services market in Russia are surgery and neurology. However, other areas of medicine both in the current period and in the medium term are in dire need and will need parallel import and import substitution.

Keywords: medical tourism, social phenomenon, sociological research, vectors of social processes

For citation: Stolz L. Yu. Medical tourism in Russia: Design of sociological research and prognosis. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 28–32 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-28-32>, EDN: HFTNXV

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Социальный феномен медицинского туризма в России относится к явлениям новым, малоизученным, его исследование и обозначение направлений прогнозирования развития представляются актуальными и с позиций социологической науки, и в силу значимости социальных последствий.

Дизайн (разработка программы, гипотез, методологии) социологического исследования предполагает осмысление существующей и добывание недостающей информации об исследуемом социальном феномене. Начнем с постановки цели и задач социологического исследования. Цель состоит в изучении нового для России социального явления – медицинского туризма – в настоящее время и в перспективе.

Для достижения данной цели поставлены следующие задачи:

- 1) определить направления развития российского медицинского туризма;
- 2) выявить предпочтения иностранных граждан на российском рынке медицинских услуг;
- 3) исследовать возможности медицинского туризма для иностранных граждан;
- 4) определить внутренние предпочтения российских граждан в получении медицинских услуг;
- 5) выявить перспективные направления развития медицинского туризма в России.

В решении указанных задач важно понимать, что на генезис и развитие медицинского туризма оказывают влияние довольно многочисленные социальные факторы (зачастую действующие в прямо противоположных направлениях), актуализирующие социальную реальность во временной перспективе прошедших одного–двух лет. В первую очередь, это «ковидный» и «политический» векторы социальных процессов. При обострении пандемии коронавирусной инфекции российский рынок медицинских услуг активно развивается и привлекает туристов из-за рубежа. В связи с политической напряженностью вполне возможно, что туристы из развитых стран переориентируются на страны Восточной Европы и Азии, а российские туристы частично – на внутренний рынок. Для разработки программы социологического исследования рынка медицинских услуг важно иметь в виду, что в них больше заинтересованы туристы из развитых стран, где цены на аналогичные услуги гораздо выше, чем в России. При этом российские граждане нередко предпочитают получать те или иные медицинские услуги в развитых странах, несмотря на их дороговизну. На российские медицинские

услуги также существует спрос и со стороны развивающихся стран, в частности стран СНГ.

Основными направлениями медицинского туризма со стороны иностранных граждан являются: лечение онкологии и российское акушерство. На эти два направления в 2020 г. приходилось около 22% оказанных иностранцам услуг. Основными потребителями являлись граждане, приезжавшие из Таджикистана и Украины [1].

Российское акушерство особенно привлекает медицинских туристов из-за рубежа сравнительно низкими ценами на ЭКО. В Европе и Азии ЭКО-услуги в два–три раза дороже, чем в России. При этом в нашей стране отсутствуют жесткие возрастные ограничения на проведение таких процедур пациентам. Наибольшим спросом ЭКО-услуги в России пользуются у медицинских туристов из Китая и скандинавских стран, в том числе и потому, что там эти услуги не покрываются медицинской страховкой, а следовательно, очень дороги [1].

Стоит отметить, что для медицинских туристов из бывших союзных республик СССР наиболее привлекательны российские медицинские центры федерального значения, но не частные клиники. Это обусловлено также тем, что государственные медицинские учреждения еще в 2020 г. имели конкурентоспособную материально-техническую и научную базу, могущую привлечь иностранных медицинских туристов [1].

Внутренний российский медицинский туризм также привлекателен для зарубежных туристов ввиду беспрепятственного оказания тех услуг, которые по тем или иным причинам запрещены в других странах. Например, во Франции начиная с 2019 г. было запрещено проведение операций по искусственному увеличению груди, включающее применение имплантов, имеющих достаточно широкое распространение в использовании.

Эпидемия коронавируса в 2020 г. не только заставила российских граждан обратить внимание на отечественную медицину, но и увеличила поток иностранных медицинских туристов. Несмотря на то что Россия в 2020 г. ограничила въезд для иностранцев, для международных медицинских туристов было сделано исключение. Так, в 2020 г. медицинская помощь была оказана 3,9 млн иностранцев, что на 23% больше, чем в 2019 г. Однако в денежном выражении произошло сокращение экспорта российских медицинских услуг на 12% [1].

Переходя к обозначению векторов социологического прогноза развития ситуации с медицинским туризмом в России, важно от-

метить следующее. Для прогноза социальных перспектив и последствий становления явления медицинского туризма необходимо учитывать возможности развития: внешне- и внутривнутриполитической ситуации; экономической деятельности в области производства и закупок медицинских материалов и оборудования как в России, так и за рубежом и многие другие факторы. Общие контуры социального контекста прогноза выглядят следующим образом.

Напряженная политическая обстановка, сложившаяся в 2022 г., скорее всего, отрицательно скажется на въезде иностранных медицинских туристов в Россию, несмотря на то, что гражданам 85 стран, включая Таджикистан и Францию, разрешен въезд на территорию страны. Гражданам Украины, имеющим высокий спрос на медицинские услуги в России в последние годы, запрещен въезд на территорию, за исключением жителей ЛНР и ДНР [2]. Условиями для въезда граждан из 85 стран являются: наличие гражданства или вида на жительство одного из этих государств; прибытие только самолетом и исключительно с территории своей страны.

Однако въезд в Россию, в том числе и с целью получения медицинских услуг, может быть затруднен следующими обстоятельствами: наличием репутационных рисков; износом, невозможностью обновления медицинского оборудования; ограничением импорта материалов, используемых в медицинских целях, в том числе его удорожанием и увеличением времени получения (доставки) из-за разрыва прежних логистических цепочек [2]. В частности, для диагностики и лечения онкологических заболеваний в России применялось немецкое оборудование Miltenyi Biotec. Однако в связи с возникновением неблагоприятной политической и репутационной обстановки производитель приостановил поставки в Россию. Так, наибольший ущерб от указанной санкции понес Национальный медицинский исследовательский центр (НМИЦ) детской гематологии имени Дмитрия Рогачева, поскольку деятельность этого учреждения непосредственно связана с немецким оборудованием. Таким образом, в среднесрочной перспективе на неопределенный срок сотрудники центра будут вынуждены приостановить экспериментальную CAR-T-терапию. Такой метод борьбы с опухолью применяется тогда, когда использование других способов не возымело должного результата. В России к августу 2021 г. CAR-T-терапию прошли 60 пациентов, у 90% из которых болезнь вступила в фазу ремиссии.

Miltenyi Biotec также до недавнего времени поставляла в Россию медицинское обо-

рудование, обеспечивающее трансплантацию костного мозга, и реагенты для работы с биоматериалом [3]. Для замещения указанного оборудования может потребоваться неопределенное количество времени, что, несомненно, отрицательно повлияет на качество предоставляемых медицинских услуг в России и развитие отечественного медицинского туризма. Временной мерой по решению указанной проблемы является постановление о временном запрете вывоза из страны медицинских изделий [3].

Российская репродуктология также столкнулась с проблемой импорта оборудования и биопрепаратов. Несмотря на наличие наиболее развитой системы вспомогательных репродуктивных технологий, все препараты для проведения процедур ЭКО в России импортировались из других стран, в основном западных, в частности из Австралии, Испании, Швеции, Дании, США, а также Японии. Материалы российского производства представлены лишь гинекологическими зеркалами и одноразовой одеждой, предлагаемой пациенткам. Так, в марте 2022 г. репродуктология в России столкнулась с ростом цен (на 30–50%), дефицитом расходных материалов и препаратов из-за нарушения логистических цепочек [4]. В ближайшие три года можно будет заменить препараты, в том числе на отечественные, не более чем на 30%. Также адаптация российских специалистов к новым условиям представляет собой достаточно длительный процесс. В текущем периоде ожидается удорожание искусственного оплодотворения минимум на треть. Таким образом, российская ЭКО-индустрия в ближайшие годы не сможет удовлетворить спрос не только иностранных медицинских туристов (в связи с ограниченной доступностью и дороговизной), но и внутренних, что отрицательно отразится и на рождаемости в России [5]. И в этой связи представляется вполне уместным и оправданным внедрение в отечественную практику государственных программ материальной поддержки граждан, желающих прибегнуть к искусственному оплодотворению (или имеющих соответствующие медицинские показания), – например, организованных и реализуемых по схемам и в соответствии с принципами программ «материнского капитала».

В связи с напряжением политической обстановки российская медицина в ближайшем будущем не сможет удовлетворить спрос иностранных граждан на услуги, которые по тем или иным причинам запрещены в других странах, в том числе развитых. Ранее было указано, что во Франции существуют ограничения по увеличению груди. В России эта услуга станет

дороже: возросли цены на импланты, возник дефицит продукции, были разорваны прежние логистические цепочки. Импланты, применяемые в России в эстетической медицине, исключительно импортные и не имеют отечественных аналогов. Основными поставщиками имплантов выступают такие страны, как США, Бразилия, Южная Корея, Китай. При этом стоит отметить, что прямого запрета на поставку в Россию силиконовых имплантов не было. И пока иностранные компании не отзывали свои изделия. Однако это может произойти в ближайшем будущем. Вместе с тем существенно сократился размерный ряд имплантов. Так, российский хирург будет вынужден выбирать из того, что имеется в наличии, а не из сотни различных позиций. Следовательно, это отбросит российскую эстетическую хирургию примерно на 20 лет назад. При этом ожидается рост импорта в Россию из Китая и Южной Кореи. Таким образом, данный сегмент рынка медицинских услуг из элитарного перейдет в статус средне-доступного с существенным понижением качества [6].

Медицинский туризм, прежде всего, развивается за счет частного финансирования самих пациентов, нуждающихся в лечении. Так, по данным опроса «СберСтрахование» и Rambler&Co, проведенного в марте 2022 г, наибольший спрос на платные медицинские услуги имеют стоматология (36%), кардиология (20%) и неврология (13%). Выборку опрошенных составили 3442 российских граждан, проживающих в различных уголках страны, в возрасте от 18 до 45 лет. Из 240 респондентов 14% ответили, что очень довольны медицинским обслуживанием в медицинских центрах, а 21% выразили недовольство [7]. Согласно данным Стоматологической ассоциации России, только за месяц, с февраля по март 2022 г., цены на стоматологические услуги выросли на 15–20% [8]. По отдельным стоматологическим услугам прогнозируется более значимый рост цен. Он обусловлен тем, что оборудование и материалы, используемые в российских стоматологических клиниках, на 90% импортные. Поставщики, в основном из США, европейских стран (Германии, Италии, Швейцарии [8]) и Японии, ограничивают поставки (в том числе из-за разрыва логистических цепочек) и повышают цены до 250%, а ряд из них и вовсе уходит с рынка. Например, американская компания 3М до недавних пор была одним из ключевых поставщиков на российском рынке, предлагая композитные материалы, средства для ортодонтии и эстетической косметологии, ведя активную образовательную деятельность. Однако в начале

марта 2022 г. она покинула российский рынок. Объемы отечественного производства в настоящее время не покрывают существующий спрос. Китайская продукция на российском рынке стоматологических услуг представлена частично. При этом российские и китайские аналоги расходных материалов и оборудования значительно уступают по качеству европейским, американским и японским. В настоящее время в России производятся достаточно качественные ортодонтические и имплантационные системы. Вместе с тем в России возможно выстраивание высокотехнологичной линии производства. Однако этот проект дорогостоящий и может занять более двух лет [9].

Российская кардиология находится в зоне неопределенности. С одной стороны, санкции затронули, прежде всего, поставку нового и обслуживание имеющегося импортного медицинского оборудования: томографов, аппаратов УЗИ, ИВЛ, рентгеновских установок и пр. В частности, отказала в отгрузке оборудования компания «Тиара Медикал». Основными же поставщиками являются Китай и Южная Корея, которые пока не намерены уходить с российского рынка [10]. Вместе с тем в настоящее время в российской кардиологии также используются инструменты и отечественного производства, позволяющие проводить операции на сосудах при помощи средств коронарной микрохирургии. Инструменты были разработаны центром кардиологии им. Чазова совместно с Казанским медико-инструментальным заводом. Мощности ООО «Микрохирургические Инструменты КМИЗ» полностью удовлетворяют спрос российского рынка. Завод производит инструменты из отечественного сырья на отечественных станках. Таким образом, можно говорить о том, что российская кардиология во многом «импортозамещена» и может предложить уникальные разработки даже на мировом рынке [11].

Лечение неврологии в России имеет большой потенциал в связи с наличием регионов-курортов, в частности региона Кавказских Минеральных Вод. Регион предлагает лечение неврологии в санаториях по специальным программам, включающим лечебные ванны, в том числе минеральные, душ, массаж, грязелечение, терренкур, ЛФК, принятие минеральных вод внутрь, психотерапию, ароматерапию, ингаляции, мануальную терапию и пр.

Итак, общий контур социологического исследования медицинского туризма предварительно предполагает изучение возможностей самого рынка, запросов, мотивов и возможностей потребителей медицинских услуг;

стратификацию и социально-демографическое портретирование потребителей; социальный контекст развития медицинского туризма.

Базовая гипотеза результирующего прогноза сегодня формулируется нами так: российский рынок медицинских услуг в настоящее время и в ближайшей перспективе станет менее привлекателен для иностранных медицинских туристов, чем в прошлые годы, в частности, из-за ухудшения качества оказываемых услуг и стремительного повышения цен на них. Внутренний медицинский туризм будет претерпевать как отрицательные, так и положительные изменения. Перспективными отраслями рынка медицинских услуг в России являются хирургия и лечение неврологии. Однако прочие сферы медицины, как в текущем периоде, так и в среднесрочном, остро нуждаются и будут нуждаться в параллельном импорте и импортозамещении.

Список литературы

1. В России выросло число медицинских туристов. URL: <https://plus.rbc.ru/news/6154a5d57a8aa94f736ebf6a> (дата обращения: 15.06.2022).
2. Граждане каких стран могут приехать в Россию в 2022 году. URL: <https://russia.travel/journals/340706/> (дата обращения: 06.06.2022).
3. Medical Tourism Index 2020–2021. URL: https://assets.website-files.com/5d8aac42c851d2d6528d50d4/5f0df13e57906e9f895e3767_2020-2021%20Medical%20Tourism%20Index%20Overall%20Ranking.pdf (дата обращения: 12.06.2022).
4. ЭКО под угрозой: российские репродуктологи столкнулись с дефицитом препаратов. URL: <https://www.mk.ru/social/health/2022/05/18/eko-pod-ugrozoy-rossiyskie-reproduktologi-stolknulis-s-deficitom-preparatov.html> (дата обращения: 27.06.2022).
5. Miltenyi Biotec прекратила поставки оборудования для онкотерапии в РФ. URL: <https://iz.ru/1313307/2022-03-31/miltenyi-biotec-prekratila-postavki-oborudovaniia-dlia-onkoterapii-v-rf> (дата обращения: 26.06.2022).
6. ЭКО выставили счет. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5280538> (дата обращения: 23.06.2022).
7. Опрос: получать платные медуслуги россияне в первую очередь готовы у стоматологов и кардиологов. URL: <https://vademec.ru/news/2022/03/25/opros-poluchat-platnye-meduslugi-rossiyane-v-pervuyu-ochered-gotovy-u-stomatologov-i-kardiologov/> (дата обращения: 24.06.2022).
8. Вылечить зубы под санкциями: «Пломбы отклеются, бормашины изнасятся». URL: <https://www.mk.ru/social/health/2022/05/08/vylechit-zuby-pod-sankciyami-plomby-otkleyutsya-bormashiny-iznosyatsya.html> (дата обращения: 23.06.2022).
9. «Поток клиентов вырос, а запасы кончаются». Что ждет стоматологию на фоне санкций. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2022/03/23/14659105.shtml?updated> (дата обращения: 23.06.2022).
10. «Все будет стоить дороже». Санкции не затронули медицину, но она все равно пострадает. URL: <https://www.fontanka.ru/2022/03/14/70506260/> (дата обращения: 24.06.2022).
11. Как российская кардиология чувствует себя в условиях санкций. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2710882/> (дата обращения: 25.06.2022).

Поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 30.11.2022; принята к публикации 01.12.2022
The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 30.11.2022; accepted for publication 01.12.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 33–38
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 33–38
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-33-38>, EDN: GPCDOE

Научная статья
УДК [323.396+316.66](470+571)

Рейтинг университета как элемент аттрактивности для потенциальных абитуриентов

Ю. Н. Эбзеева

Российский университет дружбы народов (РУДН), Россия, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

Эбзеева Юлия Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков, первый проректор – проректор по образовательной деятельности, ebzeeva-yun@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0043-7590>

Аннотация. В статье приводятся результаты анализа предпочтений студентов при выборе места получения высшего образования. Исследование проведено на филологическом факультете Российского университета дружбы народов, его методика построена по принципам опроса, реализованного онлайн на портале RAEX Rating Review 14–23 июня 2022, результаты двух анкетирований сравниваются. Ответы фиксируют факторы, маркирующие качество образования, и социальные аспекты, отмеченные абитуриентами при выборе вуза, указывают на актуальное место глобальных и национальных рейтингов среди каналов информации о деятельности университетов, а также другие источники информации о вузах. В выводах, сделанных по результатам анкетирования, определена значимость качества образовательной услуги и описаны такие аспекты, повлиявшие на выбор студентов, как налаженные связи вуза с работодателями, высокий уровень интернационализации, возможность проведения научных исследований и стажировок. Рассмотрены глобальные и национальные рейтинги учреждений высшего образования и их роль в информировании, отношении к рейтингу как инструменту оценки со стороны абитуриентов и их родителей как наиболее значимой группы стейкхолдеров. Сделаны выводы о том, что рейтинг обладает обучающей функцией, является инструментом поиска информации о качестве образовательной услуги для стейкхолдеров и инструментом формирования имиджа для вуза, а также о том, что в настоящее время рейтинг не является в достаточной степени востребованным инструментом. Новой важной задачей университетов и рейтинговых агентств становится обучение работе с рейтингами, развитие каналов коммуникации между стейкхолдерами и вузами, а также мониторинг результатов этой деятельности.

Ключевые слова: высшее образование, абитуриенты, рейтинг университета, аттрактивность, опрос-анкетирование

Для цитирования: Эбзеева Ю. Н. Рейтинг университета как элемент аттрактивности для потенциальных абитуриентов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 33–38. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-33-38>, EDN: GPCDOE

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

University ranking as an element of attractiveness for potential enrollees

Yu. N. Ebzeeva

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow 117198, Russia

Yulia N. Ebzeeva, ebzeeva-yun@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0043-7590>

Abstract. The article presents the results of the students' preferences study when choosing a place to receive higher education. The study was conducted at the Faculty of Philology at Peoples' Friendship University of Russia, its methodology is based on the principles of a survey implemented online on the RAEX Rating Review portal on June 14–23, 2022; the results are compared. The answers record factors that mark the quality of education and social aspects, noted by enrollees when choosing a university, indicate the actual place of global and national rankings among the channels of information about the activities of universities, as well as other sources of information about universities. The conclusions drawn from the results of the survey consider the importance of the quality of educational services and describe aspects that influenced the choice of students such as well-established relations between the university and employers, a high level of internationalization, the possibility of conducting scientific research and internships. The article discusses global and national rankings of institutions of higher education and their role in informing, attitude to the ranking as an assessment tool by enrollees and their parents as the most significant group of stakeholders. It is concluded that a ranking has a teaching function, it is a tool for searching information about the quality of educational services for stakeholders and a tool for creating image for a university; we pay attention to the fact that at present the ranking is not a sufficiently demanded tool. A new important task for universities and ranking agencies is training in how to work with rankings, developing communication channels between stakeholders and universities and monitoring the results of this activity.

Keywords: higher education, enrollees, university ranking, attractiveness, questionnaire survey

For citation: Ebzeeva Yu. N. University ranking as an element of attractiveness for potential enrollees. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 33–38 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-33-38>, EDN: GPCDOE

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Одним из показателей конкурентоспособности университета признанно считается его потенциал длительного присутствия на международном рынке образовательных услуг [1], а инструментом измерения его, в частности, является рейтинг. Данным инструментом, как информационной и аналитической услугой, могут пользоваться все заинтересованные стороны образовательного процесса, к которым в контексте управления университетом применим термин *стейкхолдеры*, т.е. «любые индивидуумы группы или организации, существенно влияющие на принимаемые фирмой решения и (или) оказывающиеся под воздействием этих решений» [2, с. 25]. Основное содержание концепции стейкхолдеров сводится к тому, что менеджмент университета может выделить группы получателей образовательных услуг и должен принимать решения в рамках долгосрочного планирования с учетом собственных коммерческих интересов и удовлетворения потребностей стейкхолдеров. Концепция стейкхолдеров активно используется в теоретических и теоретико-практических работах российских и зарубежных социологов [2–9].

Для университетов стейкхолдерами являются государственные региональные и муниципальные органы власти (в рамках программ поддержки, конкурсов и другие мероприятий), преподаватели, работодатели и выпускники университета (при трудоустройстве), академическое сообщество, прежде всего – абитуриенты различных типов (школьники при поступлении в бакалавриат, бакалавры при поиске магистратуры, магистры при поступлении в аспирантуру) и их родители; интересы каждой из групп необходимо учитывать руководству университета. Исследователи отмечают, что стейкхолдеры – «вкладчики определенного типа ресурса» [3, с. 9]. Любой ресурс нуждается в гарантии максимальной эффективности вклада, что должно быть подтверждено убеждающей информацией; с этой точки зрения рейтинг как результат аналитической работы, представленный в простой форме, удовлетворяет каждую из представленных групп стейкхолдеров.

Абитуриенты – основная группа стейкхолдеров

Абитуриенты и их родители являются ключевыми пользователями итогов независимой оценки университетов, представленной в рейтингах, так как они претендуют на качественное образование, диплом престижного вуза, что является гарантией трудоустройства, оправданность серьезных финансовых и временных вложений в обучение.

В 2010-х гг. культура работы с результатами рейтингов университетов находилась на этапе становления. Так, например, исследование, проведенное И. Н. Ефимовой и А. В. Маковойчук в 2013 г., показало, что значительное число студентов ничего не знают о рейтингах и не пользовались их аналитикой (10,2%); 60,0% студентов ориентировались на показатели рейтингов, из них 20,0% не сочли данные рейтингов определяющим фактором для выбора университета [7 с. 32].

В настоящее время растет признание процесса и результатов ранжирования университетов российским обществом, публикуются материалы о методиках ведущих рейтингов и их различиях. Так, например, в базовой информации на сайтах университетов содержатся сведения о позиции вуза в международных (см. сайт Новосибирского государственного университета: <https://www.nsu.ru/n/university/top20/>) и национальных (см.: сайт Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ»: <https://etu.ru/ru/universitet/nash-universitet/>) рейтингах, о движении университета в предметных рейтингах (см.: сайт Российского университета дружбы народов <https://www.rudn.ru/about/achievements>), однако остается открытым вопрос информированности об этом абитуриентов.

В этой связи интересными показались результаты исследования, проведенного Российским Союзом ректоров и рейтинговым агентством RAEX «Поступление в вуз: что влияет на выбор абитуриента». Сбор информации осуществлялся онлайн на портале RAEX Rating Review в период с 14 по 23 июня 2022 г., т.е. во время принятия решения о выборе университета абитуриентами 2022 г. В опросе приняли участие более 1000 человек, было уточнено, что они имели опыт поступления в университет. Вопросы и подсчеты ответов данного исследования, которое затрагивало три сферы (аспекты качества образования, социальные аспекты и информационная поддержка рейтингами), представлены в табл. 1–3; формулировки, их порядок были взяты из отчета по итогам опроса Российского Союза ректоров и рейтингового агентства RAEX [10], в пояснении к которому указано, что данные ответы являются наиболее частотными.

Нами было проведено монографическое социологическое исследование – письменный опосредованный формализованный раздаточный опрос-анкетирование первокурсников филологического факультета Российского университета дружбы народов, в котором приняли участие

Таблица 1

Факторы, маркирующие качество образования, %

Факторы	Опрос Российского Союза ректоров и рейтингового агентства RAEX	Опрос РУДН
Возможность учиться на бюджетной основе	83,4	–
Престиж выбранной специальности	81,0	75,0
Качество фундаментального образования	79,8	81,0
Ориентация на практическую деятельность	73,1	50,0
Бренд вуза и его репутация	73,1	81,0
Многопрофильность вуза, которая дает возможность гармоничного развития	71,9	50,0
Материально-техническое обеспечение образовательного процесса	69,8	75,0
Высокая репутация преподавателей и ученых вуза, наличие именитых ученых	67,7	75,0
Возможность изучения дополнительных иностранных языков	–	75,0

Таблица 2

Социальные факторы, %

Факторы	Опрос Российского Союза ректоров и рейтингового агентства RAEX	Опрос РУДН
Возможность установить деловые связи в нужных кругах	70,7	81,0
Налаженные связи вуза с работодателями	70,1	75,0
Развитая инфраструктура для проведения исследований	54,9	75,0
Перспективы стажировок за рубежом	51,0	75,0
Доступность общежития	73,1	50,0
Программы двух дипломов	42,2	75,0
Переезд в более благополучный и перспективный регион страны	41,6	50,0
Интернационализация, высокая доля иностранных студентов	38,2	81,0
Сравнительно невысокая стоимость обучения	34,2	–
Возможность поступить на условиях целевого приема	30,4	–

Таблица 3

Источники информации об университетах, %

Рейтинги	Опрос Российского Союза ректоров и рейтингового агентства RAEX	Опрос РУДН
Рейтинг лучших вузов России RAEX-100	52,3	25,0
Предметный рейтинг вузов RAEX	44,2	–
Рейтинг российских вузов Forbes	42,5	50,0
Национальный рейтинг университетов информационного агентства «Интерфакс»	35,2	75,0
Глобальный рейтинг Times Higher Education	34,7	25,0
Предметный рейтинг Times Higher Education	33,7	–
Глобальный рейтинг QS World University Rankings	32,8	50,0
Предметный рейтинг QS World University Rankings	32,5	–
Международный рейтинг «Три миссии университета»	28,7	25,0

85 человек (данное количество составляет 100% участников из двух групп, обучающихся по одной специальности), опрос проведен в сентябре 2022 г. Опросный лист был идентичным тому, который размещен в материалах к исследованию «Поступление в вуз: что влияет на выбор абитуриента», за исключением вопроса о возможности дополнительного к предметам по специальности изучения иностранных языков. Таким образом, при анализе полученных материалов таблицы частотных ответов исследования «Поступление в вуз: что влияет на выбор абитуриента» были дополнены нами информацией, полученной от респондентов-первокурсников РУДН.

Выбор филологического факультета мотивирован высоким спросом среди абитуриентов и ростом позиций РУДН в предметных рейтингах Modern languages / Современные языки и Linguistics / Лингвистика в глобальном рейтинге QS World University Rankings:

– Modern languages: 151–200 (2019); 101–150 (2020); 88 (2021); 58 (2022);

– Linguistics: 251–300 (2019); 151–200 (2020); 101–150 (2021); 71 (2022).

Гипотезой анкетирования стало предположение о том, что мнение собирательной группы абитуриентов онлайн-опроса и студентов-первокурсников РУДН совпадут в части мотивации выбора университета по качеству образования, бренду (1-й блок) и источникам информации о вузе (3-й блок), а также в недостаточном использовании рейтингов университетов как инструмента анализа деятельности университета.

В первом блоке вопросов (см. табл. 1) были получены ответы, определяющие причины выбора университета. Наиболее частотными ответами участников онлайн-опроса стала возможность получить образование на бюджетной основе (83,4%). Для участников анкетирования из РУДН данный ответ не стал частотным ввиду того, что большинство первокурсников получают образование на контрактной основе. Это определило большинство в содержательных ответах о причинах их выбора: престижность специальности (75,0%) и бренд университета (81,0%). Необходимо отметить, что РУДН ведет широкую по охвату популяризационную работу (см.: Брендбук РУДН – https://www.rudn.ru/u/www/files/rudn_brand_book.pdf). Важную роль в имидже университета играют впечатления, полученное после виртуальных туров по университету, известные выпускники вуза и наличие команды КВН, что было прокомментировано на свободных полях анкеты. Влияние престижа специальности, бренда университета

подтвердили участники онлайн-опроса (81,0 и 73,1% соответственно). Значимым фактором также стал уровень материально-технического оснащения вуза (69,8% – онлайн-опрос и 75,0% – опрос РУДН). Определяющим аспектом для респондентов из РУДН стала возможность изучения дополнительных иностранных языков (75,0%), это является преимуществом университета со времени его основания – большинство студентов завершают обучение в университете с дипломом по специальности и дипломом переводчика одного–двух из двенадцати языков.

Второй блок вопросов (см. табл. 2) охватывал социальную сферу. Наибольшее значение для опрашиваемых имеет возможность установления деловых связей в нужных кругах (70,7% – онлайн-опрос и 81,0% – опрос РУДН). Столь высокий процент у студентов РУДН мы связываем с проведением рекламной кампании университета с формулированием новой миссии: «Объединяя знаниями людей разных культур, РУДН формирует лидеров, которые делают мир лучше», наличием в списке выпускников вуза знаменитых научных деятелей и общественно-политических лидеров (см.: Знаменитые выпускники РУДН – <http://old.rudn.ru/?pages=2920>), а также деятельностью Ассоциации выпускников университета, результаты которой доступны на сайте вуза (см.: Ассоциация выпускников и друзей РУДН – <https://www.rudn.ru/alumni/alumni-association>).

Также опрашиваемыми высоко оценивались налаженные связи вуза с работодателями (70,1% – онлайн-опрос и 75,0% – опрос РУДН), развитая инфраструктура (54,9 и 75,0% соответственно), перспективы получения зарубежных стажировок (по 51,0%) и программы двух дипломов (42,2 и 75,0% соответственно). Последние две позиции поддержаны наличием в РУДН программы «Переводчик» и 250 договоров о сотрудничестве с ведущими университетами мира.

Опрос РУДН также показал, что его конкурентное преимущество – высокий уровень интернационализации – отметили 75,0% респондентов. Однако в ответах участников онлайн-опроса международная интеграция университета в мировое образовательное пространство и ее отражение – наличие большого количества иностранных студентов в университете (см., например: [11]) – не отмечено как значимое, в качестве преимущества на этот факт указали лишь 38,2% опрошенных.

В третьем блоке вопросов (см. табл. 3), по результатам RAEX Rating Review, глобальные

рейтинги имеют относительную ценность для российских абитуриентов. Максимальную ценность показали Рейтинг лучших вузов RAEX (52,3% – онлайн-опрос и 25,0% – опрос РУДН), Рейтинг российских вузов Forbes (42,5 и 50,0% соответственно), а также Национальный рейтинг университетов информационного агентства «Интерфакс» (35,2 и 75,0% соответственно). Среди глобальных рейтингов наиболее привлекательным стал рейтинг Times Higher Education (34,7% – онлайн-опрос и 25,0% – опрос РУДН), QS занял следующую позицию с результатом (32,8 и 50,0% соответственно). Не вполне ясно решение руководителей проекта выносить отдельным результатом предметные рейтинги. Так, предметные рейтинги лучших вузов RAEX получили 44,2%, что чуть ниже, чем основная таблица Рейтинга лучших вузов RAEX. Аналогично с показателями Times Higher Education и QS World University Rankings и их предметными рейтингами.

Рейтинг как инструмент информирования абитуриентов

Опрос, проведенный среди студентов-первокурсников Российского университета дружбы народов, показал, что в целом аудитория владеет представлением о рейтинге как об источнике информации. Однако навыки работы с полным объемом инструментов рейтинга (предметные таблицы, ретроспективный обзор результатов, значимость отдельных компонентов рейтингования, например, мнения работодателей или цитирования) по-прежнему остаются вне поля зрения абитуриентов.

Это может быть объяснено целым рядом причин:

- 1) рейтинг как основа выбора места получения образования относительно недавно вошел в жизнь российского общества [12];
- 2) методология глобальных рейтингов сложна, сайты предоставляют информацию на английском языке, включенность российских университетов относительно невелика, но имеет перспективы [13];
- 3) на престижность университета обращают внимание абитуриенты с высокими показателями по результатам сданных экзаменов и с высокими требованиями к уровню образования, а их число невелико;
- 4) абитуриенты имеют возможность оценить университет по внешним имиджевым факторам в ходе различных мероприятий, например дней открытых дверей, и получить таким образом благоприятное впечатление. Рабо-

та с информацией рейтинговых таблиц является анализом, которым абитуриенты в основе своей не владеют. Однако при выборе следующей ступени обучения эта ситуация обычно меняется;

5) международные рейтинги интересны ограниченному числу абитуриентов, которые могут позволить себе получать образование за рубежом, что затруднено, прежде всего, по экономическим и языковым причинам;

6) российские вузы имеют определенную репутацию, которая трудно преодолевается, несмотря на изменившиеся условия, например, «Московский энергетический институт – только энергетическая отрасль» (в то время как с 1995 г. существует Гуманитарно-прикладной институт с широким спектром образовательных специальностей – лингвистика, реклама и связи с общественностью, менеджмент, дизайн) и т.д.

Становится понятно, что для изменения восприятия и осознания значимости рейтингов данной группой стейкхолдеров необходимы объемные ресурсные вложения по популяризации рейтингов, по распространению информации о региональных вузах для грамотной коммуникационной политики самих университетов среди абитуриентов и их родителей.

В последнее время большинство университетов России признает важность работы со стейкхолдерами, и прежде всего с абитуриентами и их родителями. Сам механизм конструктивного взаимодействия с ними находится в ситуации формирования; основная работа направлена на изменение мнения о том, что ранжирование и вовлеченность стейкхолдеров в данную сферу является не дополнительной нагрузкой, а возможностью получения алгоритма устойчивого развития. Среди мероприятий, которые проводят вузы в этом направлении, основными становятся развитие каналов коммуникации и мониторинг результатов. Университет должен своевременно информировать общественность о своих достижениях, облекая их в доступную для восприятия форму: если вуз занимает позицию в региональных, национальных или глобальных рейтингах, он должен публично делиться данной информацией, привлекая новых партнеров или стимулируя стейкхолдеров к выбору.

Также следует продолжать совместную работу российских университетов и рейтинговых агентств для построения качественной системы рейтингов вузов с целью расширения охвата университетов, достижения прозрачности в критериях оценки и максимальной точности в ответах на запросы абитуриентов.

Необходимо также учитывать обучающую функцию рейтингов вузов, например, ориентированность на научную компоненту деятельности вуза, которая учитывает также научную работу студентов начиная с первого курса. Удивительным остается тот факт, что поступающие в рейтинговые российские вузы абитуриенты не осознают ценности и значимости научных публикаций для своего профессионального роста, а также их места в структуре оценки университета. Проведенный опрос первокурсников показал, что только 30% из них задумываются о необходимости работы над научным проектом и публикацией его результатов.

Проведенное исследование показало, что абитуриенты, которые являются важной группой стейкхолдеров университетов, руководствуются следующими факторами:

- качество образовательной услуги (фундаментального образования и реализации практической деятельности);
- престиж получаемой специальности;
- материально-технический уровень университета.

Важную роль играют имидж и бренд университета, репутация преподавателей и ученых вуза, что в сознании абитуриента также связано с ожидаемым качеством обучения.

Поскольку 4+2+3 лет обучения в университете представляются значимым временным отрезком для абитуриентов, которым на момент принятия решения о выборе места обучения 17–20 лет, важными аспектами становятся различные стороны общественной жизни в университете. К данным аспектам была отнесена возможность успешного трудоустройства, налаживание профессиональных связей в процессе обучения, а также перспективы зарубежных стажировок и общения со студентами-иностранцами.

Исследование также показало, что рейтинг как инструмент оценки и информирования стейкхолдеров о качестве образовательной услуги, специализации вуза, признании академической средой, интенсивности и значимости проводимых научных исследований университета оказывается используемым не в полном объеме.

Таким образом, обучение работе с рейтингами, развитие каналов коммуникации со стейкхолдерами и мониторинг результатов этой деятельности становится важной совместной задачей учреждений высшей школы и рейтинговых агентств.

Список литературы

1. Стукалова И. Б. Конкурентоспособность российских университетов и академические рейтинги // Современное образование. 2019. № 2. С. 1–7. <https://doi.org/10.25136/2409-8736.2019.2.29724>
2. Freeman R. E. Strategic Management: A Stakeholder Approach. 1st ed. Boston : Harpercollins College Div., 1984. 276 p.
3. Гурков И. Б. Факторы формирования и механизмы реализации стратегических целей российских компаний : Доклад на Секции экономики Отделения общественных наук РАН 13.03.2008 г. М., 2008. 70 с.
4. Екшикеев Т. К. Стейкхолдеры рынка образовательных услуг // Сибирский торгово-экономический журнал. 2009. № 9. С. 106–109.
5. Рахманова М. С., Николаева В. И. Методика оценки имиджа предпринимательского вуза на основе теории заинтересованных сторон // *π-Economy*. 2010. № 4, вып. 102. С. 191–194.
6. Попова Е. С. Механизм взаимовлияния направлений регионального развития и стратегий вузов // *Arg Administrandi* (Искусство управления). 2012. № 2. С. 47–54.
7. Ефимова И. Н., Маковейчук А. В. Анализ влияния рейтингов вузов на мотивацию абитуриентов // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2013. Т. 6, вып. 1. С. 27–34.
8. Патрахин А. И. Стейкхолдер-менеджмент современной образовательной организации // *Молодой ученый*. 2016. № 22 (126). С. 184–186. URL: <https://moluch.ru/archive/126/34951/> (дата обращения: 12.09.2022).
9. Allen R. M. What Do Students Know about University Rankings? Testing Familiarity and Knowledge of Global and Domestic University League Tables in China // *Frontiers of Education in China*. 2019. Vol. 14, iss. 1. P. 59–89. <https://doi.org/10.1007/s11516-019-0003-y>
10. Рейтинги вузов оказались важнее для абитуриентов, чем рекомендации родителей. URL: <https://rsr-online.ru/news/2022/7/4/postuplenie-v-vuz-chto-vliyaet-na-выбор-abiturienta/> (дата обращения: 12.09.2022).
11. Малинский И. Г. Саратовский государственный университет в ракурсе интернационализации (по результатам социологического исследования) // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология*. 2010. Т. 10, вып. 1. С. 13–17. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2010-10-1-13-17>
12. Эбзеева Ю. Н. Рейтинг как инструмент формирования программы стратегического развития вуза // *Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета*. 2022. Т. 1. С. 74–82.
13. Эбзеева Ю. Н., Гишкаева Л. Н. Перспективы продвижения российских вузов в международном академическом рейтинге ARWU // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Социология*. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 337–351. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2022-22-2-337-351>

Поступила в редакцию 19.10.2022; одобрена после рецензирования 20.12.2022; принята к публикации 21.12.2022
The article was submitted 19.10.2022; approved after reviewing 20.12.2022; accepted for publication 21.12.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 39–43
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 39–43
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-39-43>, EDN: GDGFVU

Научная статья
УДК 316.4.05

Социальный контроль как функция управления

Ю. Г. Быченко

Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Россия, 410023, г. Саратов, ул. Московская, д. 158

Быченко Юрий Григорьевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социальных наук, bychenkoug@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2094-6453>

Аннотация. В статье на основе анализа данных полуструктурированного интервью экспертов по управлению и социальному контролю (2022 г., N = 12) раскрываются основные и дополнительные параметры оценки социального контроля. Обосновано, что основные параметры контролирующей оценки должны включать традиционные подсистемы проверки комплекса знаний, разделяемых норм, процедур и результативности трудовых действий. Дополнительные параметры определяют перечень возможных мотивирующих факторов, а также оценку всей системы профессиональной культуры акторов или социальных групп. Доказывается, что социальный контроль – это не только механизм управленческой саморегуляции населения и его отдельных социальных групп, но и способ привлечения населения к решению организационных и государственных задач, интеграции социума, обеспечивающие целенаправленную активизацию действия, направленного на укрепление законности, порядка, устойчивости и стабильности функционирования общества. В современных условиях социальный контроль должен осуществляться не только через структуры государственной власти, но и в результате активного целенаправленного действия представителей гражданского общества, наблюдения и проверки общественными организациями действий как личностей, так и отдельных групп населения. Предлагаются направления модернизации социального контроля в контексте децентрализации системы социального управления, передачи части функций государственного контроля непосредственным субъектам гражданского общества, формирования сложного комплекса оценки деятельности общественных субъектов не только представителями государственной власти, средствами массовой информации, но и иными институтами гражданского общества, отдельными политически активными гражданами.

Ключевые слова: социальный контроль, социальное управление, хозяйственные организации, эффективность управления

Для цитирования: Быченко Ю. Г. Социальный контроль как функция управления // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 39–43. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-39-43>, EDN: GDGFVU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Social control as a management function

Y. G. Bychenko

Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops, 158 Moskovskaya St., Saratov 410023, Russia

Yury G. Bychenko, bychenkoug@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2094-6453>

Abstract. The article, on the basis the analysis of data from a semi-formalized interview of experts on management and social control (2022, N = 12), reveals the main and additional parameters of the assessment of social control. It is proved that the main parameters of the control assessment should include traditional subsystems for checking the complex of knowledge, shared norms, procedures and the effectiveness of labor actions. Additional parameters define a list of possible motivating factors, as well as the assessment of the entire system of actors or social groups professional culture. It is proved that social control is not only a mechanism of managerial self-regulation of the population and its individual social groups, but also a way of involving the population in solving organizational and state tasks, integrating society, providing purposeful activation of the actions aimed at strengthening the rule of law, order, stability and stability of the functioning of society. In modern conditions, social control should be carried out not only through the structures of state power, but also as a result of the active purposeful action of representatives of civil society, monitoring and verification by public organizations of the actions of both individuals and individual groups of the population. The directions of modernization of social control are proposed in the context of decentralization of the social management system, the transfer the part of the functions of state control to direct subjects of civil society, the formation of the complex of evaluation of the activities of public entities not only by representatives of state authorities, the media, but also by other institutions of civil society and individual politically active citizens.

Keywords: social control, social management, economic organizations, management efficiency

For citation: Bychenko Y. G. Social control as a management function. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 39–43 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-39-43>, EDN: GDGFVU

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В условиях совершенствования основ российской государственности осуществляется качественное обновление структур власти, ориентированных, с одной стороны, на внедрение управленческих стратегий демократизации, с другой – на модернизацию социального контроля. На практике совершенствование социального управления напрямую связывается с расширением прав субъектов социального контроля, активизации их регулирующих функций.

Между тем в современных условиях возрастает неопределенность функционирования социальных групп, повышается значение факторов социальной стабилизации деятельности организационных структур, таких как: социальная ответственность работников, расширение субъектов социального контроля и самоконтроля, формирование и реализация способностей трудовых субъектов оценивать и трансформировать собственную профессиональную деятельность. Необходимо не только теоретически, но и практически исследовать формы социального контроля в управлении. Отсутствие научной информации, отражающей практики реализации социального контроля, не обеспечивает возможности для понимания и устранения управленческих противоречий. Данная информация призвана дать возможность роста эффективности регулирования процессов трансформации социально-экономических отношений в российском обществе.

Цель исследования – уточнение направлений модернизации социального контроля в условиях трансформации систем управления России. *Задачи:* 1) исследовать базовые теоретические подходы по проблемам современной модернизации социального контроля, уточнить собственную трактовку данного явления, конкретизировать его сущностное проявление; 2) представить анализ данных авторского эмпирического исследования, раскрыть характеристики, а также параметры оценки социального контроля; 3) предложить пути модернизации социального контроля как функции государственного управления в условиях трансформации российского общества. *Методология* исследования представляет собой общетеоретические методы анализа, синтеза, структурного подхода, а также метод социологического полуструктурированного интервью.

Теоретическое обоснование проблемы. Исследуем теоретические подходы, характеризующие социальный контроль в системе социального управления, а также идеи, определяющие его модернизацию в современных условиях. Обобщение классических подходов по социальному контролю в рамках управленческих и ре-

гулирующих систем находим в исследованиях О. Зигмунта, П. Ветселса. Они обосновывают контроль в рамках регулятивной деятельности организации. Здесь доказывается, что контроль в новых условиях должен сочетаться с различными формами самоконтроля. Последнее позволило авторам констатировать, что социальный контроль представляет собой не только форму управленческого механизма регуляции взаимодействия индивидов и общественной совокупности в целом, но и набор конкретных норм и санкций, определяющих формальную реакцию власти и общества на практическое поведение индивидов и их социальных совокупностей [1].

Социальный контроль включает в себя ряд форм: внутренний, внешний, самоконтроль. Структурные компоненты контроля реализуются в рамках активизации трудовых функций потенциала как целевого, так и произвольного регулирования функций самоконтроля. При этом важно отметить, что совокупный контроль характеризуют управленческие функции, направленные на обеспечение осознанности, эффективности, целенаправленности, бесконфликтности и активности трудовых субъектов. Контроль в рамках отдельных организаций представляет собой динамичный процесс оценки, а также обработку, обобщение данных, отражающих практики поведения трудовых акторов [2]. Контроль направлен на соотношение результатов проверки не только с заданными индикаторами управления, но и с другими действиями работников, со стратегиями поведенческих функций организации. Одновременно социальный контроль включает в себя статичный набор стимулирующего или санкционного воздействия на объект контроля [3]. Последний и должен определить процесс социально значимых изменений поведенческих практик трудовых акторов. В данном контексте необходимо отметить, что социальный контроль реализует не только широкий комплекс регулирующих функций, но и узкую систему мотивации труда персонала организации [4]. Социальный контроль направлен в том числе и на пресечение негативных социально-трудовых практик, а также стимулирование положительных действий работников, развитие у них инновационных приоритетов, желания осуществлять самостоятельные контролирующие действия. В новых условиях важно включение новых субъектов контроля, развитие практик совместного обсуждения и реализации действий самоконтроля. Здесь контроль нацелен на выработку мер по управлению трудовыми процессами [5], а также обеспечение условий регулирования личных действий различных субъектов труда.

Постепенно возрастает роль самоконтроля, обеспечивающего, с одной стороны, стабильность, устойчивость непосредственного труда работников, с другой стороны, повышение мотивации к инновационной деятельности сотрудников. Несложно заметить, что мотивация индивидов и отдельных трудовых групп к самостоятельному контролю и самоконтролю представляет собой результат не только необратимой демократизации трудовых отношений, но и роста предсказуемости трудовой деятельности, расширения состава субъектов контроля, роста ценности и важности самоконтроля в среде организаций [6], различных слоев населения [7].

Таким образом, можно констатировать, что сущность социального контроля имеет тройственное проявление. С одной стороны – это процессы, направленные на оценку, обработку, обобщение, диагностику деятельности системы управления, личностей и организации в целом. С другой стороны – это механизм последующего стимулирующего, активизирующего или санкционного воздействия на объект с целью регулирования поведенческих практик работников. С третьей стороны – это механизм, состоящий из набора норм, принципов, санкций института управления организацией.

Социальный контроль в современных условиях имеет четыре формы проявления: 1) внешний социальный контроль деятельности организации; 2) внутренний социальный контроль в системе общего управления организации; 3) самоконтроль отдельных подразделений организации; 4) личностный самоконтроль отдельных работников.

Социологическая диагностика социального контроля в функциональном поле государственного управления. Рассмотрим управленческий контекст социального контроля в процессе анализа результатов полуформализованного интервью экспертов по управлению и социальному контролю. (2022 г., N = 12). Опрошенные эксперты подтверждают гипотезу о повышении роли социального контроля в системе управления организационными структурами.

Неуклонно повышается значение социального контроля в системе управления. Респондент К. И. (муж., 49 лет, менеджер) констатирует, что *современное государство призвано демократизировать управленческие отношения, что отражает интересы общества и волю его граждан. В новых условиях государство должно поэтапно расширять состав субъектов как социального управления в целом, так и контроля в частности... Сегодня важным становится повышение места и роли социального контроля в комплексе государственного управления.*

Респондент К. К. (муж., 52 года, менеджер): *...усиление управленческой функции социального контроля сегодня обусловлено следующими факторами: 1) законодательное расширение форм социального контроля; 2) управленческая демократизация в обществе; 3) формирование механизма сплочения населения и государственных институтов.* Респондент К. И. (муж., 49 лет, менеджер) разделяет данную позицию, подчеркивая, что *социальный контроль сегодня становится важным фактором демократизации и формирования общественного согласия. В современных условиях социальный контроль трансформирует систему карательных мер в управлении. Он способствует передаче части управленческих полномочий непосредственным трудовым коллективам и организациям.*

Социальный контроль сейчас является атрибутом демократизации государственной власти, механизмом проверки деятельности властных органов в целом, инструментом повышения его эффективности. Респондент Н. П. (муж., 64 года, менеджер, руководитель отдела) в этой связи добавляет, что *социальный контроль не может быть эффективным функциональным инструментом государства без модернизации системы образовательной подготовки расширенного состава его субъектов. Догматизм и косность образовательных программ определяют противоречия и конфликты в процессе реализации расширенных функций социального контроля.* Респондент К. П. (жен., 54 года, топменеджер) предлагает рассматривать *профессиональную неготовность населения к участию в социальном контроле как основной фактор неэффективности современной системы государственного управления в России.*

Несложно заметить, что образовательная подготовка субъектов социальной контролирующей деятельности в контексте демократизации государственной власти должна быть направлена на формирование не только комплексных управленческих компетенций, но и профессиональных способностей бесконфликтного взаимодействия акторов.

Модернизация социального контроля определяет необходимость обновления системы социологической диагностики данного явления. Респондент А. В. (муж., 39 лет, менеджер) указывает на *необходимость расширения перечня параметров социальной контролирующей оценки деятельности представителей государственной власти. Уже недостаточно применения традиционных подсистем, определяющих проверку комплекса знаний, характера выполнения принятых норм, процедур и действий, проявления девиантных действий.*

Важно формировать мотивирующий комплекс, позволяющий регулировать последующую деятельность чиновников. Респондент К. И. (муж., 49 лет, руководитель плановой группы) предложил перечень дополнительных положительных и отрицательных стимулирующих факторов контролирующей оценки субъектов: *Важно, чтобы социальный контроль не ограничивался процессами проверки общественными организациями и СМИ потенциала и действия людей, но и определял возможность санкций и стимулов по отношению к тому или иному человеку или группе людей.* Здесь контроль не только базовый фактор демократизации и формирования общественного согласия, но и механизм, регулирующий изменения поведения субъектов. В новых условиях необходимы, с одной стороны, расширение состава субъектов социального контроля, с другой – модернизация механизма их образовательной профессиональной подготовки. Важным является расширение перечня параметров оценки деятельности конкретного чиновника и управленческих групп в целом. Вместе с тем отметим, что в процессе интервьюирования представлены и некоторые новые параметры контролирующей оценки. Так, респондент Т. Н. (муж., 67 лет, руководитель подразделения) предложил также осуществлять контроль наличия внутренних характерных черт человека, *важнейшие из которых ценности, общие нормы служебного и бытового поведения, принципы поведения, а также наличия/отсутствия самопроверки формального самоуправления, самоконтроля результатов профессиональной деятельности.*

Таким образом, в современных условиях социальный контроль – это процесс оценки, обработки, обобщения, совокупной диагностики деятельности субъектов управления, личностей, групп людей. При этом дополнительной управленческой функцией контроля является мотивация, реализация санкций для регулирования группового поведения населения. Важно определить основные и дополнительные параметры оценки контрольной деятельности человека и отдельных социальных групп. Основные параметры должны включать традиционные подсистемы проверки комплекса знаний, разделяемых норм, процедур и результативности трудовых действий. Дополнительные параметры определяют перечень возможных мотивирующих факторов, а также оценку всей системы профессиональной культуры акторов или групп социального действия.

Анализ данных эмпирического исследования подтверждает выдвинутую нами гипотезу о том, что в современных условиях социальный

контроль представляет собой основную функцию государственного управления. При данном подходе социальный контроль – это сложный, многофункциональный процесс, осуществляемый во внешней и внутренней средах государственных организаций. В интегрированном контексте социальный контроль проявляется как объединение государственного, а также общественного контроля, включающих совокупность социальных, политических, идеологических, экономических процессов, направленных на регулирование и обеспечение устойчивости развития общества, функциональной стабильности государственной системы управления, соблюдения общественных норм. В процессе его реализации своевременно выявляются и диагностируются общественные противоречия, определяются пути и технологии их разрешения.

Социальный контроль является базовым фактором управленческой демократизации. Он направлен на формирование общественно-согласия. В новых условиях необходимо, с одной стороны, расширение состава субъектов социального контроля, с другой – определение модернизации механизма образовательной профессиональной подготовки различных субъектов контроля, с третьей стороны – расширение перечня параметров оценки деятельности конкретных социальных субъектов в целом и управленческих групп в частности.

Обобщая анализ, подчеркнем, что в современных условиях в России по-прежнему действует классическая система социального контроля, преобладает деятельность субъектов государственного контроля поведения отдельных личностей и функционирования организационных систем. Деятельность социальных организаций как субъектов контроля, самоконтролирующие действия отдельных личностей в системе управления только зарождаются. Гражданское общество как субъект социального контроля привлекается частично, оценочные действия, как правило, не согласованы. Проблемы управленческой функциональной реализации социального контроля связаны, с одной стороны, с отсутствием механизмов привлечения расширенного состава участников социального контроля, несовершенством управленческих государственных комплексов интеграции деятельности контрольной работы социума, игнорированием советского опыта контрольной деятельности представителей общественных организаций, с другой стороны – с неэффективностью и неадаптивностью системы профессиональной подготовки субъектов социальной контроля общества.

Таким образом, трансформация системы социального управления, обновления гражданских отношений определяет необходимость передачи дополнительных властных полномочий общественным организациям, отдельным организационным структурам. В итоге расширятся права граждан по осуществлению контролирующих функций как в рамках общей системы социального управления, так и в комплексе конкретных досуговых, бытовых, культурных, просветительских, образовательных практик. Необходимо исследование социального контроля в ракурсе функциональной управленческой реализации деятельности Российского государства.

В ближайшей перспективе социальный контроль должен осуществляться не только через структуры государственной власти, но и в результате активного целенаправленного действия структур гражданского общества (воздействие и проверка общественными организациями действий как отдельных личностей, так и населения, общества в целом).

Модернизация социального контроля определяет ряд существенных изменений.

Во-первых, децентрализация системы социального управления, а также социального контроля как его функционального комплекса. Демократизация социального контроля в результате расширения полномочий и расширения состава субъектов социального контроля. Также важно передать часть функций государственного контроля непосредственным субъектам гражданского общества. Ведь расширение деятельности контрольной активности социальных групп, интеграция интересов личности и власти, возрастание интереса к осуществлению проверочных функций, личная заинтересованность в реализации дел общественной важности – главные условия повышения эффективности контроля в современных условиях.

Во-вторых, формирование сложного комплекса оценки деятельности общественных субъектов. Основные параметры оценки: проверка уровня знаний, понимания и разделения норм, технологических процедур, а также социальной значимости и эффективности поведения и деятельности субъектов. На данном уровне важно проверить знания, наличие необходимых общественных ожиданий, способности их применять на практике социального взаимодействия.

Второстепенные параметры оценки: набор возможных к применению мотивирующих, санкционных, мер, технологий пресечения

девиантных практик субъектов общества. На данном уровне важно выработать реакцию на те или иные положительные или отрицательные проявления действий социальных групп. Ведь социальный контроль предусматривает не только выявление несоответствий, но и регулируемую коррекцию поведения, формирование необходимых функциональных изменений в обществе.

Дополнительные параметры оценки определяют проверку глубинных социокультурных основ общих ценностных приоритетов, разделяемых правил и процедур поведения. Здесь также важно уточнение способностей к самооценке, самопроверке. Данные параметры позволяют выявить потенциал субъектов к осуществлению самоконтроля и саморегуляции поведенческих функций. Последнее определяет возможность передачи государством некоторых управленческих неосновных функций управленческого контроля гражданскому обществу.

Список литературы

1. Зигмунт О. А., Ветселс П. Институциональная теория аномии – эмпирическая проверка // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 78–87.
2. Баландина Т. М., Ерохина Н. А., Черевикшик Н. Н. Оценка персонала в условиях перехода организации на инновационный тип развития // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2018. № 2 (71). С. 192–196.
3. Смирнов И. А. Внешний социальный контроль военных организаций России // Вестник Поволжского института управления. 2018. Т. 18, № 1. С. 151–157. <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2018-1-151-157>
4. Быченко Ю. Г., Савенко А. А. Социокультурные факторы мотивации творческого труда // Известия Саратовского военного института войск национальной гвардии. 2022. № 6. С. 60–63.
5. Дыльнов Д. Г. Социальный контроль в условиях современного российского общества // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология. 2008. Т. 8, вып. 1. С. 22–26.
6. Добренев В. И., Кравченко А. И. Социальный контроль // Добренев В. И., Кравченко А. И. Социология : учебник : в 3 т. Т. 3. Социальные институты и процессы. М. : ИНФРА-М, 2000. С. 177–193.
7. Ивченков С. Г., Сайганова Е. В., Шахматова Н. В. Динамика социального самочувствия саратовской молодежи: трудоустройство, ценности и опасения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 51–59. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-51-59>

Поступила в редакцию 12.10.2022; одобрена после рецензирования 21.11.2022; принята к публикации 02.12.2022
The article was submitted 12.10.2022; approved after reviewing 21.11.2022; accepted for publication 02.12.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 44–50

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 44–50

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-44-50>, EDN: QLELMG

Научная статья

УДК 316.4.05

Культура бесконфликтного общения военнослужащих: современное содержание

М. А. Передумов

Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Россия, 410023, г. Саратов, ул. Московская, д. 158

Передумов Михаил Андреевич, адъюнкт, mihail-peredumoff@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0886-2126>

Аннотация. В исследовании уточнены современное содержание и структура культуры общения военнослужащих. Для достижения данной цели на первом этапе работы конкретизированы актуальность анализа культуры общения военнослужащих, ее функциональная роль. На втором этапе теоретически обосновано исследование культуры общения военнослужащих, раскрыто ее сущностное проявление. На третьем этапе соотнесены представленные теоретические разработки с практическим пониманием проблемы самими военнослужащими, раскрыты структурные компоненты культуры общения военнослужащих. Предложено рассматривать культуру общения как форму социальной культуры – более узкий культурный комплекс ценностей, принципов и норм, принятых и разделяемых членами воинских коллективов и определяющих стиль взаимодействия и общения военных акторов. В современных условиях культура общения военнослужащих условно классифицируется на культуру конфликтного и бесконфликтного общения. Представлена характеристика данных форм. При этом культура конфликтного общения исследована в контексте реализации мотивации к конфликтному решению служебно-трудовых задач. Доказано, что культура бесконфликтного общения основывается на ценностях, принципах, традициях и нормах, предполагающих и ориентирующих военнослужащего на разрешение и предотвращение конфликтных ситуаций. Культура бесконфликтного общения военнослужащих характеризуется не только знаниями и пониманием необходимости бесконфликтного профессионального взаимодействия, стремлением компромиссного решения служебных вопросов, но и практическими умениями акторов оценивать, предупреждать, а в отдельных случаях и разрешать конфликты в процессе собственной служебной деятельности. Наличие культуры бесконфликтного общения, с одной стороны, определяет компетенции бесконфликтных коммуникаций, с другой стороны, это практики толерантного уважительного отношения к сослуживцам. Данная культура позволяет военнослужащему не переносить конфликтные ситуации на служебно-трудовое взаимодействие, разбираться и понимать смысл, мотивацию поведения сослуживцев и оппонента, постоянно снижать, а в отдельных случаях и полностью устранять излишнюю социальную напряженность, преодолевать эмоциональные всплески в процессе решения профессиональных задач.

Ключевые слова: культура, культура общения, бесконфликтное общение, военнослужащие

Для цитирования: Передумов М. А. Культура бесконфликтного общения военнослужащих: современное содержание // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 44–50. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-44-50>, EDN: QLELMG

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Modern content culture of conflict-free communication of servicemen

M. A. Peredumov

Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops, 158 Moskovskaya St., Saratov 410023, Russia

Mikhail A. Peredumov, mihail-peredumoff@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0886-2126>

Abstract. The study clarifies the current content and structure of the military personnel communication culture. To achieve this goal, the relevance of the analysis of military personnel communication culture and its functional role were concretized at the first stage of the study. At the second stage, the study of the military personnel communication culture is theoretically justified, its essential manifestation is revealed. At the third stage, the presented theoretical developments are correlated with the practical understanding of the problem by the servicemen themselves and the structural components of the culture of communication of servicemen are revealed. It is proposed to consider the culture of communication as a form of social culture – a narrower cultural complex of values, principles and norms accepted and shared by members of military collectives and defining the style of interaction and communication of military actors. In modern conditions, the military personnel communication culture is conditionally classified into the culture of conflict-free and conflict-free communication. The characteristic of these forms is presented. At the same time, the culture of conflict communication is studied in the context of the implementation of motivation for the conflict solution of service and work tasks. It is proved that the culture of conflict-free communication is based on the values, principles, traditions and norms that presuppose and orient the serviceman to resolve and prevent conflict situations. The military personnel conflict-

free communication culture is characterized not only by knowledge and understanding of the need for conflict-free professional interaction, the desire for a compromise solution of service issues, but also by the practical skills of actors to assess, prevent, and in some cases resolve conflicts in the course of their own official activities. The presence of a culture of conflict-free communication, on the one hand, determines the competence of conflict-free communications, on the other hand, it is the practice of tolerant respect for colleagues. This culture allows a serviceman not to create conditions for transferring conflict situations to service and labor interaction, to understand the meaning, motivation of the behavior of colleagues and opponents, constantly reduce, and in some cases completely eliminate excessive social tension, overcome emotional outbursts in the process of solving professional tasks.

Keywords: culture, culture of communication, conflict-free communication, military personnel

For citation: Peredumov M. A. Modern content culture of conflict-free communication of servicemen. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 44–50 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-44-50>, EDN: QLELMG

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В современных условиях в социокультурном пространстве военнослужащего происходят трансформации практик общения. Данные изменения часто приобретают деструктивный характер и осуществляются в системе как внешней, так и внутренней среды воинского коллектива. Ввиду жесткого регламента, существенного динамизма, специфической направленности на социум профессиональной, образовательной, служебно-трудовой деятельности военнослужащего его культура общения приобретает форму профессионального потенциала. Военнослужащий, обладающий необходимым уровнем культуры общения, навыками эффективной коммуникации, умениями оценивать, анализировать и ориентироваться в окружающей социокультурной среде, имеет существенные профессиональные преимущества.

Таким образом, исследование культуры общения в современных условиях имеет теоретическую значимость и практическую актуальность. Важно рассмотреть культуру общения не только как фактор формирования высоконравственной атмосферы в воинских коллективах, но и как компонент профессионального потенциала, набор характеристик, обеспечивающих повышение эффективности служебно-трудовой деятельности военнослужащих. В контексте данного теоретического подхода усиливается профессиональная роль культуры общения. С одной стороны, она представляет собой социальный механизм достижения организационного и военного успеха акторов. С другой стороны, культура общения определяет способности формирования необходимых связей между подчиненными и начальниками в воинском коллективе, определяет устойчивое эмоциональное состояние, необходимое ценностное отношение к собственным сослуживцам, самому себе, процессу прохождения военной службы.

Представим и проанализируем базовые разработки по рассматриваемой проблеме. Условно ранжируем исследователей проблемы на две группы: общую социологическую (общее

теоретическое обоснование) и военно-социологическую (узкопрофессиональное теоретическое обоснование).

В рамках общей социологической теоретической доктрины разрабатываются совокупные принципы культуры общения в целом и культуры бесконфликтного общения в частности. Классики социологии обосновывают культуру как сложное социально-культурное явление, характеризующее весь образ жизни индивидов. При этом культура, с одной стороны, представляет собой набор сообщаемых знаний человеку [1, с. 34–36], с другой стороны – это набор ценностей и норм [2], позволяющих осуществлять эффективное общение. Последнее социализируется и передается разным поколениям, конструируя стиль общения, поведения [3], действия акторов [4]. В рамках данного подхода общение рассматривается как форма социального действия человека, которое, по предположению действующего лица, в том или ином виде соотносится с некими формами действия других индивидов «и ориентируется на него» [5, с. 602–603]. В новых условиях культура общения представляет собой необходимый ресурс, предпосылку эффективных коммуникаций и информационного общения. Последнее определяет гармонизацию, формирование бесконфликтных видов сотрудничества работников, интеграцию потребностей и интересов членов организаций, а также профессиональных групп.

В зависимости от реализуемых функций выделяются формы культуры общения: бесконфликтная (преобладание ценностей трудовой толерантности, партнерства, взаимовыручки) и конфликтная (преобладание трудовых ценностей противоборства, противостояния, борьбы) [6]. Здесь бесконфликтная культура общения характеризуется уровнем осведомленности групп людей, их знаниями и ценностями, определяющими способности оценивать и прогнозировать, а также предотвращать конфликты [7]. В рамках междисциплинарной доктрины представляется обоснование сущности культуры бесконфликтного общения. Так, американ-

ский социолог Д. Х. Тернер приходит к выводу, что культура бесконфликтного общения – это специфическая культура общения, где у индивидов сформированы ценности и принципы толерантного взаимодействия [8, с. 29]. В данном контексте конфликт предлагается рассматривать как проявление социокультурных практик реализации ожидания акторов. При этом конфликт – это реакция на действия других людей, обусловленная не оправдывающимися ожиданиями.

Таким образом, в рамках общих социологических (теоретических) школ разрабатываются основы концепции культуры вообще и культуры общения в частности. Здесь культуру общения предлагается рассматривать как набор знаний, базовых ценностей, принципов, норм и способностей общения индивидов. Соответственно, культура бесконфликтного общения внешне проявляется как набор знаний, базовых ценностей, принципов, норм, а также способностей бесконфликтного общения индивидов.

В рамках военной социологии исследователи уточняют теоретические основы и специфику культуры бесконфликтного общения отдельных профессиональных групп военнослужащих как специфической группы населения России. Так, Ю. Быченко и Д. Курдюков акцентируют внимание на том, что культура бесконфликтного общения военнослужащих связана и определяется в ракурсе специфических характеристик профессиональной деятельности последних [9]: лимитируемая государством жизнедеятельность военнослужащих, существенное ограничение прав, возможностей выбора бесконфликтного действия [10]. При данном подходе жесткое конструирование бытовых отношений создает предпосылки формирования культурного потенциала бесконфликтного общения военнослужащих, ограничения развития конфликтных коммуникационных практик [11]. Несложно заметить, что здесь представляется попытка раскрыть культуру бесконфликтного общения военнослужащих как набор специфических ценностей, социальных норм, определяющих культурный профессиональный потенциал военнослужащих, а также механизм саморазвития системы их коммуникационных практик.

Расширенно представляют данную проблему Т. М. Баландина, В. В. Немояев [12]. Они подчеркивают, что культуру бесконфликтного общения военнослужащих можно рассматривать на трех относительно независимых уровнях: начальном (формирование знаний и понимания процессов бесконфликтного общения), базовом (усвоение ценностей, норм, умений,

навыков бесконфликтного общения), деятельном (реальные коммуникационные практики бесконфликтного общения).

Начальный уровень предлагается рассматривать как первооснову. Он характеризуется набором усвоенных знаний, представлений, пониманий, отраженных в сознании военнослужащих как трудовых агентов [12]. На базовом уровне, собственно, и осуществляется усвоение, а также понимание профессиональных коммуникационных ориентаций. Здесь формируются важные конфликтологические знания, которые необходимы не только для восприятия, но и для оценки профессиональной среды конфликтного общения.

На втором уровне усваиваются ценности, нормы, умения бесконфликтного общения. Последнее и предполагает становление военно-профессиональных способностей в условиях развития внутреннего или внешнего социального конфликта. Необходимо отметить, что уже на втором этапе культура бесконфликтного общения должна исследоваться на уровне набора потребностей и способностей реализации практик [13].

Третий этап, на наш взгляд, необходимо рассматривать как стадию комплексного деятельного проявления культуры бесконфликтного общения. Деятельный уровень предлагает рассматривать культуру бесконфликтного общения как реализацию профессионально-трудового потенциала [14]. Он характеризуется набором непосредственных практик реализации способностей бесконфликтного общения военнослужащих во внутренней и внешней среде воинского коллектива.

Несложно заметить, что в рамках военной социологии культура бесконфликтного общения военнослужащих в целом внешне проявляется в виде провозглашаемой и деятельностной форм. Подробно формы культуры бесконфликтного общения исследованы П. Ю. Кулагиной [15]. Она доказывает, что формирование культуры бесконфликтного общения представляет собой объективный процесс, который на начальном уровне формирования характеризуется декларацией знаний, ценности, норм бесконфликтного общения. В рамках завершающей формы не только осуществляется становление социальных норм поведения, но и формируется мотивация бесконфликтных отношений [15], а также реализуются способности урегулирования служебно-трудовых споров [16]. Формирование конфликтов, социальное противоборство, столкновение позиций и интересов представляют собой проявление культуры конфликтного общения.

Таким образом, культура общения военнослужащих характеризуется набором ценностей, усвоенных знаний, представлений, пониманий, а в последующем и стилем профессионального поведения военнослужащих. При этом культура общения рассматривается как форма социальной культуры – более узкий культурный комплекс ценностей, принципов и норм, принятых и разделяемых членами воинских коллективов и определяющих стиль взаимодействия и общения военных акторов. Культура бесконфликтного общения военнослужащих может характеризоваться набором знаний, базовых ценностей, принципов, норм, а также способностей бесконфликтного общения индивидов. Создание атмосферы бесконфликтного общения, активизация механизмов сглаживания позиций, интеграция групповых совместных ценностей военнослужащих – это комплекс признаков становления культуры бесконфликтного общения в современном воинском коллективе.

Исследование заявленной проблемы предполагает необходимость соотнесения представленных теоретических разработок с практическим пониманием проблемы самими военнослужащими. Для решения задачи рассмотрим данные проведенного автором социологического опроса военнослужащих в воинских частях трех регионов России. Опрос проведен в 2022 г., N = 528, среди опрошенных – 527 мужчин, 1 женщина, выборка случайная. В Пензенской области опрошены 167 военнослужащих (31,6%), в Свердловской – 184 военнослужащих (34,9%), в Республике Коми – 177 военнослужащих (33,5%). Социологический опрос был проведен методом анкетирования и затем направлен на изучение проблем развития бесконфликтной культуры общения военнослужащих, а также поиск механизмов оптимизации ее развития.

Респонденты связывают специфику культуры общения с особенностями функционирования воинского коллектива. Наличие в современном воинском коллективе специфических, не только узкопрофессиональных, но и социокультурных черт общения отметили 91% опрошенных. Заявляют, что культура общения военнослужащих – это одна из основных характеристик профессионализма военного, 73% респондентов. В современном понимании воинский коллектив характеризуется не только специфическими процессами социально-трудового развития военных, трансформацией их отношений на макроуровне, региональном и микроуровне (в воинских частях), но и специ-

фикой социокультурной функции, которые они реализуют в том числе и в процессе общения. Основные функции любого воинского коллектива осуществляются в результате общения военных в рамках как внутренней, так и внешней среды военной организации.

Культуру общения военнослужащие определяют как компонент общей культуры военных акторов. Подавляющее большинство (78%) полагают, что культура общения – это компонент социальной культуры военных акторов. Более трети военнослужащих (32%) культуру рассматривают как социальный феномен, характеризующийся определенными ценностями и нормами. При этом 19% опрошенных заявляют, что культура общения – это широкое явление, включающее в себя не только ценности и нормы, но и знания, традиции, принципы и правила осуществления как профессиональных, так и бытовых коммуникаций.

По вопросу о реальном проявлении культуры бесконфликтного общения мнения респондентов разделились: 7% связывают данное явление со знаниями и пониманием форм бесконфликтного общения; 21% акцентируют внимание на том, что культура бесконфликтного общения проявляется в системе знаний, базовых ценностей, принципов, норм бесконфликтного общения. При этом менее трети опрошенных (23%) связывают реальное проявление культуры общения с формированием и реализацией на практике способностей бесконфликтного общения и поведения военнослужащих.

Таким образом, культуру бесконфликтного общения военнослужащие, с одной стороны, рассматривают как компонент собственной общей культуры, а также набор социальных характеристик их профессионального потенциала, с другой стороны, определяют ее как важнейший структурный компонент культуры общения в форме ценностей и норм коммуникаций, знаний, традиций, принципов и правил общения. Отметим, что, по мнению опрошенных, культура бесконфликтного общения проявляется на разных уровнях: 1) уровне знаний; 2) уровне декларируемых базовых ценностей, принципов, норм; 3) уровне непосредственных поведенческих практик. Так, 67% респондентов считают, что в военных организациях преобладает культура бесконфликтного общения (подавляющее число задач решается в контексте трудовой толерантности, партнерства, взаимовыручки); 31% полагают, что в воинских частях преобладает культура конфликтного общения (подавляющее число задач решается в контексте противоборства, противостояния, борьбы).

В результате анализа данных опроса можно уточнить позицию респондентов относительно критериев оценки такой культуры. Предлагают оценивать культуру бесконфликтного общения по показателю профессиональной содержательности, правильности и понятности коммуникаций военнослужащих 27% респондентов. Акцентируют внимание на необходимости оценивать, прежде всего, профессиональную уместность общения, а также точность, стилистическую «ловкость» и логичность представленных речевых данных 21% опрошенных. Только 15% военнослужащих полагают, что необходимо давать оценку культуре бесконфликтного общения на основе анализа не только профессиональной понятности, ясности и доступности изложения информационных потоков, но и реализации мотива преодоления конфликта. Связывают показатели культуры бесконфликтного общения с оценкой культуры военной организации 11% опрошенных. Делается акцент на том, что культура бесконфликтного общения военнослужащего должна быть интегрирована с ценностями и нормами военной организации в целом. И только 2% респондентов считают, что важнейший критерий оценки данного явления связан с отсутствием или наличием нецензурных выражений в речи военных акторов.

По сути, высокая культура бесконфликтного общения военнослужащих определяет эффективность профессиональных коммуникаций, что в той или иной степени обеспечивает внутреннюю и внешнюю безопасность Российского государства от насилия, а также защиту интересов общества. Полагают, что культура бесконфликтного общения военнослужащего по-разному проявляется на разных уровнях структуры военной организации, 63% опрошенных. Основным и первичным звеном проявления культуры бесконфликтного общения считают войсковую часть 79% военнослужащих. Ее рассматривают как первичный воинский служебно-трудовой коллектив, общение в котором регламентировано федеральными законами, военно-административными положениями и актами. Только 9% военнослужащих полагают, что культура бесконфликтного общения проявляется, прежде всего, на уровне батальонов, 3% – на уровне полков и бригад.

Таким образом, культура бесконфликтного общения представляет собой характеристику профессионального потенциала военнослужащих на уровне первичного звена воинского коллектива (преимущественно на уровне от-

дельной воинской части). На практике военнослужащие предлагают оценивать культуру бесконфликтного общения в контексте ее соотнесения и взаимосвязи с организационной культурой воинской части. Практически никто из военнослужащих не предлагает работу над правильностью построения фраз, устранением ненормативной лексики в процессе реализации служебной деятельности. Отсутствует попытка оценки культуры бесконфликтного общения через призму грамотности речевого комплекса военнослужащих. Сегодня общение военных ориентировано на стремление донести смысл приказа. При этом не обращается внимание на грамотность формулировки мыслей, построения профессиональной риторики, не говоря уже об ударении в словах, правильности фиксации фраз, произношения тех или иных знаков и слов. Важно отметить, что быденная манера коммуникаций допустима в быту, но не в профессиональном взаимодействии военнослужащих.

Итак, культура общения военнослужащих – это набор характеристик, а также способностей военных акторов, неотделимая часть их профессионального потенциала, имеющая статичное и действенное проявление. На уровне статичного проявления – это относительно узкий комплекс ценностей, принципов и норм, коммуникаций, знаний, традиций, принципов и правил военно-профессионального общения. На уровне действенного проявления – это характеристика деятельной реализации ценностных ориентиров, нормативных установок, нравственных моделей коммуникативного общения, применяемые способы, подходы, инструменты, принципы и виды коммуникационного взаимодействия.

Первичное проявление культуры общения осуществляется на уровне внутренних, а также внешних коммуникационных практик представителей коллективов воинских частей. Важнейшей функцией общения здесь является обмен информацией между военными индивидами, направленный на выполнение приказов, поддержание правопорядка и обеспечение защиты общества и страны в целом. Отдельные подразделения военнослужащих входят в воинский коллектив и являются профессиональными группами со специфическим набором культуры общения. Последняя развивается двойственно: с одной стороны, в форме общей культуры военных субъектов, с другой стороны, в рамках их профессионального потенциала. Она позволяет осуществлять эффективные коммуникации, снижать уровень социального риска и непредсказуемости военно-профессио-

нальной деятельности. Военнослужащий – главный субъект и в то же время объект развития культуры общения в военной организации.

Оценку культуры общения военнослужащих уместно осуществлять по вертикальным и горизонтальным параметрам. Вертикальные параметры определяют существенные изменения, отражающие непосредственное содержание, обновление качественных норм тех или иных трансформаций, происходящих в культуре общения. Сюда, прежде всего, относятся ценности, принципы и нормы, коммуникации, знания, традиции, принципы. В целом, вертикальные критерии культуры общения вырабатываются начальниками военной организации. Цель реализации изменений определяет не только получение относительно разрозненных знаний о системе коммуникаций в военной организации, но также и усвоение этих обобщенных знаний, представлений, формирование эффективных технологий взаимодействия военнослужащих. Горизонтальные параметры оценки культуры общения характеризуют уровень распространения, охват, широту распространения показателей культуры общения в воинском коллективе. К горизонтальным критериям можно отнести: воплощение вертикальных компонентов оценки в деятельности, а также в поведении военнослужащих как в рамках воинского коллектива, так и за его пределами.

Таким образом, культура общения военнослужащего условно может быть классифицирована на культуру конфликтного общения и культуру бесконфликтного общения. Культура конфликтного общения основывается на ценностях, принципах и нормах, предполагающих и ориентирующих военнослужащего на формирование конфликтных ситуаций и осуществление профессиональной деятельности в условиях конфликтности социокультурной среды. Культура бесконфликтного общения основывается на ценностях, принципах и нормах, предполагающих и ориентирующих военнослужащего на разрешение и предотвращение конфликтных ситуаций и осуществление профессиональной деятельности в условиях бесконфликтности социокультурной среды. Культура бесконфликтного общения военнослужащих характеризуется не только стремлением, но и практическими умениями акторов оценивать, предупреждать, а в отдельных случаях и разрешать конфликты в процессе собственного взаимодействия. Носителям данной культуры свойственны процессы не только усвоения, но и использования конфликтологических профессиональных знаний,

ориентированных на оценку и восприятие конфликтной социально-культурной среды, а также бесконфликтной реализации трудовых функций в условиях зарождения социального конфликта. Наличие культуры бесконфликтного общения позволяет военнослужащему не создавать условия переноса конфликтных ситуаций на служебно-трудовое взаимодействие, разбираться и понимать смысл, а также мотивацию поведения сослуживцев и оппонента, постоянно снижать, а в отдельных случаях и полностью устранять излишнюю социальную напряженность, преодолевать эмоциональные всплески в процессе решения профессиональных задач.

Список литературы

1. Гидденс Э. Социология. М. : Эдиториал УРСС, 1999. 704 с.
2. Шейн Э. Х. Организационная культура и лидерство / пер. с англ. под ред. В. А. Спивака. СПб. : Питер, 2002. 336 с. (Теория и практика менеджмента).
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. с англ. Е. Руткевич. М. : Медиум, 1995. 324 с.
4. Бурдьё П. Начала. Choses dites / пер. с фр. Н. А. Шматко. М. : Socio-Logos. 1994. 228 с.
5. Вебер М. Избранные произведения : пер. с нем. М. : Прогресс, 1990. 804 с. (Социологическая мысль Запада).
6. Баландина Т. М., Гильфанова М. Г. Организационная культура военной организации: сущность и специфические проявления // Известия Саратовского военного института войск национальной гвардии. 2022. № 2 (7). С. 70–74.
7. Шурыгина О. В. Конфликтологическая культура: теоретический аспект // Актуальные вопросы современной психологии : материалы I Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, март 2011 г.). Челябинск : Два комсомольца, 2011. С. 136–139.
8. Тернер Д. Х. Структура социологической теории : пер. с англ. / общ. ред. и вступ. ст. Г. В. Осипова. М. : Прогресс, 1985. 472 с. (Для научных библиотек).
9. Курдюков Д. Н. Образ жизни военнослужащего как предмет социологического исследования // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 6. С. 271–279.
10. Мещеряков Д. А., Курдюков Д. Н. Социально-психологические аспекты культуры // Актуальные вопросы образовательной деятельности войск национальной гвардии : сб. тр. межвуз. науч.-практ. конф. (г. Саратов, 17 ноября 2021 г.) / под общ. ред. А. М. Пихтелева. Саратов : СВКИ войск национальной гвардии, 2021. С. 209–216.
11. Быченко Ю. Г., Курдюков Д. Н. Культура здорового образа жизни военнослужащих // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 1. С. 80–88. <https://doi.org/10.34823/SGZ.2021.1.51517>

12. Баландина Т. М., Немоляев В. В. Социальное конструирование профессиональной культуры работников организации // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2015. № 5 (59). С. 197–201.
13. Быченко Ю. Г., Магомедов М. К. Проблемы развития культуры межнационального общения военнослужащих // Известия Саратовского государственного университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 154–160. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-154-160>
14. Магомедов М. К. О совершенствовании культуры межнационального общения военнослужащих // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 2. С. 361–370. <https://doi.org/10.34823/SGZ.2020.2.51361>
15. Кулагина П. Ю., Девлетов Р. Н. Социальная защита профессиональной группы как фактор преодоления социальной напряженности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 432–436. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-432-436>
16. Кулагина П. Ю. Показатели оценки социально-трудовых конфликтов современной организации // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2019. № 1 (75). С. 164–167.

Поступила в редакцию 15.11.2022; одобрена после рецензирования 07.12.2022; принята к публикации 09.12.2022
The article was submitted 15.11.2022; approved after reviewing 07.12.2022; accepted for publication 09.12.2022

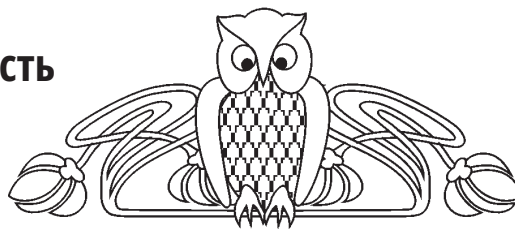

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 51–56
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 51–56
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-51-56>, EDN: QGESTF

Научная статья
УДК 316.74:316.334.55

Сельская мусульманская религиозность в условиях трансформации российского общества

М. В. Кильдеев

Республиканский центр молодежных, инновационных и профилактических программ «Навигатор», Россия, 420137, г. Казань, ул. Адоратского, д. 36

Кильдеев Мансур Вилевич, кандидат социологических наук, социолог отдела аналитики процессов в молодежной среде, makhmud_e@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4353-8380>

Аннотация. В статье раскрывается специфика сельской религиозности как важного фактора развития сельского социума. В качестве эмпирической базы используется социологический и исторический материал, относящийся к общественной жизни татар Среднего Поволжья в советский и постсоветский периоды. В научный оборот введены новые, ранее не публиковавшиеся архивные документы. Проводится связь между уровнем религиозности и такими факторами, как величина населенного пункта, социально-профессиональная структура, интенсивность атеистической пропаганды и государственно-конфессиональные отношения на местном уровне, экономическая активность населения и развитие сельского предпринимательства. Задачи советской антирелигиозной политики успешно решались властями в татарской и башкирской автономиях. В других поволжских регионах, где татары составляли этническое меньшинство, отмечался феномен отдельных населенных пунктов с повышенной религиозной активностью, с которой власти вынуждены были считаться, и с неформальной экономической активностью жителей. В постсоветский период эту категорию селений, помимо высокой религиозности, отличает устойчивое социально-демографическое и экономическое положение. В статье ставится вопрос о причинах и условиях парадоксальной ситуации, когда сохранение патриархального быта и религиозных традиций сопутствовало успешной адаптации сельских сообществ к новым экономическим реалиям. Делается вывод о необходимости изучения специфики религиозности, поскольку неформальные экономические и социальные практики строились вокруг национальных и религиозных традиций. Изучаемая проблема устойчивости сельской религиозности является частью более широкой проблемы сохранения российского села как устойчивого этносоциального организма.

Ключевые слова: сельская религиозность, социально-профессиональная структура сельского социума, сельская мусульманская община, проблема закрепления молодежи на селе

Для цитирования: Кильдеев М. В. Сельская мусульманская религиозность в условиях трансформации российского общества // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 51–56. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-51-56>, EDN: QGESTF

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Rural Muslim religiosity in the context of the transformation of Russian society

M. V. Kildeyev

Republican Center for Youth, Innovative and Preventive Programs “Navigator”, 36 Adoratsky St., Kazan 420137, Russia

Mansour V. Kildeyev, makhmud_e@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4353-8380>

Abstract. The article reveals the specifics of rural religiosity as an important factor in the development of rural society in Russia. Sociological and historical material, related to the social life of the Tatars of the Middle Volga region in the Soviet and post-Soviet periods serves as an empirical base. New, previously unpublished archival documents have been introduced into scientific circulation. The connection is established between the level of religiosity and such factors as settlement size, socio-professional structure, intensity of atheistic propaganda and state-confessional relations at the local level, economic activity of the peasantry, and development of rural entrepreneurship. The authorities in the Tatar and Bashkir autonomous republics successfully solved the tasks of the Soviet anti-religious policy. However, in the other Volga regions, where the Tatars were an ethnic minority, there was a phenomenon of separate settlements with increased religious activity and informally economic active residents, which the authorities had to reckon with. In the post-Soviet period, this category of villages, in addition to high religiosity, is distinguished by a stable socio-demographic and economic situation. The article raises the question of the causes and conditions of the paradoxical situation, when the preservation of the patriarchal way of life and religious traditions accompanied the successful adaptation of rural communities to

new economic realities. It is concluded that it is necessary to study the specifics of religiosity, since informal economic and social practices were built around national and religious traditions. The studied problem of the stability of rural religiosity is a part of a broader problem of preserving the Russian village as a stable ethno-social organism.

Keywords: rural religiosity, socio-professional structure of rural society, rural Muslim community, young farmer problem

For citation: Kildeev M. V. Rural Muslim religiosity in the context of the transformation of Russian society. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 51–56 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-51-56>, EDN: QGESTF

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4,0 International License (CC-BY 4.0)

Исторически российское село – это устойчивый этносоциальный организм, духовной основой которого являются религиозные традиции. В настоящее время актуальным является изучение сохраняющихся в татарских селах российской «средней полосы» религиозных и национальных традиций, которые зачастую успешно уживаются с эффективными адаптивными стратегиями. В статье рассматривается устойчивость сельской мусульманской религиозности в условиях атеистического государства и в условиях трансформации российского общества. Цель исследования – выявить условия, которые способствовали сохранению села как цельного этносоциального организма и присутствующей ему сельской религиозности. Проблема устойчивости сельской религиозности рассматривается как часть более широкой проблемы сохранения российского села.

Различия в характере и глубине религиозности между селом и городом постоянно находились в поле зрения исследователей крестьянства. Известны этнографические обследования в РСФСР в 1920-х гг., в которых в том числе затрагивалась специфика религиозности народов Поволжья. Возникшая в те же годы аграрная социология акцентировала внимание на изменениях аграрного образа жизни и его приспособлении к новым условиям. Одни из ее основателей, П. А. Сорокин и К. Циммерман, на многочисленных исторических примерах выявили значимые отличия сельской религиозности: приверженность к привычным формам поклонения и сохранение локальных, «косных» форм религиозности, которые образуют контраст с «городской»: рационалистической, механистической и монотеистической религиозностью [1, р. 608]. В рамках советской социологии религии изложены некоторые элементы сельского типа религиозности: локальная общинность, личное влияние служителя культа, слепое доверие к догмам, ритуализм [2], религиозный синкретизм, культ святых и религиозно-этические табу [3], устойчивость к антирелигиозной политике [4].

Советское атеистическое религиоведение акцентировало внимание на иррациональном элементе сельской религиозности. Подчеркивалось отсутствие связи сельской религиозности

с реальными социальными процессами, т.е. пережиточность: «В республиках Средней Азии, Дагестане, Азербайджане, Татарии, Башкирии в сельской местности при постепенном сокращении религиозных обрядов все же сохраняются практическая культовая сторона религии, обряды, относящиеся к семейно-бытовой сфере, пережитки, связанные с заключением мусульманского брака и выплатой калыма, ритуальное обрезание, похороны и поминки, а также различные мусульманские праздники, дезорганизующие жизнь современной семьи и насаждающие религиозную идеологию. Главную роль в сохранении этих пережитков играют не столько религиозные мотивы и потребности, сколько такие социально-психологические факторы, как традиционное заимствование религиозных взглядов и обычаев, основанное на подражании, психологическое стремление поддерживать “деревенский обычай”, давление консервативного общественного мнения, выступающего в защиту религиозных традиций» [5, с. 94–95].

Подобный взгляд в некоторой мере отражает такую особенность российской сельской религиозности, как ее соединенность с традиционным национальным укладом. Важные события в жизни крестьянина (рождения, свадьбы, похороны) обязательно носят религиозный, ритуальный характер. Отсюда происходит высокий адаптивный потенциал сельского социума, который, по сравнению с городом, обладает собственными, автономными от государственного-политического аппарата регуляторами общественной и частной жизни. Данное обстоятельство становится важным преимуществом в условиях социальных трансформаций, переживаемых российскими селом на всем протяжении XX в. В настоящее время изучение сельской религиозности осложнено тем обстоятельством, что традиционная деревенская культура народов России находится под угрозой исчезновения. Этот процесс особенно ускорился в условиях формирования информационного общества, изменения типа семейных отношений, распада межпоколенных связей.

Советские социологи, рассматривая сельскую религиозность в разрезе социальной структуры общества, усматривали в ней детерминированность низким социально-про-

фессиональным и образовательным статусом верующих. Наиболее секуляризованным слоем на селе была сельская интеллигенция: учителя, медработники и работники культуры. Она же выступала основным проводником антирелигиозной политики. Из интеллигенции и служащих формировался актив, на который возлагалось проведение антирелигиозных кампаний. Данный слой сельского общества также был немногочисленным. По данным исследования этносоциологов АН СССР, которое они прово-

дили в 1967 г. в Татарской АССР, среди сельских татар 9% относились к интеллигенции и еще 4% – к служащим [6, с. 55]. Имеющиеся данные говорят о том, что количество атеистов среди коренного сельского населения Татарской и Башкирской АССР было относительно невелико (таблица). Атеист, согласно советским методикам, – это не просто нерелигиозный человек, он еще и должен уметь обосновать свое неверие. Этим он отличается от остальных неверующих.

Типология населения по отношению к религии по результатам социологических исследований в Горьковской области и в Башкирской АССР, %

Исследуемая совокупность	Атеисты	Неверующие	Индиферентные	Коллеблющиеся	Верующие
По Горьковской области (1971 г.)	12,0	43,0	14,0	10,0	7,0
В татарских селах Горьковской области (1971 г.)	7,4	26,6	13,5	13,7	38,6
Башкиры и татары, Хайбуллинский р-н БАССР (1974 г.)	7,2	54,6	23,0	8,1	7,9

Сост. по: [7, с. 74; 8, с. 135].

Подавляющее большинство татар-сельчан (70%) составляли разнорабочие и неквалифицированные работники. По сравнению с довоенным 1939 г. их доля уменьшилась всего на 10%. С 1939 по 1967 г. доля служащих сократилась на 1 пункт, а доля интеллигенции увеличилась на 4 пункта. Тем самым в сельском хозяйстве не происходило ожидаемого сближения физического и умственного труда и, следовательно, «стирания границы между городом и деревней». В условиях достаточно однородного по своей структуре сельского социума интеллигентский, т.е. «городской» образ жизни и мышления не имел значительного влияния на сельские массы.

Во многом по причине игнорирования властями культурных запросов татарского населения, особенно на территориях, где оно находилось на положении национального меньшинства, в советский период в татарском селе не сформировался заметный слой носителей материалистического сознания, полностью свободного от религиозного влияния.

В сельской местности повсеместно действовали мусульманские общины и «параллельные» (незаконные) мечети. Община выделяла помещения для проведения молитвенных собраний, собирала пожертвования на строительство культовых зданий, распорядительствовала на похоронах, в отдельных случаях поднимала перед местной властью вопросы возвращения культовых зданий. Отправлением религиозных обрядов продолжали заниматься энтузиасты –

знатоки ислама из числа рядовых верующих, хорошо разбиравшиеся в догматах ислама и обрядности, присущих преобладающим среди мусульман Среднего Поволжья течениям.

Традиционная сельская религиозность у татар представляла собой последовательный образ жизни, в котором язык, обычаи и религия взаимно дополняли друг друга. Из-за энергичной антирелигиозной политики татары оказались вне формальных религиозных институтов. В характере религиозности возобладала архаичные локальные формы. Объяснение специфики религиозности в советский период требует обращения к обозначениям «народный», «бытовой» и «неофициальный ислам». Такие «неканонические» элементы мусульманского вероисповедания, как почитание местных святых, культ предков, семейные обряды, локальные дополнения в области обрядовой практики, усилились из-за гонений на официальное духовенство. Выживание и консервация веры осуществлялись за счет сохранения традиционных религиозных ритуалов и обрядов в быту. Участием в обрядовой деятельности поддерживалось религиозное влияние среди молодежи, которая в учебных заведениях получала мощный заряд атеистического воспитания.

В таких регионах, как Пензенская, Горьковская, Ульяновская области, а также в Чувашской и Мордовской АССР социологи фиксировали повышенный уровень религиозности татарского населения. Верующие в этих регионах достаточно свободно отправляли свои рели-

гиозные обряды, независимо от юридического статуса общины. По отношению к татарам, как к этнонациональному и этноконфессиональному меньшинству этих регионов, действовал более либеральный тип государственно-конфессиональных отношений. В частности, местные власти негласно замалчивали проблему существования неофициального ислама и, как правило, не преследовали верующих за участие в религиозных обрядах. Подобная практика берет начало как минимум в конце 1940-х гг. Власть избегала активных антирелигиозных мероприятий в селениях, где отмечалась высокая религиозная активность. Уполномоченный Совета по делам религий по Мордовской АССР в 1947 г. признавал, что при высокой религиозной активности населения запрещать деятельность незарегистрированных общин было бы «политически неверно» [9, л. 22]. Неучастие верующих в инициативах по официальной регистрации общин являлось ответным условием такого «общественного договора». Конвенциональное невмешательство власти в частную жизнь верующих было значительной уступкой со стороны официальной идеологии.

В постсоветские времена тема сельской религиозной специфики получила новое наполнение. Прежде сельская религиозность считалась иррациональным по своей природе «пережитком», существующим вопреки социальным преобразованиям и достижениям советской власти. В новых условиях глубокая и массовая мусульманская религиозность оказалась одним из условий для сохранения сельских населенных пунктов от обезлюдения, каким-то образом коррелируя с приверженностью к родному краю и активными адаптационными стратегиями населения в новых экономических условиях. Тем самым религиозные села снова идут вразрез с общей тенденцией, характерной для российской «средней полосы», заключающейся в безвозвратной миграции молодежи в город, старении населения, вторичном раскрестьянивании, разрушении сельской социальной инфраструктуры, латифундизации, дачной субурбанизации и т.п.

В условиях экономической и духовной (легализация религиозных институтов и традиций) свободы такие сельские населенные пункты, как Средняя Елюзань, Алькино Самарской области, Белозерье в Республике Мордовия, Шыгырдан в Республике Чувашия, и ряд других поселений в Республике Чувашия, Нижегородской и Пензенской областях получили заметный импульс к развитию. Эти села отличаются не только высокой религиозностью жителей и интенсивное строительство мечетей,

но и устойчивое социально-демографическое и экономическое положение. Важно, что система жизнеобеспечения данных населенных пунктов сложилась автономно, без заметного участия государственных программ развития, без внешних инвестиций, в условиях несправедливых механизмов ценообразования на сельхозпродукцию.

В новейшее время появились исследования, рассматривающие на архивных и полевых материалах условия и причины глубокой религиозности населения отдельных татарских населенных пунктов, которые успешно адаптируются к меняющимся социально-экономическим реалиям. Исследователь из Казани Л. В. Сагитова на примере Средней Елюзани отмечает, что формой и способом сохранения этноконфессиональной идентичности стала своеобразная духовная автономия, наподобие той, которая существовала в мусульманской среде повсеместно до коллективизации. Однако автор не приводит удовлетворительного объяснения причин консервации традиционного образа жизни. Утверждение, что тому способствовала «советская модернизация аграрной сферы» [10, с. 107, 112], благодаря которой под формой колхоза сохранился мусульманский джамаат (сельский сход), не выдерживает критики. Нет никаких свидетельств тому, что всеми хозяйственными делами в селе управлял бы некий локальный неформальный институт. Как известно, и в Средней Елюзани, и в Белозерье развитие коллективных хозяйств упиралось в малоземелье. Они не обеспечивали заработком и половину жителей, а оставшиеся находились вне коллективного сельхозпроизводства, кем бы оно ни управлялось.

В Средней Елюзани в 1966 г. вместо колхоза был образован совхоз «Елюзанский». Хозяйство было экономически крепким, специализировалось на выращивании лука, который в высушенном виде шел на экспорт. При этом в совхозе была занята примерно четвертая часть экономически активного населения. Почти такая же доля населения, в основном женского, была обеспечена работой в открытых стараниями совхозного руководства цехах и филиалах областных предприятий, а также в бюджетных учреждениях. Оставшаяся половина жителей находила заработок «на стороне», объединяясь в сельскохозяйственные и строительные артели или занимаясь продажей продукции личного подсобного хозяйства (ЛПХ) на городских рынках [11, с. 277]. В других условиях эта категория людей была бы вынуждена в поисках заработка сменить место жительства, влившись в ряды горожан. Однако, как пишут Р. Марданов и

Н. Китаева о временах коллективизации, «у елюзанцев была сильная привязанность к давно сложившемуся образу жизни, который их вполне устраивал и обеспечивал» [11, с. 105] и который, добавим, они не смогли бы вести где-то еще за пределами своего села.

При других обстоятельствах, но схожая ситуация сложилась в Белозерье – населенном пункте в Ромодановском районе Мордовии, где, по мнению историков, колхоз «40 лет Октября», как и другие советские институты, в 1970–1980-е гг. существовал номинально [12, с. 120]. В селе никогда не было дома культуры, школу не посещала значительная часть учащихся школьного возраста. Колхоз по своим показателям был ниже среднего по району, «отстающим», что выглядит нонсенсом для колхозов в татарских селах, хотя бы по меркам соседней Пензенской области, и не оказывал существенного влияния на жизнь села. Однако в масштабах страны такое положение выглядело обычным делом. На протяжении 1950–1970-х гг. основные капиталовложения в развитие АПК приходились на целинные земли и совхозные агрокомплексы, в то время как значительная часть коллективных хозяйств РСФСР была убыточной, а уровень жизни колхозников в разы ниже, чем у горожан. Жители Белозерья только числились работающими в колхозе, большую часть года трудясь в ЛПХ или за пределами села. Основой их благосостояния стал подсолнух – высококоротельная сельскохозяйственная культура, которую сельчане в частном порядке выращивали на приусадебных участках или скупали, перерабатывали, а затем оптом продавали на рынках поволжских городов.

Исследователи современного российского села выявили мотивы, по которым сельская молодежь не стремится его покинуть. Их можно сгруппировать на экономические мотивы (ведение личного подсобного хозяйства, наличие стабильной работы и заработной платы) и на этнопатриотические (привязанность к данной местности, продолжение семейных традиций, соблюдение традиционных деревенских устоев, поддержка ближайшего окружения) [13, с. 235]. В то время как молодежь, намеревающаяся покинуть село, в качестве причин отъезда называет экономические мотивы, но со знаком «минус» (отсутствие работы, физический характер труда и его низкую оплату), низкий уровень развития социальной инфраструктуры (проблемы с медицинской помощью, с жильем, отсутствие организаций бытового обслуживания), недостаточный уровень развития сферы культуры и отдыха и, как следствие, отсутствие жизненных перспектив [13, с. 236–239].

На примере двух рассматриваемых населенных пунктов мы можем увидеть, насколько недооценен в экономической и социологической литературе традиционный сельский образ жизни, ради которого люди проявляют готовность самостоятельно, не уезжая из села, решать проблемы трудоустройства, заработка и социальной инфраструктуры.

В советские времена внутри периферийного татарского сельского социума, наряду с высокой религиозностью населения и патриархальными устоями, существовали несоциалистические формы экономической жизни: артели, отходничество и частная торговля. Необходимые для участия в этой деятельности человеческие качества – предприимчивость, инициативность, взаимовыручка – для основной массы колхозов и совхозов тех времен были в большом дефиците. Для предприимчивых крестьян, к чьим занятиям власть относилась неодобрительно, основой идентичности стало обращение к религии.

Советские обществоведы не отрицали взаимосвязи религии с буржуазными, частнособственническими отношениями. Этот тезис хорошо иллюстрировался восточноевропейскими реалиями. Наибольшая религиозность в НРБ и в ГДР фиксировалась среди некооперированных ремесленников, частных торговцев, земледельцев-единоличников [14, с. 98]. «Мелкобуржуазные» группы населения находились «на самообеспечении», что позволяло им держаться на безопасной дистанции от государственной идеологии. В СССР, где было провозглашено построение бесклассового общества, существование обособленных социальных групп не признавалось. Однако, по мнению ряда авторов [15], в указанные времена в стране формировался предпринимательский класс, место упраздненной кооперативной промышленности в 1960-е г. заняли нелегальные «частники», после резкого увеличения капиталовложений в сельское хозяйство появились «шабашники». Таким образом, сложились условия для размывания устоявшейся социальной структуры села, основанной только на социалистических формах хозяйствования. А когда наступила эпоха социально-политической трансформации и государством был взят курс на отмену всяческой социальной поддержки и защиты сельского населения, на локальном уровне произошло безболезненное расставание с установками на государственный патернализм.

Подводя итог нашего исследования, отметим, что специфика сельской мусульманской религиозности в Среднем Поволжье в советский период выражалась в приверженности

«народным» формам религиозности, которые не воспринимались отдельно от национальных традиций; в повсеместном существовании нерегистрируемых, но устойчивых религиозных общин. Патриархальный быт и религиозные традиции в колхозной деревне сохранялись во многом по причине экстенсивного характера развития советского сельского хозяйства. Социальная среда сельской религиозности татарского населения в Среднем Поволжье складывалась из условий проживания в колхозной деревне, особенно в так называемых отстающих хозяйствах, из компактного проживания вне национальной автономии, из более однородной социально-профессиональной структуры сельского населения, инфраструктурной неуброшенности сельских поселений, из величины населенного пункта. Существовала определенная зависимость между религиозностью и распространением различных неформальных экономических практик (артельность, отходничество, рыночная торговля продукцией ЛПХ).

В условиях социально-экономической трансформации приверженность национальным традициям и религии стимулировала диверсификацию сельских трудовых практик и выбор жителями религиозных сел активных адаптационных стратегий. Условиями для сохранения традиционного жизненного уклада стали многолюдность рассматриваемых населенных пунктов и положение национального и религиозного меньшинства. Причины сохранения в советской действительности густонаселенных, богобоязненных и богатых татарских населенных пунктов до конца не изучены. Ключ к пониманию, на наш взгляд, лежит в изучении специфики религиозности, поскольку неформальные экономические и социальные практики строились вокруг национальных и религиозных традиций. Для лучшего понимания поставленной проблемы потребуются дальнейшее комплексное, неангажированное изучение реалий сельских населенных пунктов с устойчивым социально-демографическим и экономическим положением.

Список литературы

1. Sorokin P., Zimmerman C. C. Principles of rural-urban sociology. New York : H. Holt, 1929. 652 p.
2. Левада Ю. А. Социальная природа религии. М. : Наука, 1965. 261 с.
3. Кудряшов Г. Е. Динамика полисинкретической религиозности. Опыт историко-этнографического и конкретного социологического исследования генезиса, эволюции и отмирания пережитков чувашей. Чебоксары : Чувашское кн. изд-во, 1974. 355 с.
4. Филимонов Э. Г. Социологические исследования процесса преодоления религии в сельской местности: итоги, проблемы, перспективы // Вопросы научного атеизма : сб. Вып. 16. М. : Мысль, 1974. С. 71–88.
5. Атеизм в СССР: становление и развитие / редкол. : А. Ф. Окулов (отв. ред.) [и др.]. М. : Мысль, 1986. 235 с.
6. Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР / отв. ред. Ю. В. Арутюнян. М. : Наука, 1973. 332 с.
7. Орлов А. М. Проблемы атеистического воспитания населения, живущего в инонациональной среде (Исследования групп татар. населения в Горьк. и Пенз. обл.) : дис. ... канд. филос. наук. М., 1977. 198 с.
8. Хамитова Р. Основы дифференцированного подхода в атеистической работе // Атеисты за работой: Из опыта работы по атеист. воспитанию трудящихся в Башк. АССР : сб. / сост. О. К. Валитов. Уфа : Башкирское кн. изд-во, 1975. С. 133–143.
9. Центральный государственный архив Республики Мордовия (ЦГА РМ). Ф. Р-228. Оп. 3. Д. 113.
10. Сагитова Л. В. Сельская община татар-мусульман России: факторы автономизации // Ислам в современном мире. 2016. Т. 12, № 2. 103–114. <https://doi.org/10.22311/2074-1529-2016-12-2-103-114>
11. Марданов Р. Т., Китаева Н. Б. Средняя Елюзань. Страницы истории самого крупного татарского села России. Казань : Татарское кн. изд-во, 2006. 296 с.
12. Миннуллин И. Р. Исламское возрождение в татарской деревне Мордовии в советский и постсоветский периоды // Историческая этнология. 2016. Т. 1, № 1. С. 116–139.
13. Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) / под ред. Ж. Т. Тощенко. М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016. 368 с.
14. Религия и церковь в современную эпоху / ред. кол. : Л. Н. Великович, В. И. Гараджа [и др.]. М. : Мысль, 1976. 328 с.
15. Ефимов И. Без буржуев. Frankfurt/Main : Possev-Verlag, 1979. 350 с.

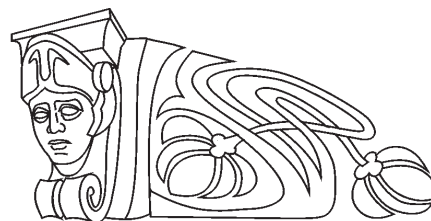
Поступила в редакцию 29.08.2022; одобрена после рецензирования 27.11.2022; принята к публикации 02.12.2022
The article was submitted 29.08.2022; approved after reviewing 27.11.2022; accepted for publication 02.12.2022

Научная статья

УДК 316.42+81'272

Концепция очевидного времени в современной социолингвистике: преимущества и недостатки методологии

К. Э. Багирова

Одинцовский филиал МГИМО (У) МИД, Россия, Московская область, 143007, г. Одинцово, ул. Ново-Спортивная, д. 3

Багирова Карина Эдуардовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры английского языка в сфере юриспруденции, bagirova@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2861-6689>

Аннотация. В статье проводится анализ концепции очевидного времени, применяемой современной социолингвистикой для выявления социальных особенностей использования языка различными социально-демографическими группами. Существует ряд проблем, решение которых возможно с помощью применения этого эмпирического метода. Первая проблема заключается в «ограничениях»: какие языковые изменения возможны, а какие нет. Исторические данные могут показать только те изменения, которые уже произошли, но не те, которые возможны/невозможны. Вторая проблема – «встраивание»: как изменения языка доходят до всех (или почти до всех) членов сообщества. Третья проблема – «оценка»: как члены сообщества реагируют на языковые изменения и какое влияние их оценки оказывают на ход или характер изменений. Четвертая – «переходная» проблема: как язык меняется из одного состояния в момент А в другое состояние в момент В. Наконец, пятой проблемой является «приведение в действие»: почему происходит изменение конкретного языка, когда и где оно происходит. Основатели метода Вайнрайх, Лабов и Херцог утверждали, что эти важные проблемы могут быть решены только путем наблюдения за изменением языка по мере его возникновения и с разных социальных точек зрения, включающих широкий спектр возрастов, социальных статусов и мест проживания. Рассмотрены трудности применения данной концепции: существует мало сопоставимых данных в реальном времени о более ранних периодах; методы ранних работ и социально-демографические характеристики не соответствуют современным исследовательским запросам. Предлагаются способы преодоления этих затруднений: исследования должны носить лонгитюдный характер с унификацией методологии добывания эмпирических данных.

Ключевые слова: социолингвистика, концепция очевидного времени, лонгитюдное исследование, социальные изменения языка

Для цитирования: Багирова К. Э. Концепция очевидного времени в современной социолингвистике: преимущества и недостатки методологии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 57–60. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-57-60>, EDN: RXAALQ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The concept of apparent time in modern sociolinguistics: Advantages and disadvantages of methodology

K. E. Bagirova

Odintsovo Branch of MGIMO University, Russian Ministry of Foreign Affairs, 3 Novo-Sportivnaya St., Odintsovo 143007, Moscow region, Russia
Karina E. Bagirova, bagirova@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2861-6689>

Abstract. The article is devoted to the analysis of the concept of apparent time used by modern sociolinguistics to identify the social features of the use of language by various socio-demographic groups. There are a number of problems that can be solved by using this empirical method. The first problem is the “constraints”: which language changes are possible and which are not. Historical data can only show what changes have already occurred, but not what changes are possible/impossible. The second is the problem of “embedding”: how a language changes reach all (or almost all) the community members. The third problem is “assessment”: how community members react to language changes and what impact their assessments have on the course or nature of changes. The fourth is a “transitional” problem: how does the language change from one state at the moment A to another state at the moment B. Finally, the fifth problem is “actualization”: why there is a change in a particular language, when and where it occurs. The founders of the method, Weinreich, Labov and Herzog, argued that these important problems can only be solved by observing the change of language as it arises and from different social points of view, including a wide range of ages, social statuses and places of residence. The difficulties of applying this concept are considered: there are few comparable real-time data on earlier periods; methods of early work and socio-demographic characteristics do not correspond to modern research needs. The ways to overcome these difficulties are proposed: research should be of a longitudinal nature with the unification of the methodology for obtaining empirical data.

Keywords: sociolinguistics, the concept of apparent time, longitudinal study, social changes of language

For citation: Bagirova K. E. The concept of apparent time in modern sociolinguistics: Advantages and disadvantages of methodology. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 57–60 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-57-60>, EDN: RXAALQ

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В начале XXI в. в социолингвистике наблюдается заметный подъем, который характеризуется не просто продолжающимся привлечением в эту сферу новых ученых, но, что более важно, расширяющимся спектром подходов, практикуемых социолингвистами. Свидетельства расширяющихся интересов социолингвистических исследователей можно увидеть в типах социально-языковых явлений, которые они исследуют, данных, которые они рассматривают, аналитических инструментах, которые они используют для выявления закономерностей, и лингвистических и социальных теориях, которые они применяют для интерпретации своих результатов.

Б. Джонстон отмечает, что современная социолингвистика включает в себя множество различных традиций исследований, которые касаются, соответственно, различных наборов исследовательских вопросов. Однако все социолингвисты имеют общую ориентацию на языковые данные, полагая, что анализ лингвистического поведения должен основываться на эмпирических сведениях [1, р. 1]. Под этим подразумеваются данные, собранные посредством наблюдения, в отличие от информации, построенной на основе самоанализа. Наиболее часто изучаемая социолингвистами эмпирическая информация представляет сведения носителей языка о том, как они в реальности используют язык. Тем не менее, исследователи могут наблюдать другие элементы, кроме способов использования языка. Социолингвисты часто заинтересованы в субъективных оценках конкретных языковых моделей поведения (например, конкретный признак языка или его разновидность/диалект) и могут наблюдать их, проводя оценки речи, как это делается в перцептивной диалектологии. Исследователи могут также использовать самоотчеты докладчиков об их способах использовании языка. Такие данные могут быть полезны, однако важно признать, что такая информация не считается социолингвистами некритически «истинным» отражением фактического использования.

Традиции качественных социолингвистических исследований (см., например, работы Д. Гумперца и Д. Хаймса [2, 3]), берущие начало в лингвистической антропологии, были довольно авторитетны с самой ранней поры социолингвистики, продолжая оказывать влияние на современные исследовательские области, такие как анализ дискурса и интерактивная социолингвистика. Хотя качественные исследования не концентрируются на закономерностях социолингвистических вариаций, они продолжают

оказывать важное влияние на теорию. Особое значение имеет упор лингвистических антропологов на этнографические методы наблюдения, которые стремятся выявить закономерности неформальной социальной организации в речевых сообществах, при этом основное внимание уделяется носителям языка как социальным субъектам, а не абстрактным языковым моделям. Этот ракурс дает возможность получения более полной и проверяемой интерпретации социальной информации.

Особое место в теории и практике социолингвистики занимает вариационистская школа. Поиск механизмов изменения языка вплоть до начала XX в. был занятием исторических лингвистов. Тщательно изучая труды более ранних поколений или цивилизаций, исторические лингвисты смогли посредством метода, называемого «сравнительной реконструкцией», сделать обоснованные догадки о том, как, например, разговорная латынь эволюционировала в ее дочерние языки, такие как французский, испанский, португальский и румынский, или как гласные английского претерпели реорганизацию в позднем Средневековье. Эта кропотливая работа показала, что многие диахронические изменения (т. е. действующие с течением времени) развивались с большой регулярностью.

Однако зачастую исторические заключения об изменении языка игнорируют понимание социальных факторов, которые его провоцируют. Этот недостаток подхода сравнительной реконструкции был замечен У. Вайнрайхом, У. Лабовым и М. Херцогом [4]. Они определили пять ключевых проблем, которые требуют применения другого эмпирического метода. Первая проблема заключается в «ограничениях»: какие языковые изменения возможны, а какие нет? Исторические данные могут показать только те изменения, которые уже произошли, но не те, которые возможны/невозможны. Вторая проблема – «встраивание»: как изменения языка доходят до всех (или почти до всех) членов сообщества? Как они встраиваются не только в языковую среду, но и в социальную? Исторические тексты часто репрезентируют лишь очень незначительный срез населения, говорящего на том или ином языке, и поэтому не могут адекватно помочь нам понять распространение языковых изменений. Третья проблема – «оценка»: как члены сообщества реагируют на языковые изменения и какое влияние их оценки оказывают на ход или характер изменений? Социальная оценка часто может быть восстановлена по работам «комментаторов» языка, но имеет тенденцию быть оценочной, и комментаторы обыч-

но представляют ограниченный социальный слой. Четвертая – «переходная» проблема: как язык меняется из одного состояния в момент А в другое состояние в момент В? Наконец, пятой проблемой является «приведение в действие»: почему происходит изменение конкретного языка, когда и где оно происходит?

У. Вайнрайх, У. Лабов и М. Херцог утверждали, что эти важные проблемы могут быть решены только путем наблюдения за изменением языка по мере его возникновения и с разных социальных точек зрения, включающих широкий спектр возрастов, социальных статусов и мест проживания. Принципы, изложенные исследователями, до сих пор воспринимаются вариационистами как аксиоматические, конкретно следующий принцип: языковая система, которая не демонстрирует изменчивости, является не только мнимой, но и дисфункциональной, поскольку структурированная изменчивость является существенным свойством языка, который выполняет важные социальные функции и допускает упорядоченные языковые изменения. Цель вариационистов – понять социальные механизмы и мотивации изменения языка.

Как и социолингвисты в целом, вариационисты регулярно используют традиционные описательные и аналитические инструменты. В вариационистской литературе регулярно обнаруживаются описательные исследования конкретных лингвистических явлений, использующие стандартные понятия из синтаксической или фонологической теории. Тем не менее, несмотря на наличие некоторых аналитических точек соприкосновения, подходы вариационистов в целом отличаются от подходов современной теоретической лингвистики, по крайней мере, двумя фундаментальными позициями: 1) они включают различные ориентации на данные и 2) они проистекают из различных подходов к социолингвистическому изменению.

Вариационисты, как и все социолингвисты в целом, склонны основывать свой анализ на эмпирических данных. Традиционно эти данные собираются в контексте бесед, в ходе которых субъект (или информатор) не осведомлен о том, что его или ее лингвистический опыт является предметом исследования. Такой метод явно контрастирует с подходами, которые часто используются лингвистами-теоретиками. В их традиции исследователи могут полагаться на данные, которые они сами конструируют, опираясь на собственную интуицию. В качестве альтернативы, когда речь идет о языках, которыми они не владеют как родным, исследователи могут получать сведения от информаторов, говорящих на родном языке и проверять

собственные заключения. Таким образом, данные возникают из явно металингвистического контекста, в котором исследователь и любые информаторы рассуждают о языке.

У. Лабов стал пионером методологии наблюдения за изменением языка, которую он резюмировал как «использование настоящего для объяснения прошлого». С этого момента использование концепции «очевидного времени» для изучения изменения языка в социально-историческом процессе становится базовой аналитической конструкцией в количественной социолингвистике. Обеспечивая отражение изменений в реальном времени, очевидные временные различия составляют концептуальную основу изучения языковых изменений в ходе социально-исторического процесса – их рассмотрения в том виде, в каком они происходят на самом деле. Исследуя взаимосвязь языковых различий в поколениях и социальных общностях другого типа, мы можем наблюдать, как нововведение входит в речь ограниченной социальной группы, распространяется на членов других подгрупп и либо достигает пределов речевого сообщества, либо уступает место ретроградному изменению. Этот «синхронический подход» к изучению изменения звука оказался прекрасной стратегией для решения трех фундаментальных проблем изменения языка – перехода, встраивания и оценки – и, таким образом, дал решающее понимание фактического механизма социально-языкового изменения.

Главное предположение, лежащее в основе концепции очевидного времени, состоит в том, что различия в использовании языка между поколениями отражают фактические диахронические события в языке, тогда как другие факторы, такие как социальный статус, на эти изменения не влияют. Предполагается, что речь каждого поколения отражает язык, который существовал в то время, когда это поколение им овладевало. Как отмечали Д. Чамберс и П. Труджилл, достоверность концепции очевидного времени в значительной степени зависит от гипотезы, что речь, скажем, 40-летних сегодня непосредственно отражает речь 20-летних двадцать лет назад и, таким образом, применима для исследования диффузии речи 20-летних сегодня. Расхождения в речи 40-летних и 20-летних объясняются прогрессом языковых инноваций за двадцать лет, которые разделяют две группы [5, p. 165].

Сложность тестирования конструкции очевидного времени объясняется рядом факторов. Во-первых, тот факт, что количественная социолингвистика начала развиваться недавно, означает, что существует мало сопоставимых

данных в реальном времени о более ранних периодах. Без данных в реальном времени проверка конструкции невозможна. Самые первые количественные исследования были проведены всего около сорока лет назад и охватывают лишь несколько регионов. Доступно большое количество более ранних исследований, но их направленность часто сильно отличается от направленности современной работы. Большинство работ в количественной социалингвистике исследует переменные фонологические или переменные морфологические процессы. Кроме того, социально-демографический фокус ранних исследований часто сосредоточен на пространственном распределении языковых особенностей, а фокус большинства количественных социалингвистических исследований – на распределении черт между социальными слоями, этническими группами и полами.

Даже когда исследования касаются одних и тех же особенностей и имеют схожие социально-демографические индикаторы, часто возникают проблемы. Большинство ранних фонологических исследований основывается на транскрипциях, сделанных либо в полевых условиях, либо с помощью магнитофонных записей, в то время как исследования в лабовской традиции опираются на спектрографический анализ. Корреляция результатов двух подходов является трудной, хотя, безусловно, возможной, в случае установления точного значения транскрипций.

Однако, несмотря на методологические и методические трудности исследования в концепции очевидного времени, проверить ее довольно несложно. Для этого нужно минимум два исследования, которые удовлетворяют, по крайней мере, следующим критериям: 1) быть проведены достаточно удаленно друг от друга во времени (десятилетие или около того), чтобы показать последствия языковых изменений; 2) анализировать одни и те же лингвистические переменные; 3) иметь существенные совпадения в социально-демографическом отношении; 4) включать данные, которые либо фиксируются аналогичным образом, либо могут быть интерпретированы так, чтобы быть совместимы.

Список литературы

1. *Johnstone B.* Qualitative Methods in Sociolinguistics. New York ; Oxford : Oxford University Press, 2000. 164 p.
2. *Gumperz J. J.* Discourse Strategies. Cambridge : Cambridge University Press, 1982. 225 p.
3. *Hymes D.* On communicative competence // Sociolinguistics. Selected Readings / ed. by J. B. Pride, J. Holmes. Harmondsworth : Penguin, 1972. P. 269–293.
4. *Weinreich U., Labov W., Herzog M.* Empirical Foundations for a Theory of Language Change // Lehmann W., Malkiel Y. Directions for Historical Linguistics. Austin : University of Texas Press, 1968. P. 95–188.
5. *Chambers J. K., Trudgill P.* Dialectology. 2nd ed. Cambridge : Cambridge University Press, 1998. 200 p.

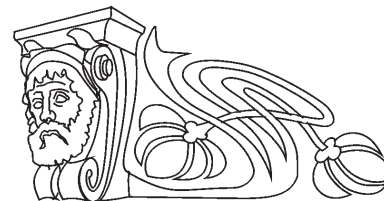
Поступила в редакцию 11.11.2022; одобрена после рецензирования 30.11.2022; принята к публикации 01.12.2022
The article was submitted 11.11.2022; approved after reviewing 30.11.2022; accepted for publication 01.12.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 61–65
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 61–65
<https://soziopolit.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-61-65>, EDN: VTVZJK

Научная статья
УДК 316.422

Пандемия коронавируса как фактор трансформационных процессов в городской креативной среде (по результатам социологического исследования)

А. Е. Колобова

Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., Россия, 410054, г. Саратов, ул. Политехническая, д. 77

Колобова Анна Евгеньевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры «Прикладные информационные технологии» Института прикладных информационных технологий, kolobova_anna1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6042-6933>

Аннотация. В статье раскрывается специфика трансформационных процессов в городской креативной среде современного российского общества в условиях пандемии коронавируса. В качестве эмпирической базы используются результаты социологического исследования (метод экспертного интервью), проведенного в 2021 г. в г. Саратове. Цель данной работы – представить оценку различных экспертов, являющихся респондентами в указанном исследовании, относительно пандемийного фактора изменений в креативном пространстве типичного российского города. Выявлены практически противоположные оценки относительно характера влияния пандемии коронавируса на городскую креативную среду в целом и ее отдельные составляющие. Респонденты указывают как на отрицательные стороны (например, резкое снижение объемов клиентского потока в креативной индустрии города, закрытие отдельных креативных объектов и проектов), так и на положительные стороны (оперативное внедрение современных форматов работы объектов креативной сферы, создание новых креативных проектов) влияния рассматриваемого явления. В целом экспертами признается, что большинство субъектов городского креативного пространства так или иначе адаптировались к новым, беспрецедентным условиям и вызовам внешней среды, а некоторые из них даже получили дополнительные возможности для развития. Творческое пространство российского города в целом продемонстрировало свою устойчивость, гибкость, адаптивность и конструктивную реакцию на вызовы. Но в силу важности креативной среды как фактора повышения качества жизни населения необходима поддержка, прежде всего со стороны государства. Полученные результаты исследования могут быть положены в основу управленческой деятельности по развитию и поддержке городской креативной среды современного российского общества в сложных социально-экономических условиях.

Ключевые слова: креативный объект, креативный проект, креативная индустрия, городская креативная среда, пандемия коронавируса, трансформация, процесс

Благодарности: Статья написана на основе отчета по социальному проекту-победителю конкурса социальных проектов в рамках ведомственной целевой программы «Поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций города Саратова» на 2021–2023 годы.

Для цитирования: Колобова А. Е. Пандемия коронавируса как фактор трансформационных процессов в городской креативной среде (по результатам социологического исследования) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 61–65. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-61-65>, EDN: VTVZJK

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The coronavirus pandemic as a transformational processes factor of the urban creative environment (According to the sociological study results)

А. Е. Колобова

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77 Politechnicheskaya St., Saratov 410054, Russia

Anna E. Kolobova, kolobova_anna1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6042-6933>

Abstract. The article reveals the specifics of transformational processes in the urban creative environment of modern Russian society in the context of the coronavirus pandemic. The results of a sociological study (method of expert interviews) conducted in 2021 in Saratov as an empirical basis were used. The purpose of this paper is to present the assessment of the various experts who are respondents in this study regarding the pandemic factor of changes in the creative space of a typical Russian city. Almost opposite assessments were revealed regarding the nature of the impact of the coronavirus pandemic on the urban creative environment as a whole and its individual components. The respondents point out both the negative aspects (for example, a sharp decrease in the volume of client flow in the creative industry of the city, the closure of individual

creative facilities and projects), and the positive aspects (the prompt introduction of modern formats for the work of objects in the creative sphere, the creation of new creative projects) of the influence of the phenomenon under consideration. In general, the experts admit that most of the subjects of the urban creative space have somehow adapted to the new, unprecedented conditions and challenges of the external environment, and some of them even received additional opportunities for development. The creative space of the Russian city as a whole demonstrated its stability, flexibility and adaptability and constructive response to challenges. But due to the importance of the creative environment as a factor of improving the quality of life of the population, the state support is needed. The results of the study can be used as the basis for management activities to develop and support the urban creative environment of modern Russian society in difficult socio-economic conditions.

Keywords: creative object, creative project, creative industry, urban creative environment, coronavirus pandemic, transformation, process

Acknowledgements. The article was written based on the report on the social project-winner competition of social projects in departmental target program "Support for socially oriented non-profit organizations of the city of Saratov" for 2021–2023.

For citation: Kolobova A. E. The coronavirus pandemic as a transformational processes factor of the urban creative environment (According to the sociological study results). *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 61–65 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-61-65>, EDN: VTVZJK

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Исследователи склонны считать, что современные трансформации в обществе, являющиеся результатом воздействия пандемии, носят глобальный характер [1], хотя очевидно, что данное явление так или иначе затронуло жизнь каждого индивида, практически все сферы социума подверглись его воздействию. Однако оценка влияния коронавирусного феномена на общество в целом и его отдельные составляющие продолжает оставаться дискуссионным вопросом и изучается с самых различных позиций. Необходимость социологической рефлексии в отношении трансформаций социума и его сфер, элементов под воздействием пандемии актуализировано тем, что есть потребность в выработке социальных сценариев дальнейшего существования в «новых» условиях.

Во второй половине 2021 г. нами было проведено социологическое исследование креативной городской среды как фактора развития туризма в городе. В частности, использовался метод полуструктурированного экспертного интервью. Пул экспертов формировался с помощью метода «снежного кома», и при этом дополнительно учитывался ряд факторов: упоминание и рекомендация эксперта в интервью респондентов, популярность эксперта в социальных сетях (число подписчиков) и городской среде (включая упоминание в местных СМИ) и др. Все экспертные интервью в рамках исследования креативной городской среды, являющейся фактором развития туризма в г. Саратове, проведены в очном формате. Один из блоков интервью был посвящен влиянию пандемии на изменения в креативном пространстве типичного российского города. Условно эксперты сгруппированы в следующие три основные группы:

- представители государственных структур, организаций в сфере культуры;
- представители общественности, имеющие отношение к сфере культуры;

– представители креативной индустрии и бизнеса, имеющего отношение к сфере культуры.

Таким образом, все эксперты являются представителями трех сторон: государства, общественности или бизнес-сообщества. Все они имеют определенное отношение к креативной среде, либо являясь ее субъектами, либо представляя ее внешнюю среду. Предлагаемая группировка базируется на том, что в зависимости от принадлежности (к государству, общественности или бизнес-сообществу) формируется определенная позиция по ряду исследуемых аспектов. И действительно, эта принадлежность влияет на мнение и позицию респондентов в определенных случаях. Однако в контексте рассматриваемой проблематики указанная зависимость слабо прослеживается.

Рассмотрим результаты социологического исследования в разрезе блока вопросов, посвященных влиянию пандемии на изменения в креативном пространстве города.

Прежде всего, необходимо отметить, что эксперты дают разные, зачастую противоположные оценки влиянию и последствиям перемен, связанных с пандемией и ограничительными мерами, на креативное пространство города, его отдельные составляющие и процессы, в нем происходящие. Более того, одни и те же эксперты склонны признавать наличие одновременно и возможностей, и угроз в ситуации карантина и его влияние на городское творческое пространство. В целом присутствуют как положительные, так и отрицательные оценки этого влияния. При этом представители и государственных структур, и бизнеса, и некоммерческого сектора также придерживаются самых разных оценок – от резко пессимистичных до исключительно положительных.

Так, по мнению экспертов, отрицательное влияние пандемии связано, прежде всего, с

тем, что карантинные ограничения, запреты и т.п. привели к снижению темпов творческих процессов и сопутствующих им бизнес-процессов, отмене мероприятий, закрытию культурных объектов и приостановке творческих проектов в городе, т.е., по сути, к торможению и даже остановке (на какой-то период времени) жизнедеятельности креативной среды.

...для развития всех творческих индустрий это минус, вся эта пандемия... (эксперт 1).

Я думаю, пандемия вообще позитивно мало на что повлияла (эксперт 3).

Это замедление темпов творческих и бизнес-процессов, в свою очередь, привело к существенным финансовым потерям практически во всей креативной индустрии города.

...творческий кластер из-за пандемии потерял... потерял в финансовом смысле колоссальные ресурсы (эксперт 5).

...я знаю, там ресторан один открывался, а тут пандемия и все! А люди вкладывали как бы деньги, новое что-то в город привнести, но это все испортила пандемия... (эксперт 4).

Несмотря на спад пандемийных ограничений, и сегодня городская креативная среда продолжает испытывать трудности.

...многие предприниматели в стесненных обстоятельствах сейчас действуют (эксперт 3).

Это явно актуализирует необходимость их поддержки, ведь креативному пространству сегодня и в будущем в российском обществе придается большая социокультурная и экономическая значимость [2].

Отрицательное влияние пандемии и соответствующих ограничений испытали на себе и сами эксперты, поскольку они сами – часть городского креативного пространства. Прежде всего, это финансовые проблемы, но они сопряжены и с другими трудностями – потерей клиентов, ограничениями в работе партнеров и др. Такого рода последствия пандемии отмечают исследователями во всем мире [1] и проявились практически во всех сферах общества.

В первые два месяца пандемии я сидел совсем без денег. У меня и экскурсии накрылись, и там ... все накрылось, я вообще сидел без денег (эксперт 4).

Более того, у многих городских креативщиков возникали личностные проблемы.

...если мы говорим о творческих людях, то закрытие границ, невозможность перемещаться, невозможно получать какие-то новые впечатления и прочее, оно влияет! На самом деле я видел многих даже художников саратовских во время пандемии, у них немного отъезжала крыша... (эксперт 1).

Некоторые проекты и предприятия креативной индустрии, предполагающие массовое участие людей, вообще прекратили свое существование.

...пандемия уничтожила на корню все инициативы, которые были, которые завязаны на массовом потреблении. ... Компании, которые завязаны были на массовости, все они потеряли доход, потеряли жизнеспособность. ... есть команды, которые были в Саратове, и которые были заточены на организацию только массовых мероприятий, каких-то культурных событий и они, конечно, погибли (эксперт 5).

По мнению экспертов, культурные объекты и проекты, финансируемые за счет государства, имели определенные преимущества в период пандемии и соответствующих ограничений (прежде всего, не прекращалась выплата заработной платы персоналу; плюсом стала и особенность прогосударственных «креативщиков» – меньшая зависимость от клиентского потока и, соответственно, денежного потока) по сравнению с частными творческими объектами и проектами. В то же время эти преимущества в понимании экспертов не были принципиальными.

Я не скажу, что им [культурным учреждениям, финансируемым за счет государства] легче, но у них хотя бы зарплаты остались (эксперт 5).

...все сферы, или как они [чиновники] любят говорить – отрасли культуры, финансируются государством и от зрителей ничего по большому счету в финансовом плане не зависит (эксперт 7).

...нам [государственной творческой организации], например, это было не очень удобно. Понятно, что мы уже почти на год с лишним почти прервали всякую деятельность... (эксперт 1).

Очевидно, что значимость поддержки (прежде всего, государственной, в том числе грантовой) для креативной среды в определенной мере актуализирует необходимость развивать соответствующую политику, и она действительно в последнее время находится в повестке федеральной власти [2].

В то же время эксперты в большинстве своем признают, что замедление темпов творческих и бизнес-процессов имело место только в начале пандемии. Затем, по сути, большинство субъектов городского креативного пространства так или иначе адаптировалось к новым, беспрецедентным условиям и вызовам внешней среды, а некоторые из них даже получили дополнительные возможности для развития. Таким образом, имеет место и положительное

влияние пандемии коронавируса на трансформацию городской творческой среды. Так, введение и достаточно длительное действие пандемийных ограничений для частных креативных объектов и проектов стало своеобразным вызовом, толчком и даже «рычагом» для поиска новых идей, новых форматов функционирования:

...многие творческие ребята в пандемию открыли для себя новые формы взаимодействия (эксперт 5).

Это такие начинаются упражнения для ума, такие способы существования новые! И поэтому эти кошмарные ограничения, которые тогда внесли, они нам просто перекрыли кислород, они на самом деле дали нам возможность делать упражнения для ума. Мы выпустили два спектакля, причем сложный тоже. Мы изобретали, как мы будем существовать (эксперт 8).

...это какой-то рубильник [ситуация пандемии и ограничений], который заставил мозги людей работать по-другому, в другом направлении, что естественно... для креативных людей это не проблема, у них появились еще какие-то идеи, в данном случае они были вынуждены их генерировать. Ну раз хорошо получается, то и идеи будут хорошие, которые позволят им в новых условиях работать и что-то новое делать (эксперт 4).

Очевидно, что такое положительное влияние пандемии коронавируса на трансформацию городской творческой среды есть результат соответствующей реакции представителей этой среды.

На нас [частный театр], я могу сказать, они [ограничения в связи с пандемией] очень хорошо сказались. Я вообще не могу пожаловаться на эту историю [пандемию] (эксперт 8).

...люди стали больше обращать внимание на то, куда можно поехать вне Саратова, и на то, куда можно пойти в рамках города. Поэтому, наверное, с этой точки зрения пандемия хорошо повлияла (эксперт 3).

Такое положительное влияние дало и основания для соответствующей экспертной оценки влияния пандемии и соответствующих ограничений на креативную индустрию Саратова. В нашем понимании это была реакция типа «трансформация» (один из типов реакции на риск) [3]. В отличие от других типов (апатия и отрицание), трансформация наиболее конструктивна. Именно она позволяет противостоять внешним рискам, угрозам и путем активных преобразующих действий строить план дальнейшего существования и развития.

Некоторые креативные проекты вообще возникли именно благодаря пандемии. Таким образом, ситуация ограничений стала благодатной почвой, базисом для генерирования новых творческих проектов в городе.

Я не могу сейчас оценить все, что происходит в городе, но я могу, например, сказать, что я... создала после пандемии. ... Это «Арт-плот». То есть у меня была задача сделать его неким арт-объектом, которым будет и инстаграмным, и притягивать внимание также туристов... Вот таким образом пандемия «родила» вот такой арт-объект (эксперт 6).

Особо отметим, что использование информационно-коммуникационных инструментов и технологий сыграло роль триггера для генерирования и внедрения новых форматов работы креативных объектов и проектов, причем как частных, так и государственных и некоммерческих.

...люди поняли, ну те, кто успешно чем-то занимаются, они тоже поняли, что они могут это нести в массы и проводить обучающие семинары, продавать курсы, используя просто информационные технологии, о которых они возможно и не задумывались, когда не было пандемии (эксперт 4).

Я не знаю в Саратове ни одного человека, который бы сказал: «Знаешь, из-за коронавируса у меня катастрофа». Наоборот! Большинство художников продают картины через соцсети и у них дела пошли гораздо лучше, просто потому что больше народу сидит в соцсетях. Можно даже говорить, что им повезло! (эксперт 7).

...настолько эта технология [онлайн-площадки типа «ЗУМ»] все продвинула... (эксперт 4).

Кстати, Максим Музалевский (известный в городе экскурсовод, автор ряда творческих проектов в сфере туризма. – А. К.) в пандемию начал делать прямые эфиры. Это бесценно. Это был повод проснуться утром, это был шанс на жизнь буквально, когда он каждый день вел прямые эфиры (эксперт 3).

В то же время экспертами отмечается, что онлайн-форматы работы креативных объектов и проектов неидеальны и имеют свои существенные ограничения. Они могут быть связаны, в частности, с существенной зависимостью творческого процесса, мероприятия, проекта от технической составляющей.

...онлайн – это такая система, которая не очень... надежная. То связь прерывается, то еще что-то (эксперт 4).

Поэтому онлайн-форматы в креативной среде являются скорее дополнением, времен-

ной формой, но не полноценной альтернативой офлайну и непосредственному, очному взаимодействию со зрителем. Последнее крайне важно в креативной среде.

...мы играли спектакли... но это был новый способ взаимодействия со зрителями... мы выпустили всего один онлайн-спектакль. И честно – мне не нравится такой формат, от слова совсем (эксперт 8).

Эксперты не фиксируют полный переход к онлайн-формату каких-либо креативных объектов и проектов в городе или его абсолютное сохранение после снятия пандемийных ограничений. Офлайн для практически всех городских культурных объектов и проектов выступает наиболее эффективным и приемлемым форматом.

Люди так изголодались по общению живому, мы поняли, что оффлайн – это наше все! И нужно тащить людей в оффлайн все время (эксперт 8).

В целом пандемия и соответствующие ограничения оказали существенное, но одновременно неоднозначное влияние на креативную среду Саратова. Отрицательное влияние испытали на себе, прежде всего, те объекты и проекты, которые ориентированы на массовость и принципиально зависят от клиентского денежного потока, а также те объекты, которые вообще не имеют поддержки со стороны государства или других внешних объектов. Положительное же влияние сказалось в разработке новых креативных проектов, поиске и последующем применении современных форматов работы креативных объектов и проектов, которые в большинстве своем основаны на использовании информационно-коммуникационных инструментов и технологий. Онлайн-форматы работы креативных объектов и проектов имеют свои ограничения и являются скорее дополнением, а не полноценной альтернативой офлайну, непосредственному взаимодействию с клиентом, зрителем.

Таким образом, можно утверждать, что большинство субъектов креативного пространства типичного российского города так или иначе адаптировались к пандемии коронавируса и в целом к новым, беспрецедентным усло-

виям и вызовам внешней среды, а некоторые из них даже получили дополнительные возможности для развития. В нашем понимании это можно идентифицировать в качестве «трансформации» (один из видов реакции на риск) [3], и именно такая реакция наиболее конструктивна. Она позволяет противостоять угрозам извне и через преобразующие действия построить план дальнейшего существования и развития. Другими словами, городская креативная среда современного российского общества трансформируется (возникают новые проекты, внедряются современные технологии, исчезают нежизнеспособные в новых условиях проекты и др.) в период пандемии коронавируса и постпандемийный период. И эти изменения в целом конструктивны и управляемы со стороны субъектов этой среды. Творческое пространство российского города продемонстрировало устойчивость, гибкость и адаптивность в сложных социально-экономических условиях. Однако для эффективной его трансформации необходима грамотная и обоснованная поддержка, прежде всего со стороны государства. Последнее заинтересовано в развитии городской креативной среды современного российского общества, возлагая на него функционал базиса для повышения качества жизни горожан.

Список литературы

1. Волков Ю. Г., Курбатов В. И. Глобальная социология пандемии: отечественные и зарубежные сценарии и тренды послекоронавирусного мира // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9, № 2. С. 17–32. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2020.2.1>
2. Концепция развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года. URL: <http://static.government.ru/media/files/HEXNAom6EJunVixBCjIAAtAya8FAVDUfP.pdf> (дата обращения: 02.12.2022).
3. Prince Kennex R. Aldama. Using sociology to make sense of the coronavirus pandemic. URL: <https://www.rappler.com/views/imho/255954-opinion-using-sociology-make-sense-coronavirus-pandemic> (дата обращения: 02.12.2022).

Поступила в редакцию 20.12.2022; одобрена после рецензирования 23.12.2022; принята к публикации 25.12.2022
The article was submitted 20.12.2022; approved after reviewing 23.12.2022; accepted for publication 25.12.2022

ПОЛИТОЛОГИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 66–70

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 66–70

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-66-70>

EDN: TEGCAK

Научная статья

УДК 32:303

Научный взгляд на ценностные установки современной российской молодёжи: почему не складывается целостная картина?

Н. И. Шестов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Шестов Николай Игоревич, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, nikshestov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2220-7582>

Аннотация. В публикации представлено авторское объяснение причины, по которой картина ценностных политических ориентаций молодёжи, создаваемая усилиями многих отечественных исследователей, не выглядит целостной и убедительной настолько, чтобы можно было использовать её в качестве неоспоримого аргумента при выборе направлений и способов осуществления государственной молодёжной политики. Проблема не в том, что разные исследователи по-разному выстраивают иерархию ценностей, на которые ориентировано сознание молодёжи. В конкретном исследовании большая значимость одних ценностей и меньшая значимость других часто определяется, что естественно, его задачами, методологией и условиями проведения. Проблема в том, что целостная картина ценностных ориентаций молодёжи не складывается в рамках отдельно взятых научных исследований. Материалы и выводы, представленные в них, убеждают читателя, что в ценностных ориентациях молодёжи для современной и будущей российской политики заключено столько же угроз, сколько и предпосылок к тому, чтобы государство и общество могли этим угрозам противостоять. Такой «сбалансированный» результат научных исследований не позволяет выявить тенденцию к изменениям в ценностных ориентациях молодёжи и, соответственно, выбрать наиболее важное направление для реализации государственной молодёжной политики. Источником противоречий в суждениях исследователей о состоянии ценностных ориентаций молодых людей автор считает приверженность исследователей социальному мифу о молодёжи, согласно которому молодое поколение является и фактором риска для основных социальных практик, и основным ресурсом их развития.

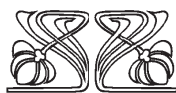
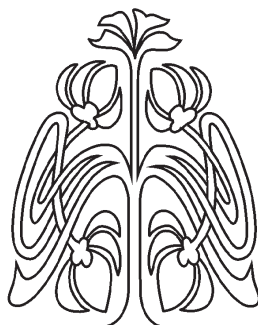
Ключевые слова: политические ценности, политическая культура молодёжи, будущее российской политики

Благодарности: Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Ценностная мотивация отношения молодёжи к основным направлениям государственной политики в современной России», поддержанного Экспертным институтом социальных исследований (ЭИСИ) совместно с Министерством науки и высшего образования РФ и Российской академией наук.

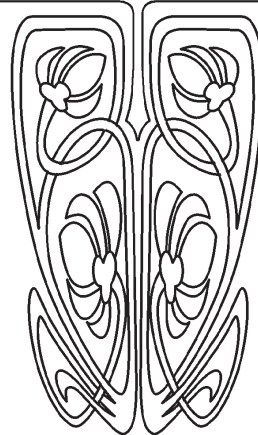
Для цитирования: Шестов Н. И. Научный взгляд на ценностные установки современной российской молодёжи: почему не складывается целостная картина? // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 66–70. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-66-70>, EDN: TEGCAK

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

© Шестов Н. И., 2023

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

Scientific view on the values of modern Russian youth: Why has not a complete picture been formed yet?

N. I. Shestov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Nikolay I. Shestov, nikshestov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2220-7582>

Abstract. The publication presents the author's explanation of the reason why the picture of the value political orientations of young people, created by the efforts of many domestic researchers, does not look holistic and convincing enough to be used as an indisputable argument when choosing directions and methods for implementing state youth policy. The problem is not that different researchers build a hierarchy of values in different ways, to which the minds of young people are oriented. In a specific study, the greater significance of some values and the lesser significance of others is often determined, naturally, by its objectives, methodology, and conditions. The materials and conclusions presented in them convince the reader that the value orientations of young people for modern and future Russian politics contain as many threats as there are prerequisites for the state and society to be able to counter these threats. Such a "balanced" result of scientific research does not allow us to identify a trend towards changes in the value orientations of young people and, accordingly, to choose the most important direction for the implementation of state youth policy. The source of contradictions in the opinions of researchers about the state of value orientations of young people, the author considers the commitment of researchers to the social myth about youth, according to which the younger generation is both a risk factor for basic social practices and the main resource for their development.

Keywords: political values, youth political culture, the future of Russian politics

Acknowledgements: The article was prepared within the framework of the research project "Value Motivation of the Attitude of Young People to the Main Directions of State Policy in Modern Russia", supported by the Expert Institute for Social Research (EISR) together with the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Russian Academy of Sciences.

For citation: Shestov N. I. Scientific view on the values of modern Russian youth: Why has not a complete picture been formed yet? *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 66–70 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-66-70>, EDN: TEGCAK

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Специалисты, занимающиеся изучением проблем политической культуры и политического участия российской молодёжи, сегодня особенно внимательно отслеживают динамику её ценностных ориентаций. Причин для этого внимания как минимум две. Одна причина состоит в том, что ценностные ориентации молодёжи определяют во многом завтрашний день российской политики. Это ценнейшая исходная информация для любого политологического прогноза. Другая причина – необходимость для науки (и практической политики тоже) отслеживать вероятные риски, связанные с состоянием мотивационной сферы отечественной политики. Вариант использования идеологий как средства определения констант и замера отклонений в общественных настроениях в нынешних российских условиях не проходит, поскольку за минувшие три постсоветских десятилетия усилиями отечественных политических партий и общественных движений (чьё руководство было нацелено больше на максимально последовательную интеграцию в «вертикаль власти», чем на реализацию функции института гражданского общества) сами традиционные границы между консерватизмом, либерализмом и социализмом оказались предельно размыты. Да и в самом понимании специалистами того, что в современных условиях представляет собой политическая идеология, наблюдается большой разброс [1, 2].

Социально-политические ценности выглядят в этой связи относительно надёжным инструментом замера текущих состояний политического процесса и оценки его перспектив.

Есть, однако, проблема: корректность таких замеров и прогнозов прямо зависит от способности специалистов создать более-менее непротиворечивую картину ценностных ориентаций субъектов политики, в нашем случае – ценностных ориентаций молодых граждан. Сложно добиться практически-политической значимости научных прогнозов и оценок, если их авторы интерпретируют исходные данные соцопросов по принципу: если посмотреть с одной стороны, то с ценностными ориентациями молодёжи у нас в стране всё сегодня очень плохо, тогда как если посмотреть с другой стороны, то всё на самом деле не так уж и плохо, а порой даже замечательно.

Несходство в интерпретациях можно было бы объяснить, если бы речь шла о позициях разных специалистов, различием технологий их исследовательской работы. Разница во взглядах учёных на предмет исследования и на методы исследования естественна. Сама по себе она обычно не сильно мешает обществу и элитам сориентироваться, и из вариантов понимания политики и действия в ней, предлагаемых наукой, выбрать те, которые более всего соответствуют их практическим интересам и расчётам.

Однако противоречие, о котором идёт речь, довольно часто обнаруживает себя в суждениях отдельно взятого исследователя политических ценностей молодёжи, в той авторской оценке их состояния, которую он формулирует в своём научном труде. Значит, источник упомянутого противоречия не в достоинствах и недостатках той или иной методологии изучения политических ценностных ориентаций молодёжи. Он в чём-то, что руководит сознанием исследователей наряду с их выбором в пользу применения определённых технологий научной работы.

Отсутствие внутренней целостности в интерпретациях, которые ценностным ориентациям молодёжи дают их исследователи, – большой политический риск. Это вероятность того, что наука, увлечшись поиском достоинств ценностных ориентаций, которые компенсировали бы их недостатки, прозевает момент радикального сдвига в сознании граждан, когда, например, ценности политического протеста начнут доминировать в сознании граждан настолько, что ценности политической лояльности просто перестанут быть для них ценностями.

Применительно к конкретным научным исследованиям ценностных ориентаций молодёжи упомянутое противоречие выглядит так. Авторы опросов и публикаций с удовлетворением отмечают, например, большую значимость для молодых людей ценностей частной сферы – семьи, дружбы, профессионального и карьерного роста [3]. Ещё более им импонирует нежелание многих респондентов ставить на первое место в ряду жизненных ориентиров богатство, а, с другой стороны, их приверженность справедливости. У нынешнего поколения общество, таким образом, может быть относительно спокойно за воспроизводство себя в демографическом и культурном измерениях. «Удивительным», по признанию самих исследователей, стало для них то обстоятельство, что политические ценности, патриотизм в частности, в сознании молодых людей отодвинуты на второй план. Значимость для себя этой ценности в группе респондентов от 14 до 18 лет не подтвердил ни один человек, в группе 19–24-летних патриотично настроенными себя сочли примерно 15% опрошенных, среди граждан от 25 до 30 лет патриотический настрой снизился примерно до 8% [3, с. 173–174]. «Это не говорит о том, – подытожили авторы исследования, – что современная молодёжь не любит Родину, но это подчёркивает противоречивость социальных взглядов молодёжи о проблемах патриотизма» [3, с. 174]. Иначе говоря, всё свелось к известной, но далеко не бесспорной формуле «стерпится – слюбится».

В том же духе строит свой анализ ситуации автор другой публикации. По его данным, молодёжь преимущественно индифферентна к идее и практикам политической солидарности. Она, констатирует исследователь, не верит в свободу и практическую значимость избирательных процедур и вообще в возможность рядовых граждан влиять на политику. Она также не может обосновать своё отношение к политическим лидерам [4]. Такие крайне пессимистические оценки не мешают автору быть оптимистом и доказывать, что в современной России формируется ни больше ни меньше как новый «рабочий класс». Ничего, что у этого «класса» отсутствует один из существенных признаков классовости – осознание специфичности своих корпоративных экономических и политических интересов, готовность их отстаивать. Самим фактом своего появления на свет он оправдывает надежды, которые государство и общество сегодня связывают с вхождением в жизнь нового поколения граждан.

Аналогичным образом находит плюсы в минусах ценностных основ политической культуры современной молодёжи М. А. Матвиенко с соавт.: «Установлено, что на сегодняшний день для молодого поколения характерны отсутствие мотивации к интеллектуальному и культурному развитию и утрата жизненных ценностей и моральных норм. <...> Мир современной молодёжи различается (так в источнике. – Н. Ш.) прагматизмом, озабоченностью материальными проблемами» [5, с. 1523]. По мнению исследователей, решить эту проблему можно в один приём: надо лишь воспитать в молодёжи «духовность». Такое простое решение однозначно сработает, потому как «процент инициативной молодёжи мал, но он растёт, мы надеемся, что креативно мыслящих людей будет гораздо больше, чем тех, кто по-прежнему только является потребителем ...» [5, с. 1524].

То же противоречие воспроизводят в своих рассуждениях авторы коллективной монографии «Ценностные ориентации российской молодёжи и реализация государственной молодёжной политики: результаты исследования» [6]. По их подсчётам, каждый шестой респондент не может или не хочет отнести себя к патриотам России [6, с. 34]. Этим авторы исследования объясняют значимость для сознания молодёжи миграционных установок. Не всё, однако, так плохо. Надо лишь посмотреть на проблему с другой стороны: спросить респондентов об их отношении к патриотизму не как личной ценности, а ценности общественной. В этом случае картина полностью меняется и начинает выглядеть более чем оптимистично. Так,

от половины до двух третей респондентов готовы любить Родину, гордиться её достижениями в культуре и других сферах человеческой деятельности, верить в её великое будущее и даже при необходимости защищать её с оружием в руках [6, с. 35]. Авторы исследования обошли вниманием принципиальный для оценки реального положения дел вопрос: было ли и сколько среди потенциальных защитников России тех, кто намерен в дальнейшем её покинуть?

Ещё один пример. С. А. Корягина, исследуя правовой аспект политического воспитания российской молодёжи, рассуждает о перспективах её социализации, в том числе политической. Рассуждение, как и в публикациях, упомянутых выше, строится по принципу «все недостатки компенсируют достоинства». С одной стороны, автор публикации отмечает, что нынешнее состояние культуры молодёжи – это состояние «переходного периода», когда «действовавшие ценности утрачены, а новые всё ещё формируются» [7]. С другой стороны, есть тенденции, которые обнадёживают. Если в цифровом мире, полагает автор, ценность человека стремится к нулю и это является источником кризиса политических и прочих ценностей, то в реально существующем мире, в общественной жизни отдельно взятый человек по-прежнему ценен. А это значит, что вместо разрушенной культуры сформируется новая культура, и в основании её будут новые ценности [7].

Неординарно выглядит в свете приведенных выше примеров логика рассуждений автора одной из диссертаций, посвященных проблематике молодёжных ценностей. Диссертант отмечает, что сегодня российская молодёжь «мучительно ищет» свою социальную идентичность, что это «коллективный поиск одиночек», что она отчуждена от существующих социальных институтов [8]. Но в этих тяготах молодёжного самоопределения заключена, по мнению диссертанта, большая выгода для общества и государства. Они могут чувствовать себя в безопасности уже потому, что в складывающейся сегодня в России ситуации невозможен широкий социальный протест. А широким он не может стать в силу ориентации молодых людей на ценности индивидуализма и нигилизма, которые препятствуют их консолидации в какой-то новый тип гражданского общества, отличного от уже существующего в нашей стране [8].

Даже в недавних исследованиях Левада-центра, не замеченного в минувшее десятилетие в склонности смягчать и приукрашивать изображения российской политики, когда речь идёт об интерпретации данных его социологии, обнаруживает себя та же тенденция. Только

она обнаруживается как бы в превращённом, зеркальном виде. Специалисты Центра с удовлетворением отмечают, что значительная часть российской молодёжи даже в условиях санкций сохранила в своём сердце симпатии к Западу, как, пользуясь определением Ж. Борелля, к «саду среди джунглей» [9], островку достатка и благополучия в море житейских проблем, т.е. занимает аполитичную и даже непатриотичную позицию, настроена на трудовую миграцию. Но констатируют одновременно и плохую, с их точки зрения, тенденцию, а именно: «Подозрительность по отношению к мотивам правительств европейских стран и США довольно часто сквозит в словах молодых участников групповых дискуссий, в особенности за пределами крупнейших городов. Каждый раз при обсуждении международных отношений обязательно находятся молодые люди, которые будут говорить, что “с Америкой надо быть жестче”, потому что “они по-другому не понимают”» [10].

Таким образом, кроме проблемы реально существующих ценностных ориентаций молодёжи вырисовывается ещё одна – проблема нежелания специалистов, изучающих такие ориентации, судить о них критически, опираясь на те данные, которые позволяют говорить о смещении этих ориентаций преимущественно в «плюс» либо в «минус», в полезную либо опасную для российской политики сторону. Причина, как представляется, не в недобросовестности исследователей и тем более не в каких-то, повторюсь, специфических свойствах их технологий научной работы. Формулировки вопросов и смысл вопросов, с которыми они обращаются к молодым гражданам с целью выяснить отношение последних к ценностям, в принципе, сходны.

Причина в том, что объединяет исследователей молодёжных ценностей помимо традиционных практик социологического исследования. А объединяет их то, что в полной мере характеризует глубокую социализированность исследователей, а именно то, что можно назвать социальным мифом молодёжи. Речь идёт не о каком-то превратном либо предвзятом отношении исследователей, представляющих в системе социальных (научных в том числе) коммуникаций интересы старшего поколения, а потому заинтересованных искусственно приносить противоречия в современную картину ценностных предпочтений российской молодёжи. Всё дело в конфликте двух стереотипных представлений о том, из каких соображений старшие поколения в обществе могут и должны выстраивать свои отношения с младшими,

когда речь идёт о таких жизненно важных для общества вещах, как политика. Опора на два взаимоисключающих суждения довольно стандартна для бытования социально-политического мифа, каким является миф молодёжи.

С одной стороны, логикой рассуждений исследователей руководит стереотипное представление, согласно которому молодое поколение, пока оно молодое, по своим моральным, политическим и деловым качествам никак не может быть лучше поколения старшего. В противном случае теряет смысл социализация как процесс и технология «взросления» молодых людей, теряют смысл все средства и весь опыт воспитательной работы с молодёжью. Что могут старшие передать младшим, если младшие по своим способностям, интересам и навыкам, своему восприятию окружающего мира ничуть не хуже старших?

С другой стороны, недостатков в культуре молодёжи, политической в том числе, не может и не должно быть больше, чем в культуре старших поколений. Эти недостатки, если они есть, должны компенсироваться теми преимуществами, которыми молодёжь обладает в силу своего возраста, своих активности, бескомпромиссности, амбициозности, хорошей обучаемости и т.д. В противном случае теряет смысл сама идея прогресса политики, как и человеческой цивилизации вообще. Как будущее политики и других человеческих практик может быть лучше их прошлого и настоящего, если их движущей силой будут молодые люди, своими качествами уступающие старшим поколениям? Само по себе допущение такого варианта способно лишить современные общества, нацеленные на развитие в режиме ускоренных модернизаций политики, экономики, культуры и права, всякого оптимизма в отношении будущего и тех затрат ресурсов, которые сегодня эти общества считают необходимыми для своего развития.

Между этими двумя стереотипами, как между Сциллой и Харибдой, каждый раз приходится лавировать исследователям проблем молодёжи и молодёжной политики. Убрать эти препятствия со своего пути никакому исследователю не дано. Мифы не поддаются уничтожению, разве только вместе со своими носителями. Исследователям можно и, наверное, нужно в интересах повышения достоверности и практической значимости политологических и социологических исследований, посвящённых ценностным ориентациям молодёжи, понимать природу этих препятствий, держать их в своём

сознании под наблюдением и напоминать читателю научных трудов, что и он тоже является носителем мифа о молодёжи. А значит, ему необходимо воспринимать научные оценки и прогнозы тоже с поправкой на этот миф.

Список литературы

1. Емельянов Д. Е., Махрин А. В. Идеология эконатриотизма в деятельности эколопических партий современной России и попытки прогноза // *Universum: Общественные науки* : электрон. науч. журн. 2019. № 4 (55). URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/7140> (дата обращения: 09.12.2022).
2. Демин И. В. Идеология в эпоху «цинического разума» (Трактатка идеологии в работах Славоя Жижека) // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз* (журнал политической философии и социологии политики). 2021. № 4 (103). С. 6–23. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2021-103-4-6-23>
3. Смирнова Л. В., Дмитриенко Н. Ю., Лыскова И. Е. Социальные ценности современной молодежи // *Система ценностей современного общества*. 2013. № 32. С. 169–174.
4. Гаврилюк В. В. Справедливость и солидарность в представлениях рабочей молодежи сервисных отраслей // *Siberian Socium*. 2022. Т. 6, № 1 (19). С. 33–43. <https://doi.org/10.21684/2587-8484-2022-6-1-33-43>
5. Матвиенко М. А., Егушев К. Е., Пименов Н. О., Файрузов Р. Р. Ценности современной молодежи // *Молодой ученый*. 2015. № 10 (90). С. 1523–1525. URL: <https://moluch.ru/archive/90/18759/> (дата обращения: 09.12.2022).
6. Ценностные ориентации российской молодежи и реализация государственной молодежной политики: результаты исследования / под общ. ред. С. В. Чуева. М. : Изд. дом ГУУ, 2017. 131 с.
7. Корягина С. А. Правовое воспитание молодежи: современные реалии // *Развитие российского общества: выборы современности* : материалы нац. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвященной 90-летию Байкальского государственного университета (г. Иркутск, 15–16 октября 2020 г.). Иркутск : Изд-во Байкальского гос. ун-та, 2021. С. 443–448.
8. Дусева И. П. Социальные ценности учащейся молодежи в современной России : дис. ... канд. социол. наук. Новочеркасск, 2000. 133 с.
9. Боррель сравнил окружающий Европу мир с джунглями. URL: <https://ria.ru/20221013/evropa-1823673165.html> (дата обращения: 07.12.2022).
10. Ценности, ориентации и участие в политической жизни российского молодого поколения. URL: <https://www.levada.ru/2020/06/30/tsennosti-orientatsii-uchastie-v-politicheskoy-zhizni-rossijskogo-molodogo-pokoleniya/30.06.2020> (дата обращения: 06.12.2022).

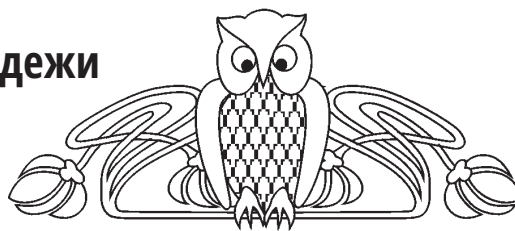
Поступила в редакцию 10.12.2022; одобрена после рецензирования 15.12.2022; принята к публикации 19.12.2022
The article was submitted 10.12.2022; approved after reviewing 15.12.2022; accepted for publication 19.12.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 71–78
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 71–78
<https://soziopolit.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-71-78>, EDN: VBWPST

Научная статья
УДК 32.019.3

Идеологические предпочтения молодежи как фактор представлений о желаемом будущем России

А. А. Вилков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Вилков Александр Алексеевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук, vil57@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4277-0372>

Аннотация. В статье представлены результаты репрезентативного социологического опроса (N = 2021) и фокус-групп, проведенных в ноябре 2022 г. по проблематике ценностной мотивации отношения молодежи к основным направлениям государственной политики в современной России. На основе анализа полученных материалов выявлены структура идеологических предпочтений различных возрастных групп российской молодежи, их влияние на восприятие текущего состояния основных направлений внутренней и внешней политики и представления о желаемом будущем политического и социально-экономического развития России. Раскрыты предпочтения и аргументы в пользу социал-демократической, либеральной, консервативной и коммунистической идеологий. Дано объяснение большей приверженности российской молодежи ценностям социал-демократии (26,2%), чем либерализма (22,3%). Главным аргументом представителей различных возрастных групп состоит в том, что социал-демократия дает возможность объединить преимущества социализма и рыночной системы. Усиление социальных функций государства и его регулирующей роли в экономике позволяет концентрировать ресурсы на достижении общественно значимых целей, а сохранение частной собственности и рыночных механизмов дает возможность использовать личную заинтересованность и мотивацию в условиях жесткой мировой конкуренции. Раскрыты основные причины высокого уровня идеологических «нигилистов» (25,1%), отметивших, что они не поддерживают ни одну из имеющихся идеологий. Выявлена степень уверенности представителей молодого поколения в завтрашнем дне (51,5%) и дано объяснение причин, почему 47,4% респондентов выбрали варианты отсутствия такой уверенности. Выявлены ранжированные ценностные приоритеты, которые представители различных возрастных групп хотели бы видеть в будущем политическом устройстве России. Дано объяснение фактической деидеологизированности ранжирования данных ценностей. Представлена характеристика готовности представителей российской молодежи к различным практическим вариантам личного участия в воплощении своего образа будущего России. Сделан вывод о том, что наиболее радикальные настроения характерны для либерально ориентированной молодежи, которые усиливаются негативным восприятием СВО на Украине и конфронтации России с США и западноевропейскими странами.

Ключевые слова: российская молодежь, политические идеологии, политические ценности, образ будущего, политическое участие

Благодарности: Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Ценностная мотивация отношения молодежи к основным направлениям государственной политики в современной России», поддержанного Экспертным институтом социальных исследований (ЭИСИ) совместно с Министерством науки и высшего образования РФ и Российской академией наук.

Для цитирования: Вилков А. А. Идеологические предпочтения молодежи как фактор представлений о желаемом будущем России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 71–78. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-71-78>, EDN: VBWPST

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Ideological preferences of youth as a factor of perceptions of the desired future of Russia

A. A. Vilkov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Alexander A. Vilkov vil57@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4277-0372>

Abstract. The article considers results of a representative social survey (N = 2021) and focus groups conducted in November 2022 on the issues of value motivation of young people's attitude to the main directions of state policy in modern Russia. Based on the analysis of the received materials, the structure of the ideological preferences of various age groups of Russian youth, their influence on the perception of the current state of the main directions of domestic and foreign policy and ideas about the desired future of political and socio-economic development of

Russia was revealed. Preferences and arguments in favor of social democratic, liberal, conservative and communist ideologies are revealed. An explanation is given for the greater commitment of Russian youth to the values of social democracy (26.2%) than to liberalism (22.3%). The main argument of representatives of different age groups is that social democracy provides an opportunity to combine the advantages of socialism and the market system. Strengthening social functions of the state and its regulatory role in the economy makes it possible to concentrate resources on achieving socially significant goals, while the preservation of private property and market mechanisms makes it possible to use personal interest and motivation in the face of fierce global competition. The main reasons for the high level of ideological "nihilists" (25.1%), who noted that they do not support any of the existing ideologies, are revealed. The degree of confidence of the representatives of the younger generation in the future (51.5%) was revealed and an explanation was given to the reasons why 47.4% of respondents chose the options for the absence of such confidence. The ranked value priorities that representatives of different age groups would like to see in the future political structure of Russia are revealed. An explanation is given for the actual deideologization of the ranking of these values. Characteristics of the readiness of representatives of Russian youth for various practical options for personal participation in the embodiment of their image of the future of Russia are given. It is concluded that the most radical moods are relevant to liberally oriented youth, which are intensified by the negative perception of the special military operation in Ukraine and Russia's confrontation with the United States and Western European countries.

Keywords: Russian youth, political ideologies, political values, image of the future, political participation

Acknowledgments: The article was prepared as part of the research project "Value motivation of young people's attitude to the main directions of state policy in modern Russia", supported by the Expert Institute for Social Research (EISR) together with the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Russian Academy of Sciences.

For citation: Vilkov A. A. Ideological preferences of youth as a factor of perceptions of the desired future of Russia. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 71–78 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-71-78>, EDN: VBWPST

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Специальная военная операция (СВО) на Украине с особой остротой обозначила ряд проблем в различных сферах общественной жизни современной России. Одной из них стала проблема ценностно-идеологических оснований восприятия Российского государства и основных направлений внутренней и внешней государственной политики. Не случайно, что имеет место очередной всплеск научного интереса к проблематике государственной идеологии, национальной идее [1–6]. Большинство авторов продолжают дискуссию о том, зачем нужна государственная идеология в современной России, какой она должна быть. Гораздо реже исследователи задаются вопросом о том, возможна ли она в принципе. Некоторые авторы уже находят ее проявление в отдельных востребованных общественных инициативах, утверждая, что «благотворительность и милосердие» являются одним из свойств государственно-правовой идеологии [7, с. 26]. Ряд работ посвящен непосредственно проблематике восприятия СВО на Украине в качестве фактора политического мировоззрения в молодежной среде [8–9].

Все более значимым становится тренд возвращения идеологической проблематики в контекст международных отношений. Например, известные ученые С. Ю. Глазьев и И. Ф. Кефели утверждают: «Вследствие отсутствия официально согласованных идеологических позиций в государствах ЕАЭС, по сути, реализуется либертарианская идеология, обслуживающая интересы международного капитала, а не народов с общей исторической судьбой. Из-за этого наша евразийская интеграция не обеспечивает пока опережающего социально-экономического раз-

вития государств-членов» [10, с. 19]. В публичном дискурсе идея мессианского предназначения России в мире также набирает обороты [11]. Более того, она периодически подтверждается на официальном уровне в выступлениях Президента РФ: «Сегодня мы боремся за справедливый и свободный путь, прежде всего для нас самих, для России, за то, чтобы диктат, деспотизм навсегда остались в прошлом. Убежден, страны и народы понимают, что политика, построенная на исключительности кого бы то ни было, на подавлении других культур и народов, по сути своей преступна, что мы должны перевернуть эту позорную страницу. Начавшийся слом западной гегемонии необратим» [12].

Тем самым признание значимости роли идеологии в политической жизни современной России объективно актуализирует проблематику представлений об основных идеологиях как факторах ценностной мотивации политического участия различных социальных групп. Особое значение имеет идеологическое позиционирование различных возрастных групп российской молодежи. Обусловлено это особым статусом молодежи и социальными рисками ее вовлечения в радикальные деструктивные формы политического участия.

Основным источником для анализа стали материалы онлайн-опроса, который был проведен в ноябре 2022 г. в рамках научного проекта «Ценностная мотивация отношения молодежи к основным направлениям государственной политики в современной России». Этот опрос охватил более двух тысяч (2021) представителей различных возрастных групп молодежи разных регионов России (Саратов, Воронеж, Псков, Тюмень,

Башкортостан, Татарстан и многие другие субъекты РФ). Кроме того, традиционно для уточнения материалов репрезентативного опроса были проведены три фокус-группы по 12 человек из молодых людей разного возраста.

Одним из важнейших факторов, определяющих специфику характера политической культуры российской молодежи и особенностей ее политического участия, является идеологическая приверженность. Результаты онлайн-опроса показали (табл. 1), что наибольшую близость для молодежи в современной России имеет социал-демократическая идеология – это отметили 26,2% респондентов. Наши предыдущие исследования 2021 г. (на региональном уровне) показывали первое место сторонников либерализма (26,6%), тогда как сторонников социал-демократии было 24,3% среди опрошенных. Однако примечательно, что в 2022 г. на второе место вышли «идеологические нигилисты», т.е. противники любой из имеющихся идеологий. К ним отнесли себя 25,1% всех опрошенных. Сторонники либерализма заняли третье место.

Таблица 1

Идеология, ценности которой являются наиболее близкими респондентам

Идеология	Количество респондентов	%
Социал-демократия	519	26,2
Ни одна из этих идеологий	500	25,1
Либерализм	442	22,3
Консерватизм	229	11,6
Коммунизм	176	8,9
Национализм	50	2,5
Анархизм	39	2,0
Консервативный либерализм	9	0,5
Центризм	5	0,3
Либертарианство	4	0,2
Монархизм	2	0,1
Этатизм	2	0,1
Меритократия	2	0,1
Другие	3	0,1
Всего	1982	100,0

Большое количество идеологических нигилистов объясняется нарастанием разочарования в политических партиях современной России, которые не оправдывают надежд значительной части российской молодежи. Идеология «Единой России» воспринимается молодежью как

эклектичная и популистская. Более четкая идеологическая основа предвыборных платформ ведущих оппозиционных партий разочаровывает отсутствием своей реализуемости уже на протяжении более двух десятилетий. Поэтому четверть опрошенных высказали свое отрицательное отношение к любым идеологиям.

Объяснения отрицательной динамики в отношении либерализма, как показали результаты фокус-групп, можно свести к следующим обстоятельствам. Важнейшим фактором стало снижение значимости ценностей либерализма в массовом сознании молодежи после начала специальной военной операции на Украине. Фактическое предательство многих политических и общественных лидеров, представляющих либеральный сегмент российской партийной системы, не могли не сказаться на идеологическом позиционировании части молодежной аудитории. Вместе с тем важно учитывать, что многие участники фокус-групп пытались объяснить свой когнитивный диссонанс по этому поводу. Суть его состоит в диалектическом противоречии между негативным восприятием данного предательства и своим позитивным отношением к либеральным ценностям в целом. Тем не менее нельзя не увидеть определенной корреляции с показателем по вопросу о степени поддержки респондентами СВО России на Украине, когда 27,6% опрошенных в совокупности дали негативный ответ, из них «скорее нет» (8,2%) и «определенно нет» 19,4%. Большую часть этих ответов дали сторонники идеологии либерализма. Это еще раз свидетельствует, насколько глубоко разрушительная парадигма либерального воспитания проникла в содержание и характер деятельности всех субъектов политической социализации в современной России.

Приверженность к ценностям социал-демократии участники фокус-групп объясняли тем, что данная идеология дает возможность объединить преимущества социализма и рыночной системы. Усиление социальных функций государства и его регулирующей роли в экономике позволяет концентрировать ресурсы на достижении общественно значимых целей, а сохранение частной собственности и рыночных механизмов дает возможность использовать личную заинтересованность и мотивацию в условиях жесткой мировой конкуренции. В совокупности сторонники «левых» идеологий (социал-демократы + коммунисты + анархисты) набирают 37,1% от общего числа опрошенных.

Сторонники консерватизма соотносят данную идеологию, прежде всего, с деятельностью «Единой России». По мнению участников фокус-групп, именно Президент РФ и «Единая

Россия» выступают за сохранение традиционных ценностей в современной России и ведут борьбу за них на мировой арене.

Другие идеологии представлены респондентами очень слабо, фактически на уровне статистической погрешности. Многие из этих вариантов, по мнению участников фокус-групп,

свидетельствуют не столько о реальном понимании сути данных идеологий, сколько о желании продемонстрировать свою эксклюзивность и неординарность.

Представляет интерес распределение идеологических предпочтений по различным возрастным группам (табл. 2).

Таблица 2

Идеологии, ценности которых представляются наиболее близкими различным возрастным группам молодежи

Идеологии	Возраст респондентов (чел. / %)				Всего
	14–17	18–25	26–30	31–35	
Консерватизм	12 / 10,9	190 / 11,5	7 / 7,8	20 / 16,3	229 / 11,6
Либерализм	26 / 23,6	376 / 22,7	15 / 16,7	25 / 20,3	442 / 22,3
Коммунизм	8 / 7,3	135 / 8,1	16 / 17,8	17 / 13,8	176 / 8,9
Социал-демократия	22 / 20,0	456 / 27,5	12 / 13,3	29 / 23,6	519 / 26,2
Национализм	5 / 4,5	36 / 2,2	6 / 6,7	3 / 2,4	50 / 2,5
Анархизм	4 / 3,6	33 / 2,0	1 / 1,1	1 / 0,8	39 / 2,0
Ни одна из этих идеологий	32 / 29,1	411 / 24,8	30 / 33,3	27 / 22,0	500 / 25,2
Этатизм	0	2 / 0,1	0	0	2 / 0,1
Либертарианство	0	2 / 0,1	1 / 1,1	1 / 0,8	4 / 0,2
Консервативный либерализм	1 / 0,9	8 / 0,5	0	0	9 / 0,5
Национал-синдикализм	0	1 / 0,1	0	0	1 / 0,1
Центризм	0	5 / 0,3	0	0	5 / 0,3
Монархизм	0	2 / 0,1	0	0	2 / 0,1
Технократия	0	1 / 0,1	0	0	1 / 0,1
Меритократия	0	0	2 / 2,2	0	2 / 0,1
Национал-либерализм	0	1 / 0,1	0	0	1 / 0,1
Всего	110 / 100,0	1659 / 100,0	90 / 100,0	123 / 100,0	1982 / 100,0

В отношении консерватизма фактически нет различий в «подростковой» (10,9%) и «студенческой» (11,5%) группах. Достаточно существенное преобладание сторонников консерватизма в «старшей» возрастной группе (16,3%) объясняется не только психофизиологическими особенностями, но и семейным статусом – возрастанием уровня социальной ответственности за семью и своих детей. Меньшая приверженность консерватизму со стороны 26–30-летних объясняется участниками фокус-групп тем, что в этом возрасте чаще всего в жизни молодых людей проявляются проблемы, связанные с созданием семьи, с поиском стабильной и хорошо оплачиваемой работы, с приобретением квартиры, с наличием кредитных задолженностей и т.д. Этим же объясняется, что именно в данной группе наи-

более низкие показатели сторонников либерализма (16,7%) и самые высокие – сторонников коммунизма.

Более высокий уровень идеологического нигилизма (29,1%) у младшей возрастной группы объясняется двояко. С одной стороны, это проявление подросткового максимализма в рамках «вечного» конфликта по линии «отцы и дети», т.е. отрицание всего, что представлено «предками», «не понимающими» новое поколение, его запросы, потребности и интересы. С другой стороны, многие участники фокус-групп данного возраста не могли объяснить сути своих критических претензий как к ценностному содержанию конкретных идеологий, так и к недостаткам функционирования всей их совокупности в современной России. Суть обоснования в конечном итоге сводилась

к отсутствию доверия к существующей политической системе в целом, ее конкретным институтам и механизмам в лице партийной системы и выборам всех уровней. Подобная аргументация характерна и для возрастной группы 26–30 лет, в которой уровень идеологического нигилизма оказался еще выше среднего (33,3%). Объясняется это общим более высоким уровнем оппозиционности данной социальной группы к существующему социально-политическому и социально-экономическому устройству страны.

Важное значение для анализа представлений о будущем России имеет уровень социального оптимизма современной российской молодежи. Одной из его характеристик является степень уверенности представителей молодого поколения в завтрашнем дне (табл. 3). Материалы опроса показывают, что только 51,5% респондентов дали различные варианты позитивного ответа на данный вопрос, а 47,4% выбрали варианты отсутствия такой уверенности. Участники фокус-групп объяснили это наличием специфической совокупности факторов для каждой возрастной группы. Для «подростковой» это, прежде всего, отсутствие уверенности в поступлении в вуз или колледж, проблемы выбора самой профессии в рамках соотношения: интерес – престиж – востребованность – будущая зарплата. Для «студенческой» группы главными факторами неопределенности выступают учеба и, особенно, проблема трудоустройства по специальности. О ключевых причинах повышенной оппозиционности возрастной группы 26–30 лет было сказано выше. Кроме того, часть объяснений неуверенности в завтрашнем дне носит универсальный характер для представителей всех возрастов и связана с неудовлетворенностью существующей политической и социально-экономической системой современной России.

Таблица 3

Степень уверенности респондентов в завтрашнем дне

Варианты ответов	Количество	%
Да, вполне уверен в завтрашнем дне	339	16,8
Скорее да, чем нет	702	34,7
Скорее нет, чем да	513	25,4
Нет, не уверен	444	22,0
Затрудняюсь ответить	5	0,2
Нет ответа	18	0,9
Всего	2021	100,0

Это подтверждается ответами еще на один вопрос о желаемом будущем политическом устройстве России. Выбор в пользу сохранения сегодняшнего устройства сделали лишь 44,1% респондентов. Участники фокус-групп отметили, что такие ответы не всегда означают стопроцентную удовлетворенность существующими политическими институтами и механизмами в современной России. В этом случае мотивация сохранения сегодняшнего устройства основывается на предпочтении «известного зла» перед «неизвестным».

Переход к парламентской республике, в которой победившая на выборах в Государственную Думу партия формирует правительство для реализации программы данной партии, поддержали 27,0% опрошенных. В ходе обсуждения в фокус-группах выяснилось, что главный мотив поддержки такого варианта будущего политического устройства состоит в неудовлетворенности существующим состоянием. Для одних – это сам факт многолетнего доминирования «Единой России»; для других – отсутствие реальной конкуренции партийно-идеологических программ на выборах; для третьих – отсутствие реальной подотчетности правительства перед парламентом. В представлении сторонников парламентской республики, переход к ней позволит выстроить лучшую систему взаимодействия между обществом и государством, когда правительство обязано будет воплощать в жизнь программу той партии, за которую большинство граждан проголосовало на выборах.

Переход к президентской республике, в которой избранный народом президент формирует и сам возглавляет правительство, поддержали 14,0% респондентов. Главные аргументы членов фокус-групп в пользу такого политического устройства заключались в том, что президент будет нести полную персональную ответственность за все направления деятельности правительства. Их не устраивает сегодняшняя ситуация, когда президент как глава государства фактически выведен за пределы такой ответственности.

Примечательно, что переход к монархической форме правления поддержали большее количество опрошенных (5,1%), чем возвращение советского политического режима (1,4%). Казалось бы, этот факт противоречит тому, что сторонниками коммунистической идеологии позиционировали себя 8,9% респондентов. Однако на фокус-группах выяснилось, что многие симпатизирующие данной идеологии не отождествляют ее полностью с советским наследием. Для одних аргументом стал известный афо-

ризм «нельзя в одну реку войти дважды», для других в качестве примера выступает успешный Китай, который сумел синтезировать коммунистические принципы с преимуществами рыночной экономики. Это еще раз подтвердило выявленную нами тенденцию, что значительная часть представителей молодого поколения видят будущее России за социал-демократической перспективой развития.

Еще более критичным является отношение российской молодежи к существующей социально-экономической системе. Так, отвечая на вопрос о желаемом для респондентов будущем социально-экономическом устройстве России, выбор в пользу сохранения сегодняшнего социально-экономического устройства сделали только 28,4% респондентов.

Усиление регулирующей роли государства в экономике при сохранении частнособственного сектора и рыночных отношений поддержали 28,5% опрошенных, 10,1% респондентов поддержали максимальное усиление роли государства и планового начала в экономике при сохранении лишь мелкой и средней частной собственности. Это почти совпадает с количеством сторонников коммунистической идеологии. Тем самым 38,6% опрошенных выступают за тот или иной «левый» вариант усиления регулирующей роли государства в экономической сфере.

Сведение до минимума роли государственного сектора в экономике для расширения частнособственного сектора и свободных рыночных отношений поддержали 27,5% ре-

спондентов. В целом это несколько превышает общее количество сторонников либерализма, либертарианства, либерального консерватизма и других вариантов либерализма (в совокупности 23,1%). В рамках фокус-групп данное несовпадение было объяснено тем, что часть сторонников «экзотических» идеологий на самом деле склонны к оппозиционному восприятию современной функциональности государства во всех сферах общественной жизни, в том числе и в экономической. Поэтому они и выбрали вариант максимального сокращения роли государства в экономике.

Примечательно, что отмена рыночных отношений и частной собственности практически не получила поддержки у всех возрастных групп. Этот вариант выбрали всего лишь 0,1% респондентов, что еще раз подтверждает выявленную тенденцию доминирования у значительной части молодежи социал-демократической версии «левого» варианта желаемого будущего политического и социально-экономического развития России.

Фактически деидеологизированными оказались представления российской молодежи о ценностных приоритетах будущего политического устройства России (табл. 4). Участники фокус-групп показали, что ранжирование этих ценностей по степени значимости менее всего связано с идеологическим позиционированием респондентов. По их мнению, структура данных предпочтений отражает неудовлетворенность состоянием этих ценностей в различных сферах общественной жизни современной России.

Таблица 4

Какие ценности, по Вашему мнению, должны быть наиболее приоритетными в будущем политическом устройстве России? (выделите не более пяти)

Рейтинг ценностей	Количество	%
1. Свобода личности	1363	68,4
2. Социальная справедливость	1287	64,6
3. Равенство возможностей в доступе к образованию	1170	58,7
4. Справедливый суд	1156	58,0
5. Право на доступ к информации	1075	53,9
6. Равенство возможностей в доступе к медицинскому обслуживанию	1058	53,1
7. Свобода слова, печати, собраний	986	49,5
8. Толерантность, терпимость к другим взглядам	969	48,6
9. Патриотизм	803	40,3
10. Неограниченная реализация возможностей личности и их соответствующее материальное вознаграждение	568	28,5
11. Равенство возможностей в доступе к участию в политике	457	22,9
12. Коллективизм	261	13,1

Очень важно выявление возможности личного участия респондентов в воплощении образа будущего России (табл. 5). Материалы показывают, что 74,2% опрошенных предпочитают легальные методы борьбы за практическое воплощение своих политических предпочтений. Тем не менее, значительная часть оппозиционно настроенных респондентов готовы использо-

вать радикальные методы борьбы, в том числе 5,7% – бороться с оружием в руках. Это больше, чем было выявлено в нашем исследовании 2021 г. (3,5%). В рамках фокус-групп в качестве главной причины такой радикализации назвали специальную военную операцию России на Украине, противники которой особенно сконцентрированы среди приверженцев либерализма.

Таблица 5

Какова возможность Вашего личного участия в воплощении Вашего образа будущего России

Варианты ответов	Количество	%
Буду голосовать за кандидатов от действующих партий, в программах которых обосновывается такое будущее	1266	62,6
Буду активно участвовать в деятельности партий, в программах которых обосновывается такое будущее	234	11,6
Буду принимать участие в санкционированных митингах и демонстрациях против действующей власти	66	3,3
Буду принимать участие в несанкционированных митингах и демонстрациях против действующей власти	32	1,6
Буду участвовать в забастовках и других формах протеста против действующей власти	61	3,0
В случае необходимости пойду на баррикады с оружием в руках	115	5,7
Никакого участия принимать не буду	125	6,2
Затрудняюсь ответить	122	6,0
Всего	2021	100,0

Подводя итог, можно констатировать, что значительная часть российской молодежи настроена оппозиционно в отношении действующей власти. Почти половина респондентов (47,1%) оценили политическое развитие России как неправильное. По идеологическим основаниям данная оппозиционность распределена по четырем базовым сегментам: социал-демократия, либерализм, консерватизм и коммунизм. Наиболее радикальные настроения характерны для либерально ориентированной молодежи, которые усиливаются негативным восприятием СВО на Украине и конфронтации России с США и западноевропейскими странами. Данный факт свидетельствует о явном неблагополучии с формированием патриотизма и гражданской ответственности не только в отечественной системе образования, но и в деятельности всех субъектов политической социализации в современной России.

Четверть опрошенных обозначили свою нигилистическую позицию в отношении всех обозначенных идеологий. Этот факт также подтверждает проблемы в школьном и вузовском образовании и своевременность «пожарных»

мер в виде обязательных ритуалов поднятия флага, исполнения гимна, уроков патриотизма в российских школах. Не менее своевременным видится и публичное обсуждение необходимости введения в вузах дисциплины для студентов всех специальностей с рабочим названием «Основы и принципы российской государственности». Этот учебный курс должен представлять собой интерактивную дисциплину, которая позволит студентам не только понять историческую обусловленность специфики Российского государства, его современную социально-политическую значимость и ценность, но и выработать активную жизненную и гражданскую позицию, в том числе и в отношении государства.

Однако все государственные и общественные усилия в решении этой важнейшей воспитательной задачи останутся неэффективными, если не будут учтены те накопившиеся проблемы в политическом и социально-экономическом развитии страны, которые стали главными причинами формирования оппозиционных настроений российской молодежи. Это особенно важно с учетом того, что не менее трех четвертей опрошенных продемонстрировали свою

готовность изменять ситуацию в соответствии со своими представлениями о справедливом общественно-политическом устройстве страны в рамках правового поля, без использования радикальных методов борьбы. Тем более что затянувшийся характер СВО на Украине наглядно вскрыл смертельную опасность этих проблем и противоречий в общественно-политическом устройстве России, а их разрешение обозначил в качестве судьбоносных в сохранении российской цивилизации в ее противостоянии с объединенным Западом.

Список литературы

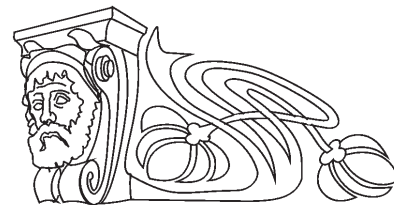
1. *Бируля А. С.* Государственная идеология в современной России: миф или реальность? // Вопросы российской юстиции. 2022. № 18. С. 82–99.
2. *Бокова А. А.* Идеология как средство государственной политики // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 5–1 (68). С. 111–115. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2022-5-1-111-115>
3. *Гаспарян С. А.* Возвращение идеологии: персонологический аспект // Via in tempore. История. Политология. 2022. Т. 49, № 3. С. 690–700. <https://doi.org/10.52575/2687-0967-2022-49-3-690-700>
4. *Грицюк М. В.* К вопросу об идеологии российской государственности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8, № 3. С. 24–30.
5. *Ландерова А. А.* В поисках идеологии общественного согласия // Вестник Поволжского института управления. 2022. Т. 22, № 3. С. 114–124. <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2022-3-114-124>
6. *Мусаелян Л. А.* К вопросу об отсутствии в России государственной идеологии // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 55. С. 6–21. <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2022-55-6-21>
7. *Брылева Е. А., Захарцев С. И., Сальников В. П.* Благоговительность как свойство российской суверенной государственно-правовой идеологии // Теория государства и права. 2021. № 4 (25). С. 23–28. <https://doi.org/10.47905/MATGIP.2021.25.4.002>
8. *Казаков А. А.* Отношение российской молодежи к СВО: роль медийного сопровождения государственной политики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 460–467. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-460-467>, EDN: VRKDZI
9. *Шестов Н. И.* Риски формирования и возможности мониторинга приверженности российских молодых граждан традиционным ценностям российского общества // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 448–452. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-448-452>, EDN: TETXDC
10. *Глазьев С. Ю., Кефели И. Ф.* К вопросу об идеологии Евразийского экономического союза // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16, № 1. С. 10–21. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-01-10-21>
11. *Бараков В. Н.* Русская идеология на переломе эпох: публикации «Изборского клуба» в газете «Завтра» (апрель–сентябрь 2022 года) // Казанская наука. 2022. № 9. С. 29–31.
12. Подписание договоров о принятии ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей в состав России. 30 сентября 2022 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69465> (дата обращения: 16.11.2022).

Поступила в редакцию 28.11.2022; одобрена после рецензирования 05.12.2022; принята к публикации 09.12.2022
The article was submitted 28.11.2022; approved after reviewing 05.12.2022; accepted for publication 09.12.2022

Научная статья
УДК 327.7

Политические и экономические риски энергетической безопасности в глобальном мире (на примере России)

И. Н. Бурганова

Оренбургский государственный педагогический университет, Россия, 460014, г. Оренбург, ул. Советская, д. 19

Бурганова Инна Николаевна, кандидат политических наук, доцент кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории и обществознания, burganovain@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3634-1141>

Аннотация. В статье рассматривается энергетическая безопасность Российской Федерации в контексте аспектов национальной безопасности. Исследуется транснациональный уровень энергетической безопасности, где учитываются глобальные риски. Обращается внимание на действия акторов, кто недружественно относится к Российской Федерации (на примере строительства «Северного потока»). Причем блокирование отдельных участков «Северного потока» больше соотносится не с экономической целесообразностью, недопущением гегемонии Москвы в энергетическом секторе со стороны ЕС. В статье делается вывод о репутационных, экономических и экономических потерях для России после взрывов на «Северном потоке-1» и «Северном потоке-2» в сентябре 2022 г. Также существует угроза безопасности России от зависимости Турции в случае полной реализации «Турецкого потока», который будет играть ключевую роль в поставках ресурсов РФ в ЕС. Возможная смена политического курса турецких властей не в пользу России может отразиться на общем фоне контактов Москвы и Брюсселя. В работе исследуется нормативная база энергетической безопасности (Стратегия Энергетической безопасности Российской Федерации до 2030 г. и 2035 г.). Среди ключевых направлений энергетической безопасности можно отметить следующие: гарантия обеспеченности энергетической безопасности, удовлетворенность внутреннего энергетического спроса; рациональное природопользование; постепенный переход к ресурсосберегающей энергетике. При этом анализ внутренних рисков позволяет сделать выводы о значительном износе оборудования, резком сокращении объемов геологоразведочных работ, большой энергоемкости, снижении инвестиций в топливно-энергетический сектор. Россия демонстрирует долгосрочность планов как по расширению энергетических контактов, так и по углублению диалога в сфере энергетики. Исходя из указанных проблем и рисков, перспективы энергетической безопасности должны выстраиваться в соответствии с такими направлениями, как экономическая эффективность и политическая стабилизация.

Ключевые слова: энергетическая безопасность РФ, Энергетическая стратегия, «Северный поток-1», «Северный поток-2», «Турецкий поток»

Для цитирования: Бурганова И. Н. Политические и экономические риски энергетической безопасности в глобальном мире (на примере России) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 79–83. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-79-83>, EDN: OPYCHZ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Political and economic risks of energy security in the global world (On the example of Russia)

I. N. Burganova

Orenburg State Pedagogical University, 19 Sovetskaya St., Orenburg 460014, Russia

Inna N. Burganova, burganovain@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3634-1141>

Abstract. The article discusses the energy security of the Russian Federation in the context of aspects of national security. The transnational level of energy security is investigated, where global risks are taken into account. Attention is drawn to the unfriendly actions of actors who are unfriendly to the Russian Federation (on the example of the construction of the Nord Stream). Moreover, the blocking of certain sections of the Nord Stream is no longer correlated with economic expediency, the prevention of Moscow's hegemony in the energy sector by the EU. The article concludes about reputational, economic and economic losses for Russia after the explosions on the Nord Stream-1 and Nord Stream-2 in September 2022. There is also a threat to Russia's security from Turkey's dependence in the event of the full implementation of the Turkish Stream, which will play a key role in the supply of resources between the Russian Federation and the EU. A possible change in the political course of the Turkish authorities in favor of Russia may affect the general background of contacts between Moscow and Brussels. The paper examines the regulatory framework for energy security (the Energy Security Strategy of the Russian Federation until 2030 and 2035). Among the key areas of energy security, it can be noted: the guarantee of energy security, satisfaction of domestic energy demand; rational use of natural resources; gradual

transition to resource-saving energy. At the same time, the analysis of internal risks allows us to draw conclusions about significant equipment wear, a sharp reduction in the volume of geological exploration, high energy intensity, and a decrease in investments in the fuel and energy sector. Russia demonstrates long-term plans both to expand energy contacts and to deepen dialogue in the energy sector. Based on these problems and risks, the prospects for energy security should be built in accordance with such directions as: economic efficiency and political stabilization.

Keywords: energy security of the Russian Federation, Energy strategy, Nord stream-1, Nord stream-2, Turkish stream

For citation: Burganova I. N. Political and economic risks of energy security in the global world (On the example of Russia). *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 79–83 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-79-83>, EDN: OPYCHZ

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Энергетическая безопасность – это состояние защищенности страны, общества, населения от рисков дефицита в обеспечении их потребностей в энергии доступными энергетическими ресурсами от угроз нарушений бесперебойных поставок [1]. Вопросы безопасности государства на современном этапе приобретают особое звучание [2]. Классическое рассмотрение данного вопроса находится в плоскости угроз для государства в лице глобальных вызовов (терроризм, нелегальная миграция, наркотрафик и т.д.). Однако в настоящий момент многие национальные акторы обеспокоены внутренней безопасностью с учетом глобализации международного сообщества. Речь идет об энергетической безопасности на двух уровнях – внутригосударственном и мировом.

На внутригосударственном уровне страны, имеющие запасы нефти, газа и другие ресурсы, обладают достаточным потенциалом стабильности за счет продажи углеводородов. Доходы с их продажи идут на поддержание экономики, социальные проекты и пр.

На мировом уровне не все так однозначно. Страны-экспортеры заинтересованы в высокой цене на энергоресурсы. А государства, не имеющие таковых, стремятся к понижению цен на нефть, газ и пр. Дополнительно появляются другие «подводные камни», которые влияют на ценовую конъюнктуру на углеводороды (конфликты, локализованные в нефтяных регионах; санкционный механизм; стихийные бедствия и т.д.).

В то же время внутригосударственный и межгосударственный аспекты безопасности находятся в плоскости двух сфер: политики и экономики в их оптимальном соотношении. То есть в случае с Россией (как государством-экспортером нефти) оптимальное состояние безопасности складывается из следующего:

– продажи энергоресурсов по высокой цене при общем благоприятном уровне мировой ценовой конъюнктуры (экономическая сфера);

– отсутствия напряженности в районах, богатых нефтяными и газовыми ресурсами (политическая сфера);

– заинтересованности РФ в отказе странами ОПЕК от наращивания добычи нефти (экономика);

– благоприятных отношений с государственными акторами (странами) на международной арене в целях оптимизации диалога в энергетическом секторе (политико-экономическая сфера).

В этом смысле энергетическая безопасность предполагает коммунитарный механизм множества игроков в глобальном мире, который служит следующим целям:

1) сужает нагрузку для отдельного государства;

2) создает атмосферу безопасности;

3) координирует ценовую политику [3].

В то же время данный институт создает немало проблемных точек. Например, изменение ценовой конъюнктуры возможно только с согласия членов ОПЕК, достижение которого достаточно проблематично.

В целом энергетическая безопасность складывается из внешнего и внутреннего аспектов.

Немаловажными аспектами энергетической безопасности внутри государства являются общая ситуация в стране и отсутствие быстрого роста цен на бензин, газ на территории собственного государства. В случае резкого возрастания цен на энергоресурсы легитимность политической власти в стране может снижаться. Тем более, если государство занимает лидирующие позиции на рынке производства углеводородов.

На безопасность в энергетической сфере влияют как легальные, так и нелегальные игроки. Среди легального контента особое место занимают ТНК-гиганты данной отрасли, наиболее известные из которых – «Газпром», «Лукойл», «British Petroleum». Нелегальных акторов отличает не только другая целевая парадигма, но и практика их действий на мировой арене. К ним можно отнести террористические организации (ИГ, ДАИШ и пр.), задача которых состоит в дестабилизации ситуации в отдельных странах, что ведет к изменению ценовой конъюнктуры на энергоносители. Именно поэтому национальные государства предпринимают общие усилия по нивелированию этого глобального вызова.

Спектр энергетической безопасности проходит по нескольким уровням, которые необходимо учитывать при их выстраивании в любом государстве:

1. **Транснациональный уровень**, где необходимо учитывать глобальные риски. В частности, необходимо выработать данную концепцию с учетом прогноза глобалистов об истощении и окончательном исчезновении углеводородов [3]. Различные страны в этом случае готовы предложить разные стратегии дальнейших шагов. Одни готовы заниматься проектами, связанными со сланцевой нефтью, с одновременной закупкой обычной нефти (США); вторые – наоборот, увеличивают производство нефти, газа (Саудовская Аравия и пр.). Что касается России, то она диверсифицирует поставки энергоносителей в другие страны. К сожалению, рынок энергоресурсов находится в нестабильном состоянии [4]. Поэтому рассмотрение энергетической безопасности Российской Федерации в контексте разнообразных рисков является актуальным.

Дело в том, что Российская Федерация как ключевой игрок рынка энергоресурсов находится в зависимом положении от производства и продажи углеводородов, которые обеспечивают экономическую стабильность РФ (продажа той же нефти составляют львиную долю доходов в бюджет России).

Важно понимать, что в случае Российской Федерации необходимо учитывать неблагоприятные риски, связанные с недружественной позицией отдельных государств по отношению к Москве. Вообще избегание проблемных зон при строительстве газового потока находится в том числе и в политической плоскости. Блокирование отдельных участков «Северного потока» больше соотносится не с экономической целесообразностью, а, скорее, с политическими сложностями. Например, в случае с «Северным потоком» появились препятствия в виде предоставления третьим сторонам доступа к трубопроводам. Иными словами, это ведет к барьерам в реализации стратегии Россией в отношении транзитных маршрутов и означает, что ЕС ограничивает «Газпром» в использовании «Северным потоком» половиной его пропускной способности. Таким образом, другим компаниям предоставляется право по поставке газа по данному газопроводу в страны Европейского союза [5].

Политическое прочтение энергетического диалога можно найти во взаимодействии России с другими участниками международного сообщества. В 2014 г. Россия пошла на отмену «Южного потока» с последующей заменой этого проекта на «Турецкий поток». То есть поставки углеводородов на территорию Европы теперь должны проходить через Турцию. В

этом можно увидеть политическую волю Брюсселя в недопущении гегемонии Москвы в энергетическом секторе [6].

Резкое похолодание политических отношений России и Турции произошло в результате убийства российского летчика Олега Пешкова, а также российского посла Андрея Карлова. Однако в последнее время наблюдается положительная динамика в контактах Анкары и Москвы.

Сегодняшняя ситуация демонстрирует негативную динамику для Российской Федерации. Дело в том, что 26 сентября 2022 г. произошла утечка газа из-за взрывов на нитках «Северный поток-2», «Северный поток-1». В любом случае для РФ это однозначно скажется на следующих факторах:

- репутационные потери. Дело в том, что ответственность России завязана на бесперебойных поставках газа. Однако в данном случае об этом говорить сложно из-за разрушения ниток трубопровода;

- экономические потери, поскольку даже в случае успешного ремонта (некоторые эксперты полагают, что это невозможно) «Газпром» заплатит слишком большую цену. При этом «в июне 2015 г. председатель правления “Газпрома” Алексей Миллер в интервью Reuters оценивал предварительный бюджет “Северного потока-2” в 9,9 млрд евро. Бюджет проекта не менялся, объяснил “Ведомостям” представитель Nord Stream 2: капитальные затраты составят примерно 8 млрд евро, а сумма 9,9 млрд включает затраты на финансирование» [7];

- экологические потери. Содержание метана на месте взрывов превышает норму в тысячу раз, что грозит гибелью всему живому на сотни метров.

Энергетический рынок для РФ обладает «подводными камнями» и дополнительными рисками. Для безопасности России к таким угрозам можно отнести определенную зависимость от Турции в случае полной реализации «Турецкого потока», поскольку Анкара может использовать механизм давления на Россию. Речь идет о том, что Стамбул становится ключевым актором в энергетическом диалоге между РФ и Юго-Восточной Европой. Возможная смена политического курса турецких властей не в пользу России может отразиться на общем фоне контактов Москвы и Брюсселя.

Важнейшим аспектом национальной безопасности является содержательная часть ключевых документов, связанных с энергетической безопасностью. Таким документом в случае России является Энергетическая стратегия России на период до 2030 года [8].

Создание данной Стратегии связано со следующими причинами:

- 1) стремлением высокоэффективного использования природных ресурсов;
- 2) повышением роста экономики;
- 3) укреплением внешних экономических связей РФ с другими странами в энергетическом секторе.

Во многом Москва демонстрирует долгосрочность планов как по расширению энергетических контактов, так и по углублению диалога в сфере энергетики. Наглядным примером является диверсификация газовых поставок («Северный поток», «Турецкий поток»). В этом смысле Россия решает несколько задач. С одной стороны, развивает систему дружественных связей с остальными участниками международного сообщества. С другой – реализация диалога в одном сегменте (энергетическом) позволяет наладить отношения в других секторах. В условиях санкционного давления (которое действует на Россию после крымских событий, конфликта на Украине) создание пояса добрососедских отношений просто необходимо.

2. Национальный уровень. Обеспечение эффективной системой энергетической безопасности определяет безопасность государства и в других сферах: политической, социально-экономической и т.д.

Анализ Энергетической стратегии России на период до 2035 года позволяет сделать вывод, что она «работает» как на внутреннюю политику, так и на внешнюю [9].

На сегодняшний день внутренняя политика Российской Федерации нацелена на симметричность развития всех регионов. Поэтому реализация программ по освоению Дальнего Востока, Восточной Сибири, Ямала, континентального шельфа является важным моментом по развитию указанных территорий. Среди ключевых направлений энергетической безопасности можно отметить следующие: гарантия обеспеченности энергетической безопасности, удовлетворенность внутреннего энергетического спроса; рациональное природопользование; постепенный переход к ресурсосберегающей энергетике. При этом анализ внутренних рисков позволяет сделать выводы о значительном износе оборудования, резком сокращении объемов геологоразведочных работ, большой энергоемкости, снижении инвестиций в топливно-энергетический сектор. В Стратегии отмечается, что существует критическая зависимость российской энергетики от импорта технологий и оборудования.

Внешняя политика в энергетическом секторе осложнена несколькими обстоятельствами:

- 1) мировой конъюнктурой цен на нефть;
- 2) общей тенденцией перехода на новые виды топлива, более экологичные [10];

3) зависимостью энергетического сектора от других сфер общества. Создание неблагоприятного фона отношений различных акторов (государств) международного сообщества в сфере политики влечет за собой ухудшение диалога в энергетике. Это хорошо заметно в условиях постоянной дисгармонии взаимодействий США и РФ. Вашингтон требует от ближайших союзников сокращения возможных связей с Москвой. Реализация «Северного потока» между Германией и Россией носит волатильный характер;

4) наличие глобальных вызовов и угроз также выступает катализатором возможных колебаний цен на мировом рынке. Не секрет, что нацеленность Германии на российский энергетический рынок («Северный поток») была связана как со сложностями в надежности арабских поставок, так и с коллапсом в сфере атомной энергетики после «Фукусимы». Берлин заявил о закрытии всех атомных станций, что автоматически ведет к перспективе роста поставок углеводорода из других стран (например, России).

Исходя из указанных проблем и рисков, перспективы энергетической безопасности должны выстраиваться в соответствии с такими направлениями, как экономическая эффективность и политическая стабилизация [11]. Иначе говоря, в условиях глобальности мира нельзя обойтись без диверсификации газовых и нефтяных потоков, сотрудничества с государственными акторами по линии политического диалога и экономической целесообразности, нейтрализации глобальных вызовов и угроз, улучшения собственной топливно-энергетической системы. Только в такой связке обеспеченность эффективной безопасностью станет необходимым фактором стабилизации социально-экономического развития РФ.

Список литературы

1. Воронай Н. И., Сендеров С. М. Энергетическая безопасность: сущность, основные проблемы, методы и результаты исследований. URL: <https://ecfor.ru/wp-content/uploads/seminar/energo/z119.pdf> (дата обращения: 27.06.2022).
2. Smagulova D. S., Jangabulova A. K., Remi N. M., Zhanaliev A. Energy security as a legal category // Journal of Actual Problems of Jurisprudence. 2020. Vol. 94, № 2. P. 86–93. <https://doi.org/10.26577/JAPJ.2020.v94.i2.10>

3. *Diachkova, A. V., Kontoboitseva A. E.* National Energy Security: New Opportunities and Threats // *Business, Management and Law*. 2021. № 4 (52). P. 52–59.
4. *Мухін В. В., Письменна У. Э., Лапко О. О.* Структурні трансформації європейського ринку природного газу в контексті енергетичної безпеки // *Бизнес информ.* 2020. № 1 (504). С. 41–50. <https://doi.org/10.32983/2222-4459-2020-1-41-50>
5. *Хлопов О. А.* Стратегическое влияние газопровода «Северный поток» на сотрудничество России и ЕС в сфере энергетической безопасности // *Научный форум: Юриспруденция, история, социология, политология и философия* : сб. ст. по материалам XXIV междунар. науч.-практ. конф. № 11 (24). М. : Изд-во МЦНО, 2018. С. 6–13.
6. *Гянджумян В.* «Война газопроводов»: о некоторых геополитических последствиях проектов TANAP и «Турецкий поток» // *Центральная Азия и Кавказ*. 2015. Т. 18, № 3–4. С. 84–92.
7. «Газпром» назвал цену «Северного потока-2». URL: <https://www.vedomosti.ru/> (дата обращения: 14.10.2022).
8. Энергетическая стратегия России на период до 2030 года. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/1026> (дата обращения: 10.09.2022).
9. Энергетическая стратегия России на период до 2035 года. URL: <http://static.government.ru/media/files/w4sigFOiDjGVDYT4IgsApssm6mZRb7wx.pdf> (дата обращения: 17.09.2022).
10. *Sarma H. Ch.* International interdependence for energy security in present times // *Comparative Politics Russia*. 2020. Vol. 11, № 4. P. 61–77. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10049>
11. *Егина Н. А.* Энергетическая безопасность как стратегический приоритет национальной безопасности // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2022. Т. 18, № 10 (415). С. 1828–1856. <https://doi.org/10.24891/ni.18.10.1828>

Поступила в редакцию 08.11.2022; одобрена после рецензирования 20.11.2022; принята к публикации 25.11.2022
The article was submitted 08.11.2022; approved after reviewing 20.11.2022; accepted for publication 25.11.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 84–90

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 84–90

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-84-90>, EDN: OWWRMC

Научная статья

УДК 323:352.075.3(571.150)

Особенности продвижения молодых руководителей в рамках конкурсных процедур на должности глав муниципальных образований Алтайского края 2017–2020 гг.

А. В. Шарапов

Алтайский государственный университет, Россия, 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, д. 61

Шарапов Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, asharapov1981@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9869-3068>

Аннотация. В российской политической сфере наметилась четкая тенденция на омоложение федеральных и региональных руководителей. Доказано наукой и практикой, что молодежь инновационно мыслит, энергична и более замотивирована на результат. Сейчас на федеральном уровне преобладает корпоративный стиль в осуществлении государственной кадровой политики. Целью исследования является изучение процессов обновления руководителей органов местного самоуправления в Алтайском крае. Сбор эмпирических данных осуществлялся путем анализа результатов выборов глав муниципальных образований городского и районного уровней с помощью системы ГАС-выборы официального сайта Избирательной комиссии Алтайского края и анализа списков кандидатов на должность муниципального уровня на конкурсной основе. На 1 января 2022 г. Алтайский край насчитывает 708 муниципалитетов, из них 58 муниципальных районов, 10 городских округов, 7 городских поселений, 632 сельских поселения. Он занимает 4-е место по количеству территориальных образований в Российской Федерации. Для объективного выявления тенденций по процессу омоложения руководителей глав районных и городских муниципалитетов были изучены данные последних лет по назначению через конкурсную процедуру и пяти последних лет, когда проходили прямые выборы указанных должностей. К категории «молодой руководитель» относится гражданин Российской Федерации не старше 35 лет. В результате анализа сделан вывод о незначительном омоложении руководящего состава на местном уровне за последние четыре года. Алтайский край не затронула представленная федеральная тенденция. Основной причиной данной тенденции являются высокие требования к молодым соискателям.

Ключевые слова: прямые выборы, конкурсная модель, молодые руководители, технократы, модернизация

Для цитирования: Шарапов А. В. Особенности продвижения молодых руководителей в рамках конкурсных процедур на должности глав муниципальных образований Алтайского края 2017–2020 гг. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 84–90. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-84-90>, EDN: OWWRMC

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The participation of young executives in the procedure for competitive filling of the positions of municipalities heads in the Altai Territory 2017–2020

A. V. Sharapov

Altai State University, 61 pr. Lenina, Barnaul 656049, Russia

Alexey V. Sharapov, asharapov1981@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9869-3068>

Abstract. The Russian political sphere has witnessed a clear trend towards the rejuvenation of federal and regional heads. Science and practice have proven that young people have innovating thinking, are energetic and more motivated for results. Now at the federal level the corporate style in the implementation of the state personnel policy prevails. The aim of the research is to study the processes of updating executives at the local government level in the Altai Territory. Collection of empirical data by analyzing the results of elections of municipalities heads at the city and district levels using the State Automated System "Elections" (SAS-"Elections") of the official website of the Election Commission of the Altai Territory and analyzing the lists of candidates for the position of the municipal level on a competitive basis. As of January 1, 2022, the Altai Territory has 708 municipalities. Of these, 58 are municipal districts, 10 urban districts, 7 urban settlements, 632 rural settlements. It ranks 4th in terms of the number of territorial entities in the Russian Federation. In order to objectively reveal trends in the process of rejuvenation of heads of district and city municipalities, the attention was focused on the data of the recent years when municipalities heads were appointed through a competitive procedure and the last five years when direct elections for these positions took place. The category of a young leader includes a citizen of the Russian Federation not older than 35 years. The analysis revealed a slight rejuvenation of executive personnel at the local level over the past four years. The Altai Territory was not fully affected by the presented federal trend. The main reason for this trend is the high requirements for young applicants.

Keywords: direct elections, competitive model, young executives, technocrats, modernization

For citation: Sharapov A. V. The participation of young executives in the procedure for competitive filling of the positions of municipalities heads in the Altai Territory 2017–2020. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 84–90 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-84-90>, EDN: OWWRMC

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В последние четыре года в российской государственной кадровой политике произошли значительные изменения. Данный период ознаменовался широкомасштабными мерами по обновлению в сторону омоложения отечественной региональной элиты. Это осуществлялось двумя путями: во-первых, проведением конкурсов «Лидеры России» и рекомендацией победителей на руководящие должности в политической и экономической сферах, во-вторых, избранием руководителями регионов, политиков-технократов.

Внимание российской элиты к молодежи носит фундаментальный характер. Это связано с глобальными процессами, которые происходили в развитых странах мира в 2000-е гг., – переход от классического индустриального строя, где доминируют крупные предприятия с большим удельным весом рабочего класса, к креативной экономике, основанной на инновациях и людях, которые это создают. Жесткая экономическая конкуренция между разными территориями на земном шаре привела к созданию новых высокотехнологичных отраслей в экономике (ИТ, электроника и др.) и центров притяжения наиболее талантливых и креативных людей. Так, появился креативный класс – работники интеллектуального труда: преподаватели, ученые, бизнесмены-инноваторы, инженеры, представители творческих профессий и др. Доля креативной экономики и людей, с нею связанных, значительна. В США она составляет около 30% от общей экономики. По мнению Ричарда Флорида, молодежь вносит значительный вклад в создание инновационной экономики. У молодежи два преимущества: во-первых, она может работать дольше и больше, во-вторых, склонна к риску, особенно когда нет детей. Тем самым молодые способны достигать многого в современных условиях. [1, с. 315].

Представленное утверждение совпадает с мнениями отечественных авторов.

На современном этапе государством утвержден курс на модернизацию России. В. А. Луков считает, что именно в такой стране создается образ особого места инновационной молодежи в процессе осуществляемых преобразований. В данном процессе молодежь наиболее ценна за свои инновационные свойства. Таким образом, молодой человек находит свое место в окружающей среде при отсутствии не-

обходимых знаний с помощью создания нового знания. Это может выражаться в виде поступка, использования ранее известной идеи, придуманной технологии. Здесь проявляется креативность молодежи. Следующим этапом, по мнению автора, является качественный переход от новации к инновации, происходит разделение инновационного потенциала и инновационных возможностей молодежи. Именно на данном этапе создаются по-настоящему прорывные решения. Поэтому осуществление молодежной государственной политики носит первостепенное значение. На сегодняшний момент существует два подхода к реализации молодежной политики. Первый подход представляет молодежь как слабую, незащищенную категорию населения, которой нужна помощь и всесторонняя поддержка. Второй подход базируется на принципе создания условий для развития творческого, общественного, научного, предпринимательского потенциала молодежи. Выбор вектора развития молодежной политики полностью зависит от приоритета органов власти. Если власть выбирает путь поощрения нововведений, то практической формой реализации является широкое привлечение молодежи к социальному и культурному проектированию как способу ее самореализации [2].

С такой постановкой проблемы о роли молодежи в социуме согласен А. В. Шумилов. Он подчеркивает, что заинтересованность со стороны политических институтов молодежью как особой группой носит системный характер. Молодежь наделена высоким уровнем мобильности, интеллектуальной активности, инновационности и другими качествами, которые положительным образом выделяют их на фоне остальных слоев населения. При этом автор отмечает, что инновации могут носить как положительный, так и негативный характер. Во всем мире и в Российской Федерации в частности существует много причин, когда потенциально хорошие идеи не внедряются в качестве инноваций в общественно-политические отношения. Успех инноваций в значительной степени зависит от их количества и востребованности в конкретный временной период. Автор отмечает, что государственные институты менее инновационны, так как обладают незначительным горизонтом принятия решений. Таким образом, государство выполняет функцию стабилизато-

ра от чрезмерного количества изменений, которые не подтвердили свою полезность в процессе их практического применения [3].

В подтверждение системного интереса органов государственной власти к молодежи можно привести ряд примеров. Конкурс «Лидеры России» – это общероссийский конкурс, задачей которого является выявление и продвижение руководителей новой формации в возрасте до 55 лет. Конкурс проводится с 2017 г. и состоит из различных этапов в очной и дистанционной формах, в рамках которых соискатель показывает свои интеллектуальные, лидерские способности. Проводится ежегодно и охватывает значительную аудиторию участников. Победители получают грант на обучение по выбранному профилю и перспективы карьерного роста. Так, по итогам конкурса 2018 г. 45 человек получили должности в органах власти и бизнес-структурах. Например, Павел Сорокин был назначен заместителем министра энергетики РФ, Олег Салагай стал заместителем министра здравоохранения РФ, Илья Торосов утвержден в должности заместителя министра экономического развития РФ и т. д. [4].

За последние годы значительно изменился кадровый состав глав регионов. Появилась и активно внедряется корпоративная модель подготовки кадров для государственного управления, которая была перенесена из бизнес-сферы. Общие принципы можно проследить, анализируя кадровую политику ОАО «Сбербанк России» по отношению к топ-менеджерам. Она осуществляется по четырем основным направлениям (кадровая политика, корпоративная культура, коммуникации и ИТ-системы). Результативной практикой в развитии руководства Сбербанка является проведение широкомасштабных программ обучения. Сотрудники проходят предварительное тестирование, экзамен и при успешном прохождении предварительного этапа зачисляются в группы обучения.

Важным механизмом реализации модели корпоративных компетенций являлся ценностный подход в стратегии Сбербанка на 2014–2018 гг.

Несмотря на различные сферы деятельности, при сравнении целевых показателей обучения в Сбербанке и КРП глав регионов можно выявить общие элементы (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительный анализ компетенций для руководителей коммерческого и государственного секторов [5]

ОАО «Сбербанк России»	КРП глав регионов
Удержание клиентов, увеличение количества клиентов, улучшение качества сервиса, увеличение количества предлагаемых услуг	Доверие к власти
Развитие корпоративной культуры, профессиональное и личностное развитие сотрудников, формирование команды лидеров	Уровень образования
Использование новейших компьютерных технологий, обеспечение офисов и отделений всем необходимым для улучшения качества сервиса и скорости оказания услуг	«Цифровая зрелость» региональных органов власти
Увеличение прибыли	Темпы роста среднемесячной заработной платы; численность СМП и индивидуальных предпринимателей
Финансовая стабильность, устойчивые позиции на рынке финансовых услуг, дальнейшее развитие	Объем инвестиций в основной капитал

Такой подход к подготовке кадров привел к созданию значительного слоя губернаторов-технократов. Это руководители молодого и среднего возраста, как правило, до 50 лет, обладающие профессиональным опытом в определенной отрасли экономики (в качестве топ-менеджера, генерального директора) или государственной сфере. Не имеют опыта участия в публичной политике и не обладают значительным общественным весом или узнаваемостью.

С 2017–2021 гг. по программе развития кадрового управленческого резерва Высшей шко-

лы государственного управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации прошли обучение более 300 слушателей [6]. Администрация Президента России проводила предварительный отбор участников путем проведения обязательного тестирования и оценки управленческих компетенций. Далее проходит основная часть обучения продолжительностью девять месяцев. Обучение включает несколько модулей, посвященных мировым трендам и роли России в мире, менеджменту, цифровизации и государственному управлению [7].

В целом при сравнении модели ОАО «Сбербанк России» с программой развития кадрового управленческого резерва Высшей школы государственного управления, осуществляемой Российской академией народного хозяйства и государственной службы («Школа губернаторов») выявлены общие принципы отбора участников и формы обучения слушателей.

На современном этапе значительно изменился средний возраст губернаторов в сторону омоложения. Данную особенность обозначила А. С. Быстрова. В 2018 г. она проанализировала биографии 26 глав регионов, заступивших на свои посты, и 22 губернаторов, покинувших свои должности. По сравнению с группой покинувших свой пост губернаторов, число избранных молодых глав регионов в возрасте до 40 лет увеличилось в четыре раза, а в возрасте 41–50 лет составляет 50% от общего числа исследуемых руководителей [8].

Несмотря на активные попытки власти по омоложению руководителей регионального и федерального уровня, представленные факты показывают еще одну важную деталь. В российской науке и государственном управлении не сформировались четкие возрастные рамки такой демографической категории, как молодежь. В 1990–2000-е гг. не сформировалось однозначного определения понятия «молодежь». Для разных социальных категорий людей эта планка меняется. Например, в государственных программах молодая семья ограничивается возрастом 35 лет. Согласно Федеральному закону «О молодежной политике в Российской Федерации» молодежью являются социально-демографическая группа лиц в возрасте 14–35 лет, имеющие гражданство РФ [9, 10]. В рамках кадровых конкурсов, инициированных органами государственной власти, например «Лидеры России», возрастным барьером для молодого руководителя является 55 лет.

Данную коллизию отмечает И. С. Кон. Исходя из собственного инструментария, разные науки по-разному определяют хронологические рамки молодежи. Например, историки и социологи стоят на позиции 30 лет, связывают это с поколением. В то же время поколение – единица не столько статистическая, сколько культурно-символическая [11, с. 384].

На современном этапе для российской молодежи доступны различные способы самореализации в государственном секторе. Согласно законодательству, представители молодежи могут занимать муниципальные и государственные должности и быть избранными в представительные органы власти местного, регионального и федерального уровней [12, 13].

Целью нашего исследования стало изучение влияния федеральных трендов на обновление управленческого корпуса Алтайского края в лице глав муниципальных образований. Методы исследования – сбор эмпирических данных путем анализа результатов выборов в главы муниципальных образований городского и районного уровней с помощью системы ГАС-выборы официального сайта Избирательной комиссии Алтайского края и анализа списков кандидатов на должность глав муниципальных образований, проходящих отбор на конкурсной основе.

Представляется актуальным исследовать региональную практику омоложения руководителей муниципальных образований. На 1 января 2022 г. Алтайский край насчитывает 708 муниципалитетов, из них 58 муниципальных районов, 10 городских округов, 7 городских поселений, 632 сельских поселения [14]. Он занимает 4-е место по количеству муниципальных образований в Российской Федерации. Это приграничный регион (с Республикой Казахстан), дотационный, где доля дотаций из федерального бюджета превышает 10% от собственных доходов консолидированного бюджета субъекта РФ [15]. Следствием этого является естественная убыль и отток населения. На 1 января 2022 г. население уменьшилось на 28 174 чел. по сравнению с 1 января 2021 г. [16]. Одно из возможных решений сложившейся проблемы – обновление управленческого корпуса на муниципальном уровне, а конкретно обновление в плане увеличения количества глав муниципальных образований, относящихся к категории молодежи (18–35 лет). Молодые руководители по-новому смотрят на застарелые проблемы, используют другие формы коммуникации, способы решения и сохраняют высокую мотивацию.

Модели вступления в должность глав муниципальных образований в Российской Федерации в целом и в Алтайском крае в частности прошли множество этапов.

В 1991–1993 гг. главы муниципальных образований выбирались на всеобщих прямых выборах (кроме мэров региональных центров – они назначались указом Президента РФ Б. Н. Ельциным).

В настоящее время в соответствии с Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 № 131-ФЗ порядок избрания главы муниципального образования регламентируется законом субъекта Российской Федерации и закрепляется в уставе соответствующего муниципального образова-

ния. Данный Федеральный закон предусматривает три способа избрания: 1) населением на муниципальных выборах; 2) представительным органом муниципального образования из своего состава; 3) представительным органом муниципального образования из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией. В поселении, в котором полномочия представительного органа муниципального образования осуществляются сходом граждан, глава муниципального образования избирается на сходе граждан. Таким образом, должность главы муниципального образования является выборной независимо от способа избрания.

Законом Алтайского края «О порядке избрания глав муниципальных образований Алтайского края» установлены все три вышеуказанных способа избрания глав муниципальных образований.

Согласно уставам муниципальных образований Алтайского края на уровне глав муници-

пальных районов и городских округов утверждена конкурсная процедура избрания глав, а на уровне сельских поселений встречаются все три модели избрания.

Для объективного выявления тенденций по процессу омоложения руководителей муниципальных районов и городских округов были изучены данные последних лет по выбору глав через конкурсную процедуру и пять последних лет, когда проходили прямые выборы указанных должностей. Данные по кандидатам, принимавшим участие в конкурсах на должности глав, были получены в результате официального запроса в Департамент Администрации Губернатора и Правительства Алтайского края по вопросам внутренней политики. Информация о результатах выборов глав муниципальных образований получена в результате анализа системы ГАС-выборы официального сайта Избирательной комиссии Алтайского края (табл. 2, 3).

Таблица 2

Результаты избрания глав городских округов и муниципальных районов по конкурсу

Год проведения конкурса	Количество кандидатов	Количество молодых кандидатов до 35 лет	Вступившие в должность молодые главы
2017	120	9	1
2018	30	0	0
2019	33	4	0
2020	28	0	0

Таблица 3

Результаты избрания глав городских округов и муниципальных районов путем прямых выборов [17]

Год проведения выборов	Количество кандидатов	Количество молодых кандидатов до 35 лет	Избранные молодые главы
2008	229	11	1
2009	5	0	0
2010	28	5	0
2011	0	0	0
2012	4	0	0

Изучены нормативно-правовые основы обеих моделей избрания глав муниципальных образований. Так же как и на выборы, к участию в конкурсе на должность главы может быть допущен гражданин, который на день проведения конкурса не имеет в соответствии с Федеральным законом «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» ограничений

пассивного избирательного права для избрания выборным должностным лицом местного самоуправления.

Вместе с тем в ходе анализа нормативно-правовых основ проведения конкурсов по отбору кандидатур на должности глав городских округов и муниципальных районов Алтайского края (нормативные акты представительного органа муниципального образования, установ-

ливающие процедуры проведения конкурсов) конкурсная процедура определяет ограничения по возрасту претендента – 21 год (в выборах может принимать участие лицо, достигшее 18 лет). Также к кандидату, принимающему участие в конкурсе, предъявляются предпочтительные требования, например, к уровню профессионального образования, знаниям действующего законодательства, наличию навыков руководства, оперативного принятия и реализации управленческих решений, прогнозирования последствий принимаемых решений, организации работы по взаимодействию с государственными органами, органами местного самоуправления, иными муниципальными органами, организациями и гражданами, работы с документами и пр.

Таким образом, конкурсная процедура автоматически производит отбор кандидатов с более строгих профессиональных позиций, что не всегда можно реализовать путем всенародных выборов. Кроме того, способ избрания главы депутатским корпусом позволяет минимизировать организационные трудности, связанные с проведением избирательных кампаний, в том числе сократить время формирования органов местного самоуправления, так как избрание главы представительным органом осуществляется в более короткие сроки, чем муниципальные выборы.

В результате исследования данных о претендентах на руководящие муниципальные должности выявилось несколько закономерностей. Количество молодых кандидатов на должность главы городского округа и муниципального района не изменилось при переходе от выборной модели к избранию через конкурс: 13 молодых кандидатов – по конкурсу, 16 кандидатов – путем прямого волеизъявления граждан. В обоих случаях только один молодой человек стал главой муниципального образования. Такая незначительная результативность связана с особым патриархальным менталитетом, существующим в Алтайском крае, где жители предъявляют особые требования к кандидатам: большой жизненный и практический опыт, личный авторитет, руководящий опыт. Таким требованиям сложно соответствовать в молодом возрасте до 35 лет. Кроме того, жители и члены конкурсной комиссии осознают всю сложность работы в такой должности (ЖКХ, отопительный сезон, госзакупки, наполнение бюджета, реализация государственных полномочий и др.). Поэтому представители молодежи редко становятся победителями в конкурсах или в избирательной гонке. На представленном уровне местного

самоуправления обновление в форме омоложения руководящих кадров в Алтайском крае носит минимальный характер и кардинально не меняет конфигурацию местной элиты.

Таким образом, на уровне местного самоуправления не поощряются нововведения, проявляется консерватизм в кадровой политике.

Список литературы

1. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М. : Классика XXI век, 2007. 420 с.
2. Луков В. А., Луков С. В., Погорский Э. К. Инновационный потенциал новых поколений и молодежная политика на современном этапе развития общества // PolitBook. 2014. № 2. С. 6–19.
3. Шумилов А. В. Молодежная политика и молодежь в политическом процессе: инновации или консерватизм (в преддверии нового электорального цикла) // PolitBook. 2017. № 4. С. 138–148.
4. Новые назначения получили 45 участников конкурса «Лидеры России». URL: <https://tass.ru/politika/5021737> (дата обращения: 20.01.2022).
5. Стрелкова С. В. Комплексный подход к обучению менеджмента ОАО «Сбербанк России» в рамках HR-цикла организации с использованием модели управленческих компетенций и оценки индивидуального уровня развития // Развитие института резерва управленческих кадров в субъектах Российской Федерации как вызов времени и эффективный инструмент совершенствования государственной кадровой политики : сб. ст. Межрегион. науч.-практ. конф. (г. Самара, 9 октября 2014 г.). Самара : Самарский научный центр РАН, 2014. С. 238–243.
6. Более 300 управленцев со всей страны прошли «школу губернаторов» // Известия. URL: <https://iz.ru/1180137/2021-06-17/bolee-300-upravlentcev-so-vsei-strany-proshli-shkolu-gubernatorov> (дата обращения: 20.10.2022).
7. Что такое «Школа губернаторов» и как стать ее слушателем? // Regnum. URL: <https://regnum.ru/news/2741092.html> (дата обращения: 25.08.2022).
8. Быстрова А. С. Отставки и выборы 2018 г.: обновление губернаторского корпуса, бассейн рекрутирования и карьеры новых персонажей // Власть и элиты / гл. ред. А. В. Дука. Т. 5. СПб. : Интерсоцис, 2018. С. 331–359. <https://doi.org/10.3139/pe.2018.5Л2>
9. Шарапов А. В. Формы омоложения политической и государственной элиты РФ в 2000-е гг. // Society and Security Insights. 2019. Т. 2, № 1. С. 113–123. [https://doi.org/10.14258/ssi\(2019\)1-5164](https://doi.org/10.14258/ssi(2019)1-5164)
10. О молодежной политике в Российской Федерации : федер. закон от 30.12.2020 № 489. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Кон И. С. Молодежь // Философский энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1983. 840 с.

12. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : федер. закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (последняя редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Кодекс Алтайского края о выборах, референдуме, отзыве : закон Алтайского края от 08.07.2003 № 35-ЗС. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Управление Федеральной службы государственной статистики по Республике Алтай и Алтайскому краю. Перечень муниципальных образований. URL: <https://akstat.gks.ru/folder/33029> (дата обращения: 20.10.2022).
15. Об утверждении перечней субъектов Российской Федерации в соответствии с перечнями пункта 5 статьи 130 Бюджетного кодекса Российской Федерации : приказ Министерства финансов РФ №1032 от 15.11.2019. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
16. Управление федеральной службы государственной статистики по Республике Алтай и Алтайскому краю. Население. URL: <https://akstat.gks.ru/folder/33247> (дата обращения: 21.07.2022).
17. Избирательная комиссия Алтайского края. URL: <http://www.altai Terr.vybory.izbirkom.ru/region/altai Terr/> (дата обращения: 21.07.2022).

Поступила в редакцию 27.10.2022; одобрена после рецензирования 14.11.2022; принята к публикации 25.11.2022
The article was submitted 27.10.2022; approved after reviewing 14.11.2022; accepted for publication 25.11.2022

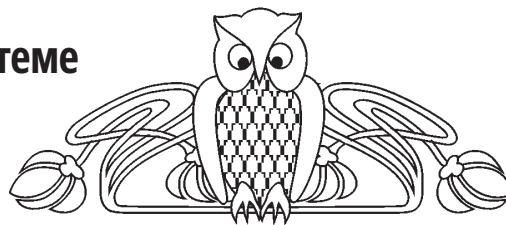

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 91–95
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 91–95
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-91-95>, EDN: MNGYFE

Научная статья
УДК 323;342.553

Местное самоуправление в единой системе органов публичной власти: предпосылки и перспективы

И. И. Кузнецов, А. С. Жаров ✉

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

Кузнецов Игорь Иванович, доктор политических наук, профессор кафедры истории и теории политики, politbum@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0274-8728>

Жаров Артем Сергеевич, соискатель кафедры истории и теории политики, msutema@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3632-3421>

Аннотация. Статья посвящена теоретическому осмыслению вопросов совершенствования и развития местного самоуправления в контексте трансформации статуса местного самоуправления в современной России, произошедшей в ходе принятия изменений и внесения дополнений в Конституцию Российской Федерации 2020 г. Принятые поправки явились результатом работы образованной по инициативе Президента России В. В. Путина рабочей группы по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию. Важным аспектом в отношении организации местной власти является факт включения органов местного самоуправления наряду с органами государственной власти в единую систему публичной власти. Данный процесс определенно повышает престиж муниципального уровня власти и более актуализирует вопрос финансового обеспечения и хозяйственной самостоятельности органов местного самоуправления, учитывая потенциальное расширение их полномочий и спектра возложенных на них задач. В то же время важным вопросом становится и то, как будет распределяться ответственность между органами государственной власти и органами местного самоуправления в единой системе органов публичной власти в ходе реализации ими своих функций, в частности, обеспечения ресурсами для нормального функционирования муниципалитетов и в части самостоятельности принятия решений органами местного самоуправления в интересах населения, проживающего на соответствующей территории. Процесс актуализации статуса органов местного самоуправления позволяет оптимизировать институциональную структуру и улучшить взаимоотношения элементов системы публичной власти. Теоретическое осмысление данных вопросов может оказаться значимым подспорьем в ходе практической реализации нормативных положений, закрепленных в обновленной Конституции Российской Федерации.

Ключевые слова: местное самоуправление, Конституция Российской Федерации, единая система публичной власти

Для цитирования: Кузнецов И. И., Жаров А. С. Местное самоуправление в единой системе органов публичной власти: предпосылки и перспективы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 91–95. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-91-95>, EDN: MNGYFE

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Local self-government within a unified system of public authorities: Prerequisites and prospects

I. I. Kuznetsov, A. S. Zharov ✉

Lomonosov Moscow State University, GSP-1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

Igor I. Kuznetsov, politbum@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0274-8728>

Artem S. Zharov, artemsea@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3632-3421>

Abstract. The article is devoted to the theoretical understanding of the issues of improvement and development of local self-government in the context of transformation of the local self-government status in modern Russia, which occurred during the adoption of amendments and additions to the Constitution of the Russian Federation in 2020. The adopted amendments were the result of the work of the working group formed by the initiative of the President of Russia V. V. Putin. A working group has been formed for the preparation of proposals for amendments to the Constitution. An important aspect regarding the organization of local authorities is the fact of inclusion of local self-government bodies along with state authorities in the unified system of public authority. This process definitely increases the prestige of the municipal level of government and makes the issue of financial support and economic independence of local governments more relevant, given the potential expansion of their powers and the range of tasks entrusted to them. At the same time, an important question is how responsibilities will be distributed between state authorities and local governments in a unified system of public authorities in the course of implementation of their functions, in particular, provision of resources for normal functioning of municipalities and in terms of autonomous decision-making of local governments in the interests

of the population living on the relevant territory. The process of actualization of the status of local government allows to optimize the institutional structure and improve the relations between the elements of the system of public authority. Theoretical understanding of these issues can be of great help in the practical implementation of the normative provisions enshrined in the updated Constitution of the Russian Federation.

Keywords: local self-government, the Constitution of the Russian Federation, a unified system of public authority

For citation: Kuznetsov I. I., Zharov A. S. Local self-government within a unified system of public authorities: Prerequisites and prospects. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 91–95 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-91-95>, EDN: MNGYFE

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В современной действительности важным аспектом политического развития России остается совершенствование института местного самоуправления. Процесс конструирования эффективной системы управления на местном уровне включает в себя деятельность социально-экономической, правовой, общественной и политической направленности, всесторонне охватывает сферы общественной жизни, развитие которых позволяет обеспечивать нормальное функционирование регионов и страны в целом. Двойственная природа института местного самоуправления интегрирует в себе общественное и государственное начала, наделяя, таким образом, местное самоуправление важной функцией посредничества между государством и обществом с целью поддержания баланса государственных и общественных интересов.

В ходе подготовки изменений в Конституцию Российской Федерации по поручению Президента В. В. Путина была создана рабочая группа, которая должна была заняться подготовкой предложений о внесении поправок в Основной закон [1]. В состав рабочей группы вошли более 70 человек, в числе которых были общественные деятели, законодатели, представители научного, культурного и спортивного сообществ. Рабочая группа была разделена на пять тематических подгрупп. Координаторами подгруппы «Вопросы единства публичной власти и местного самоуправления» были назначены С. М. Бебенин, председатель законодательного собрания Ленинградской области, и С. А. Белов, декан юридического факультета СПбГУ. В состав данной подгруппы вошли представители муниципалитетов, общественных организаций, научного сообщества, в частности, сотрудники МГУ имени М. В. Ломоносова: А. Ю. Шутов, декан факультета политологии; С. А. Авакян, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права юридического факультета; М. Н. Марченко, заведующий кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета и др. Профильная подгруппа по местному самоуправлению, обобщив все предложения, поступившие по данной тематике, предложила

конкретные формулировки поправок, которые в последующем являлись предметом рассмотрения на общем заседании рабочей группы.

Местное самоуправление является важным фактором развития демократического общества – «...это школа ответственности граждан. В то же время – это “профессионально-политическое училище”, которое формирует ключевые компетенции начинающего политика: способность договариваться с разными социальными и профессиональными группами, понятно доносить свои идеи до людей, защищать права и интересы своих избирателей. “Профессиональную закалку” политики и государственные администраторы должны получать именно в системе местного самоуправления» [2]. Это тот уровень власти, который непосредственно приближен к людям, направлен на обеспечение их благосостояния, адаптацию государственной политики на местах в контексте существующих политических и социально-экономических парадигм, на реализацию законодательства на местном уровне. Поэтому вопросы о роли местного самоуправления в системе властных отношений, соответствии конституционных принципов и законодательной базы местного самоуправления являются достаточно актуальными в свете его реформы.

Институт местного самоуправления в современной России, имея довольно богатую историю, доказал свою жизнеспособность и важность для общественной жизни, сумев сохраниться сквозь века, существуя в различных формах в позднимперском и советском периодах. Период его современного существования с начала 1990-х гг. вплоть до конституционной реформы 2020 г. может быть охарактеризован как период, на протяжении которого статус местного самоуправления оставался недостаточно определенным. В течение практически тридцати лет местное самоуправление презюмировалось как абсолютно независимое, существующее на внесударственной основе.

Так, подписание Федеративного договора [3, ст. II], в соответствии с которым установление общих принципов организации местного самоуправления находится в совместном ве-

дении федеральных и региональных органов власти, положило начало процессу обособления института местного самоуправления от государственного подчинения. После событий начала 1990-х гг. «края, области, автономные области, автономные округа, а также города федерального значения приобрели права на регулирование вопросов местного самоуправления в соответствии с федеральным законодательством. Республики в составе Российской Федерации получили право принимать законы и иные правовые акты по вопросам местного самоуправления» [4, с. 32].

Согласно Конституции Российской Федерации в России признается и гарантируется местное самоуправление, самостоятельное в пределах своих полномочий, а органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти [5, ст. 12]. Государственная власть функционирует на федеральном и региональном уровнях, а местное самоуправление выведено из системы государственной власти и действует на муниципальном уровне. Таким образом, муниципальный уровень власти, который ранее был подчинен и полностью зависел от центральных органов, должен был стать независимым политически и административно.

К моменту внесения изменений в Основной закон Российской Федерации актуальность поправок в отношении местного самоуправления была достаточно высока, а подчас, как не раз отмечалось, в том числе и членами рабочей группы по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию РФ, это было продиктовано жизненными обстоятельствами по вопросам, относящимся к сфере распространения компетенций органов местного самоуправления [6]. Следует также отметить, что важность и высокая степень актуальности изменений в отношении муниципалитетов обусловлена тем, что в их ведении находятся системообразующие сферы общественной жизни: здравоохранение, образование, культура и другие, от которых напрямую зависят уровень развития территориальных образований, потенциал региона, его благосостояние и процветание государства в целом.

Следует отметить, что, независимо от статуса и положения, для решения насущных задач, стоящих перед органами местного самоуправления, необходимо наличие финансовых ресурсов. И чем объемнее становится спектр задач, тем шире должен быть круг финансовых возможностей муниципалитетов.

Существующие проблемы в сфере местного самоуправления связаны в том числе и с

отделением института местного самоуправления от государственной власти настолько, что, с одной стороны, федеральная власть устанавливает структуру источников местных доходов, а с другой стороны, не несет ответственности за эффективность самоуправления на местах. В некоторых случаях органы местного самоуправления не имеют прочной экономической основы, а следовательно, финансовых возможностей для эффективного осуществления в полной мере возложенных на них полномочий.

Нарастающая финансово-экономическая дифференциация муниципальных бюджетов различных регионов, ведущая к увеличению разрыва между муниципалитетами с профицитными и дотационными местными бюджетами, и иные сопутствующие факторы с течением времени все более актуализировали осуществления изменений в сфере организации и совершенствования института местного самоуправления, играющего значительную роль в ходе политического развития России.

Обозначенная выше проблематика находила свое выражение в научных дискуссиях и обсуждениях с целью поиска наиболее оптимальных решений на практике, что в дальнейшем легло в основу изменений в Конституцию в части включения органов местного самоуправления в единую систему органов публичной власти. Так, отмечалось, что «принципы единой системы публичной власти положительно повлияют на дальнейшее развитие местного самоуправления... Принятие таких принципов даст возможность не только ответить на самый главный вопрос – что означает единая система публичной власти, но и наполнить это понятие конкретным содержанием в реальных условиях современной России» [7].

Одной из основных, на наш взгляд, задач, возложенных на единую систему органов публичной власти, является ее способность обеспечения продуктивного взаимодействия между муниципалитетами и органами государственной власти. Логично предположить, что включение местного самоуправления в единую систему органов публичной власти должно повлечь за собой расширение полномочий органов местного самоуправления. В то же время это не должно оказывать деструктивного воздействия на положение муниципалитетов в части относительной самостоятельности в вопросах принятия ими решений в рамках ранее вверенных им полномочий и компетенций, а процесс встраивания органов местного самоуправления в единую систему органов публичной власти, по сути в вертикаль, должен быть максимально выверенным.

Принятые изменения в Конституцию реализуют принцип тождественности функций государства и муниципального образования. То есть и государство, и муниципалитет осуществляют публичную власть, являясь ее составляющими, что находит отражение в ст. 132 Конституции, где провозглашается единство публичной власти, в которую входят органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также обязанность их взаимодействия в целях наиболее эффективного решения стоящих задач в интересах общества [5].

Закрепление в Конституции понятия публичной власти, одна из функций которой «связана с необходимостью не просто осуществлять социальную политику, а обеспечивать соблюдение социальных стандартов жизни большинства граждан на определенном уровне» [8, с. 47–48], и ее организационных основ является важной вехой на пути совершенствования института местного самоуправления. Принцип единой системы публичной власти, декларируемый во многих конституционных положениях, не позволяет государству отказаться от своей ответственности за то, насколько местное самоуправление способно решать возложенные на него задачи. В пользу этого говорит и отнесение организации публичной власти к ведению Российской Федерации.

В ст. 72 Конституции РФ о предметах совместного ведения Федерации и ее субъектов охвачены практически все стороны общественной жизни, в том числе защита прав и свобод человека, природопользование, общие вопросы воспитания, образования, координация вопросов здравоохранения и др. [5]. Как отмечает А. Чертков, «положения о единстве публичной власти создают потенциал для ее эффективной организации и осуществления на всех уровнях (федеральном, региональном, муниципальном) в интересах граждан. Более того, они задают новый тренд конституционного развития страны» [9]. Так, нормы обновленной Главы 8 Конституции предусматривают совершенствование института местного самоуправления в контексте его взаимодействия с органами государственной власти. Большое значение для реализации созидательного потенциала данных поправок имеет совершенствование законодательства и правоприменительная практика. Согласно обновленной ст. 131 Конституции именно федеральный закон является источником видов территориальной организации местного самоуправления, участия органов государственной власти в их формировании (п. 1), изменения границ территорий, в пределах которых оно осуществляется (п. 2), осо-

бенностей городского самоуправления (п. 3), а также федеральный закон является своего рода регулятором влияния государства на дела местного самоуправления [5]. Таким образом, федеральному закону отводится функция определения взаимодействия двух составляющих системы публичной власти, что, в свою очередь, требует проявления высокого уровня профессионализма и ответственности в решении вопросов, находящихся в ведении местного самоуправления.

Отдельное внимание следует уделить положению ст. 132 Конституции РФ, согласно которой перераспределение полномочий между государственной и местной властью может осуществляться на основании федерального или регионального законов, что актуализирует поиск обоюдовыгодного подхода к процессу передачи материальных и финансовых средств при перераспределении полномочий [5].

В свою очередь, ст. 133 Конституции РФ гарантирует местному самоуправлению право «на компенсацию дополнительных расходов, возникших в результате выполнения органами местного самоуправления во взаимодействии с органами государственной власти публичных функций» [5], что, в свою очередь, должно способствовать появлению практики ответственности муниципалитетов наряду с государством в ходе реализации совместных публичных функций.

Принятые изменения в Конституции РФ не меняют основной сути института местного самоуправления как структурной единицы публичной власти, наиболее приближенной к гражданскому обществу и сохраняющей самостоятельность в пределах своих полномочий.

Органы местного самоуправления не могут быть абсолютно дистанцированы от органов государственной власти, но в то же время, как указывалось ранее, они должны быть, в первую очередь, финансово самостоятельны для осуществления своих полномочий, при расширении которых не должно происходить дополнительного подчинения, а должна возрастать ответственность, возлагаемая на органы государственной власти. Закрепление в Конституции единой системы публичной власти создает определенную ответственность для государственных органов, состоящую в обеспечении органов местного самоуправления необходимыми ресурсами. В случае недостаточного обеспечения их таковыми возникшая проблема является сферой ответственности не только органов местного самоуправления, но и всей системы публичной власти, справедливого перераспределения или распределения ресурсов,

необходимых муниципалитетам для выполнения их функций и задач. Таким образом, органы государственной власти должны нести субсидиарную ответственность наряду с органами местного самоуправления по обеспечению ресурсами и эффективному функционированию муниципалитетов в интересах населения, проживающего на соответствующей территории. Так, логичной представляется регламентированная Федеральным законом от 06.10.2003 № 131-ФЗ возможность участия органов государственной власти и их должностных лиц в формировании органов местного самоуправления, назначении на должность и освобождении от должности должностных лиц местного самоуправления [10, ст. 34].

Таким образом, не теряя своей самостоятельности, местное самоуправление получает свое дальнейшее развитие, становясь частью публичной власти наряду с органами государственной власти, что в дальнейшем будет определять его практическое развитие в процессе взаимодействия разных уровней власти, повышая престиж муниципального уровня. Конституция, с принятыми изменениями, привела в соответствие отношения между органами государственной власти и органами местного самоуправления, дополнив правовую основу данных отношений.

Список литературы

1. Образована рабочая группа по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62589> (дата обращения: 17.06.2022).
2. Путин В. В. Демократия и качество государства // Коммерсант. 2012. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1866753> (дата обращения: 14.05.2022).
3. Федеративный договор от 31.03.1992 «Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации» (вместе с «Протоколом к Федеративному договору»). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Копотева И. В. Теоретические подходы к изучению реформы местного самоуправления в России // Крестьяноведение. 2017. Т. 2, № 4. С. 31–55. <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2017-2-4-31-55>
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398 ; 2020. № 11, ст. 1416.
6. Встреча с рабочей группой по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62776> (дата обращения: 29.05.2022).
7. Кавджарадзе М. Г. Полномочия местного самоуправления будут расширены и укреплены // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://council.gov.ru/services/discussions/blogs/132011/>(дата обращения: 12.06.2022).
8. Советов И. К. Публичная власть в России по Конституции 2020 года // Вестник Прикамского социального института. 2020. № 3 (87). С. 43–52.
9. Чертков А. Публичная власть в обновленной Конституции // Адвокатская газета. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/publicnaya-vlast-v-obnovlennoy-konstitutsii/>(дата обращения: 12.06.2022).
10. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 30.12.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Поступила в редакцию 08.11.2022; одобрена после рецензирования 20.11.2022; принята к публикации 25.11.2022
The article was submitted 08.11.2022; approved after reviewing 20.11.2022; accepted for publication 25.11.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 96–102

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 96–102

<https://soziopolit.sgu.ru>

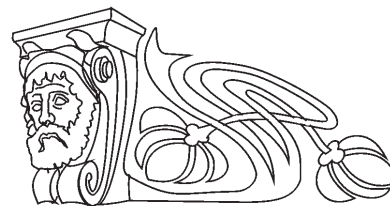
<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-96-102>, EDN: KBUSPD

Научная статья

УДК 325.14+316.776

Коммуникативное измерение государственной миграционной политики

А. А. Коробов

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Московская, д. 164

Коробов Андрей Александрович, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политических наук, aakorobov@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8786-8168>

Аннотация. Усложнение миграционной обстановки в мире, наблюдаемое в XXI в., обуславливает потребность в поиске оптимальных механизмов регулирования миграции населения как на глобальном, так и на национальном, региональном уровнях. Эти механизмы должны, во-первых, соответствовать нынешней неоднородной конфигурации международных миграционных потоков, непрерывной динамике миграционной ситуации, во-вторых, учитывать сетевой характер развития общественных отношений и, в-третьих, отвечать современным инновационным управленческим технологиям. В этом контексте существенно актуализируются вопросы, прямо или косвенно связанные с раскрытием коммуникативного аспекта миграционной политики – аспекта, позволяющего в современных условиях качественно производить оценку результативности решения государственных задач в миграционной сфере, выявлять проблемные зоны в процессе регулирования миграции населения, определять наиболее эффективные подходы и меры государственной миграционной политики. Цель настоящей статьи – произвести коммуникативное измерение современной государственной миграционной политики и раскрыть ее информационно-коммуникативную инфраструктуру. Методология исследования включает в себя структурно-функциональный анализ и метод моделирования. Миграционная политика интерпретируется как обособленная сфера деятельности ряда связанных друг с другом коммуникаторов по организации и контролю миграции населения в интересах государства. Основное внимание сосредоточено на коммуникативном пространстве государственной миграционной политики, которое представляется в формате двух моделей: «двухмерной горизонтальной» и «трехмерной вертикальной». Это позволило проанализировать влияние коммуникативных сетей на процесс регулирования миграции населения, показать специфику информационных взаимодействий между государственными органами управления миграцией, мигрантами и их объединениями, посредническими организациями. В результате исследования была определена роль формальных и неформальных коммуникаций в процессе государственного регулирования миграции населения, выявлены детерминирующие факторы коммуникативной структуры государственной миграционной политики.

Ключевые слова: коммуникативное пространство, коммуникативная сеть, информационное взаимодействие, государственная миграционная политика

Для цитирования: Коробов А. А. Коммуникативное измерение государственной миграционной политики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 96–102. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-96-102>, EDN: KBUSPD

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Communicative measurement of the state migration policy

A. A. Korobov

Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 164 Moskovskaya St., Saratov 410012, Russia

Andrey A. Korobov, aakorobov@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8786-8168>

Abstract. The complication of the migration situation in the world, observed in the 21st century, necessitates the search for optimal mechanisms for regulating population migration both at the global and national and regional levels. These mechanisms must, firstly, correspond to the current heterogeneous configuration of international migration flows, the continuous dynamics of the migration situation, secondly, take into account the network nature of the development of social relations, and, thirdly, comply with modern innovative management technologies. In this context, issues are significantly updated that are directly or indirectly related to the disclosure of the communicative aspect of migration policy, an aspect that allows in modern conditions to qualitatively assess the effectiveness of solving state problems in the migration sphere, identify problem areas in the process of regulating population migration, determine the most effective approaches and measures of state migration policy. The purpose of this article is to make a communicative dimension of the modern state migration policy and reveal its information and communicative infrastructure. The research methodology includes a structural and functional analysis and a modeling method. Migration policy is interpreted

as a separate sphere of activity of a number of interrelated communicators to organize and control population migration in the interests of the state. The main attention is focused on the communicative space of the state migration policy, which is presented in the format of two models: "two-dimensional horizontal" and "three-dimensional vertical". This made it possible to analyze the impact of communicative networks on the process of regulating migration of the population, to show the specifics of information interactions between state migration management bodies, migrants and their associations, and intermediary organizations. As a result of the study, the role of formal and informal communications in the process of state regulation of population migration was determined, and the determining factors of the communicative structure of the state migration policy were identified.

Keywords: communicative space, communicative network, information interaction, state migration policy

For citation: Korobov A. A. Communicative measurement of the state migration policy. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 96–102 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-96-102>, EDN: KBUSPD

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Коммуникативное измерение современной политики относится к категории познания и осмысления базовых процессов, ныне протекающих в обществе. Коммуникативная природа социально-политических отношений, административных реформ, государственного управления, общественных преобразований традиционно занимает обширную часть предметного поля современных политологических исследований. А внедрение в политическую практику информационно-коммуникативных технологий два десятилетия назад, повлекшее за собой коренную перестройку формата взаимодействия и общения политических акторов, еще больше расширило границы этого поля, определило новые векторы востребованных научных исследований.

Коммуникативное измерение политики – в широком смысле слова – предполагает последовательное «вскрытие» нескольких исследовательских пластов: природы политических интеракций, каналов и средств политической коммуникации (их эволюция и современное состояние), практик связи с общественностью (PR) и связи с правительством (GR), форм и способов политического участия граждан посредством телекоммуникационных технологий [1, с. 79], электронного государственного управления, цифрового правительства, государственной информационной политики и др. Отечественные и зарубежные исследователи подходят к анализу коммуникативной сущности политики достаточно многопланово [1–4]. Исследуют в таком ракурсе политическую власть (М. В. Синяев [5]), социальную политику государства (Т. А. Магеррамова [6]), протестную активность в социальных медиа (М. В. Милованова, Е. В. Терентьева [7], Л. Н. Ребрина [8], Н. Л. Шамне [9]). Отдельные научные работы раскрывают коммуникативное содержание современных мобилизационных практик [10–11], процесса социализации политических элит [12]. Наиболее «узким местом» данных исследований является выявление и раскрытие коммуникативных особенностей отраслевых политик:

образовательной, научно-технической, демографической, миграционной, государственной национальной политики и т.п.

В обстановке интенсификации международной миграции населения, наблюдаемой в современном мире, научное внимание привлекают к себе процессы регулирования многочисленных миграционных потоков, осуществляемые преимущественно органами государственной власти. Это обстоятельство актуализирует исследования коммуникативной природы и структуры государственной миграционной политики, обуславливает значимость обозначенной в настоящей статье проблемы. Выделим в системе государственного управления миграцией населения коммуникативное пространство в качестве объекта исследования и последовательно проанализируем его структуру и текущее состояние.

В общепринятом смысле коммуникативное пространство интерпретируется как среда, в которой протекает взаимодействие (прежде всего информационное) между людьми и их объединениями, группами людей, а государственная миграционная политика – как целенаправленная системная деятельность государства по регулированию эмиграционных и иммиграционных потоков населения. Следовательно, государственная миграционная политика состоит из следующих коммуницирующих друг с другом компонентов:

- служащих профильных министерств и ведомств (в современной России – это сотрудники Главного управления по вопросам миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации и его территориальных представительств, Пограничной службы ФСБ России, члены Правительственной комиссии по миграционной политике и т.п.);

- представителей международных межправительственных структур: Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев, Группы по проблемам глобальной миграции, Международной организации по миграции (ИОМ) и др.;

– потенциальных иммигрантов, проживающих за пределами принимающей страны (трудовых мигрантов и беженцев);

– иммигрантских когорт, переехавших в принимающую страну и осевших на определенной территории (в определенном населенном пункте);

– потенциальных эмигрантов – граждан государства, выезжающих за его пределы на определенное продолжительное время (сезонная, маятниковая миграция) или на постоянное место жительства;

– соотечественников, проживающих за рубежом, но поддерживающих тесные связи со страной своего выезда.

Помимо этих ключевых компонентов коммуникативного пространства государственной миграционной политики, имеются и своего рода дополнительные элементы, причем носящие как позитивный характер: многочисленные негосударственные общественные фонды и организации помощи беженцам, вынужденным переселенцам, трудовым мигрантам, правовые центры содействия получению гражданства (например, Организация помощи беженцам «Refugees International», Международный альянс «Трудовая миграция»); так и деструктивный характер: криминальные сообщества, организующие нелегальную миграцию населения.

Под таким углом зрения государственная миграционная политика представляет собой обособленную сферу деятельности взаимосвязанных друг с другом коммуникаторов по реализации определенных государственных интересов: организации и контролю миграционных перемещений людей. Причем, если государственные и «окологосударственные» частные коммуникаторы нацелены на реализацию государственных интересов в области миграции населения, то организаторы нелегальной миграции ведут информационную работу вразрез с государственными интересами, преследуя свои узкомеркантильные цели.

Коммуникативное пространство государственной миграционной политики можно рассматривать в двухмерной модели – тогда весь анализ будет сводиться к изучению влияния коммуникативных сетей на регулирование миграции населения; а можно – в трехмерной, что дополнительно позволит выделить в объекте настоящего исследования, помимо сетей, коммуникативный «базис» и «надстройку». Коммуникативный базис государственной миграционной политики в условиях современного информационного общества представляет собой совокупность горизонтальных социальных

интеракций между органами государственного управления миграцией населения и целевыми аудиториями, осуществляющихся через механизмы социальных медиа: форумов, блогов, чатов, социальных сетей, сайтов, различных мессенджеров. Надстройку над этим базисом образуют коммуникаторы – создающие, транслирующие, принимающие, обрабатывающие, накапливающие и обеспечивающие обратную отправку актуальной информации адресатам (целевым аудиториям), пребывающим в состоянии коммуникативного ожидания. И следуя такой логике исследования, выявим вначале общую специфику коммуникативного взаимодействия в рамках государственной миграционной политики, а затем разложим коммуникативные связи «по горизонтали» (коммуникативные сети) и «по вертикали» (базис – надстройка).

Характер коммуникативного взаимодействия в системе государственного управления миграцией населения определяется тремя группами факторов: во-первых, целями и задачами, стоящими перед государством в миграционной области; во-вторых, сферой интересов и активностью иммигрантов/эмигрантов; в-третьих, техническими программно-аппаратными и сетевыми возможностями каналов коммуникации и информационных ресурсов.

Цели и задачи, стоящие перед государством в иммиграционной области, выкристаллизуются в создании конкретного иммиграционного режима. В мировой практике можно выделить следующие основные режимы:

– режим изоляции от международных миграционных потоков – государство не допускает никаких иммигрантов на свою территорию;

– режим сегрегации – государство устанавливает места проживания и конкретные виды экономической деятельности для иммигрантов;

– режим селекции – государство определяет уровень потребности в иммигрантах (их количество и качество);

– режим ассимиляции – деятельность принимающего государства направлена на утрату национальной идентичности иммигрантов и замещение ее национально-культурной идентичностью принимающего общества;

– режим интеграции – органы государственной власти реализуют и контролируют процесс «вхождения» иммигрантов в принимающее их общество, процесс адаптации и приживаемости иммигрантов среди коренного населения и/или старожилов;

– режим мультикультурализма – государственная деятельность направлена на сохранение национальной, религиозной, культурной идентичности иммигрантов [13, с. 146].

И в зависимости от установленного режима органами власти формируются соответствующий контент и форма информационного взаимодействия с мигрантами: в первом случае взаимоотношения сводятся к минимуму или вовсе отсутствуют; при остальных пяти иммиграционных режимах государственная власть систематически доводит всю необходимую информацию до потенциальных мигрантов. Технически это осуществляется через размещение необходимой информации на официальных интернет-ресурсах органов, регулирующих и контролирующих миграционные потоки, МИДа и/или на сайтах зарубежных дипломатических представительств принимающего государства (посольства, консульства). Затем данная политико-правовая информация копируется негосударственными общественными и коммерческими организациями, также вовлеченными в миграционный процесс, и дальше распространяется по разнообразным неофициальным коммуникативным каналам.

Если государственные интересы влияют в большей степени на содержательную сторону информационного взаимодействия акторов в процессе управления миграцией населения, то особенность поведения, активность и намерения самих мигрантов оказывают воздействие в первую очередь на внешнюю форму каналов коммуникации. Иммигрировавшие и еще только готовящиеся к переезду люди создают виртуальные сообщества, где обмениваются полезной информацией, оказывают друг другу консультативную помощь, дают советы и рекомендации, делятся личным опытом переезда и адаптации на новом месте. Виртуальные сообщества мигрантов можно встретить и в социальных сетях, и в мессенджерах, и на различных интернет-форумах. При этом с государственными органами управления миграцией населения эти виртуальные сообщества выстраивают либо прямую связь, либо опосредованную – через посредников в лице правовых НКО, коммерческих правовых центров, общественных организаций национальных диаспор. На первый взгляд, вариант прямой связи с представителями органов власти наиболее предпочтителен, поскольку мигранты всегда стремятся получить точную информацию из первоисточника во избежание возможного ее искажения. Но такой канал коммуникации часто дает сбой в работе, особенно в плане онлайн-общения. И тогда в качестве приемника/передатчика (элемента обратной связи) коммуникативного канала выступает посредник.

Говоря о третьей группе факторов, отметим, что технологические возможности каналов

коммуникации и информационных ресурсов в современных условиях имеют устойчивую тенденцию к непрерывному поступательному развитию. Помимо специализированных социальных сетей, блогов, интернет-форумов и веб-сайтов, таких как, например, «Migrantweb» (социальная сеть для мигрантов – мультиязычное онлайн-сообщество), массовое распространение получили приложения Telegram, WhatsApp, Viber (за рубежом большой популярностью пользуются также WeChat, Snapchat, Discord, Line и др.). Но далеко не все из них пригодны для формирования виртуальных сообществ/групп мигрантов, для распространения и аккумуляции правовой и иной социально-значимой информации. Кроме того, как показывает практика, каждый возрастной уровень населения отдает свое предпочтение тому или иному мессенджеру или социальной сети. Следовательно, в зависимости от государственной потребности в возрастной структуре мигрантов целесообразно в процессе выстраивания общения использовать конкретный вид интернет-приложения для обмена мгновенными сообщениями.

Опираясь на вышесказанное, проанализируем теперь влияние коммуникативных сетей (горизонтальная двухмерная модель коммуникационного пространства) на формирование миграционных потоков и в целом на процесс регулирования миграции населения. В современной мировой практике можно выделить два основных вида таких сетей: детерминированную – целенаправленно созданную государственными органами управления миграцией и жестко контролируруемую ими же; и стохастическую – спонтанно возникающую по инициативе мигрантского сообщества, национальных диаспор и разнообразных коммерческих посредников при опосредованном участии органов власти. Конфигурация детерминированной коммуникативной сети определяется стоящими перед государством задачами в миграционной сфере. Меняются задачи – меняется и сеть. От нее отключаются одни информационные ресурсы, как правило, потерявшие свою актуальность, и включаются другие, более перспективные. Все эти изменения являются прямым следствием процессов, протекающих в системе государственного управления, или следствием динамики миграционной ситуации. Стохастическая коммуникативная сеть зависит от множества не связанных друг с другом факторов, которые в своей совокупности и задают ее случайную конфигурацию. Она может отвечать государственным интересам полностью, частично или вовсе им противоречить, и все это – абсолютно спонтанно. Одна конкретная

информация может дублироваться на множестве ресурсов, распространяться по социальным сетям, а другая, даже более важная, чем первая, – быть размещена на одном лишь мало-посещаемом сайте/портале. Отсюда следует важное логическое заключение – детерминированная сеть более предпочтительна для управления миграционными процессами в интересах государства.

Формирование любого миграционного потока происходит в силу желания людей сменить место жительства, наличия возможностей для переезда и владения ими информацией об условиях жизни в том или ином регионе мира. Качество коммуникативной сети, охватывающей потенциальных мигрантов, органы государственной власти, независимые фонды помощи и даже криминальные сообщества, влияет на механизм получения людьми востребованной политико-правовой информации и, соответственно, на принятие ими решения о направлении переезда. Следовательно, между функционированием коммуникативной сети и формированием миграционного потока есть прямая корреляция, явная причинно-следственная связь.

В современной коммуникативной сети государственной миграционной политики можно выделить две автономные области: первая – межведомственное электронное взаимодействие, вторая – информационное взаимодействие органов власти с мигрантами и их объединениями. Межведомственное электронное взаимодействие осуществляется в рамках функционирования электронного правительства и представляет собой обмен данными о численности, возрасте, образовании/специальности, социальном статусе, стране выхода и т.п. приезжающих, о цели и сроках пребывания (ПМЖ, учеба, лечение, туризм/отдых, сезонная работа, получение убежища) между профильными государственными учреждениями. Может быть создана единая база данных иммигрантов, доступ к которой получают все или отдельные вовлеченные в процесс управления миграцией населения органы власти. Практически во всех государствах мира ведется реестр мигрантов, ранее нарушивших режим пребывания на территории принимающей страны, депортированных, совершивших преступление, имеющих судебное решение о запрете на въезд в страну на определенный срок, признанных террористами и т.п. Доступ к этому реестру имеют в первую очередь силовые структуры, отвечающие за общественную и национальную безопасность. Вторая автономная область сетевого взаимодействия

«органы власти – мигранты» представляет собой двухсторонний поток информации, организованный частично посредством электронного правительства (через функциональный модуль G2C: «правительство гражданам» [14, с. 123]), а частично – иных официальных информационных ресурсов. Встречные потоки информации являются неравнозначными: более объемные и интенсивные идут от правительственных органов к целевым аудиториям мигрирующего населения (это и понятно – государство использует современные коммуникации для решения собственных задач в миграционной сфере), менее интенсивные – в обратном направлении. Здесь ключевым моментом выступает так называемое коммуникативное равенство – состояние процесса обмена сообщениями, при котором отправители и получатели информационных сообщений реализуют принцип «диалог на равных». Естественно, речь идет лишь о формальном равенстве, но эффективность функционирования коммуникативной сети зависит напрямую от этого состояния.

В трехмерной модели «базис – надстройка» коммуникативного пространства государственной миграционной политики «базис» задает общий тон регулированию миграционных процессов, указывает критически важные точки, обозначает некие «красные линии» и границы дозволенного для мигрантского сообщества, а дальше предоставляет свободу информационных действий институтам «надстройки». И, как показывает практика, все последние годы инициатива установления и развития коммуникаций планомерно переходит от государственных учреждений, регулирующих миграцию населения, к «надстроечным» коммуникаторам: автономным или полностью независимым информационным ресурсам, выстраивающим с потенциальными мигрантами систему горизонтальных интеракций. В качестве примеров можно привести ресурс «МигрантМедиа: последние миграционные новости РФ 2022 – новости миграции и МВД для иностранных граждан и работодателей, полезная информация для мигрантов, работодателей и иностранцев в России», имеющий свой web-сайт (<https://migrantmedia.ru>), аккаунт в социальной сети «ВКонтакте», в приложении Telegram; сайты и мобильные приложения: «M-HELP. Мобильное приложение для мигрантов» (online консультация врача, юриста, социального работника), частные и публичные Telegram-каналы/группы: «Миграция в Россию», «Успешная миграция в Австралию с Юлией Моисеевой», «australia_migration_agent», «Миграция в Индонезию», «Им-

миграция в США. Америка в деталях» (переезд в США по программам талантливых людей EB-1 А, EB-2 NIW и политическому убежищу), «США Мексика Миграция», «Миграция в другие страны. Советы», «Бразилия иммиграция – виза чат» и др. В ряде случаев органы власти целенаправленно передают часть своих функций негосударственным информационным ресурсам для более оперативной интерактивной работы с мигрантами – строго в рамках решения государственных задач.

Вышеприведенный анализ коммуникативного аспекта государственной миграционной политики, осуществленный путем моделирования коммуникативной сети, «базиса» и «надстройки», дает развернутое представление о конструкции, внешней форме и отчасти внутреннем содержании исследуемого объекта. Следующий важный вопрос касается роли неформальных коммуникаций в государственной миграционной политике. Неформальные коммуникации – это слухи, сплетни, частные мнения/суждения, мифы, укоренившиеся в народе [15, с. 207], существенно влияющие на мировосприятие населения и его поведение. Неформальные коммуникации неподконтрольны официальным органам власти, контролю поддаются лишь телекоммуникационные каналы передачи, распространения «сомнительной» информации, и то не полностью. В зависимости от доверия тем или иным неформальным коммуникациям мигранты руководствуются соответствующей информацией при принятии решений. При этом степень доверия к слухам и частным мнениям во многом определяется доверием к самому каналу распространения информации. Когда информационный ресурс (сайт, блог, ..., Telegram-канал) заслуживает определенного доверия, то и большинство информационных сообщений, поступающих через него, воспринимаются как правдоподобные, истинные; на них можно основываться при выборе направления и маршрута миграции.

Если проанализировать результативность функционирования формальных и неформальных коммуникаций в процессе регулирования миграции населения, то картина складывается следующая. При обычных условиях формальные коммуникации более эффективны для управления миграционными потоками. Однако возможна ситуация, когда более эффективными становятся неформальные коммуникации – в целом ряде случаев люди склонны больше верить независимым негосударственным (частным) экспертам и принимать решение о своем переезде на основе их мнения.

Отсюда следует, что уровень доверия к конкретным коммуникативным каналам играет решающую роль в развитии коммуникативного пространства миграционной политики. И в рамках реализации этой политики органы власти вынуждены управлять этим уровнем доверия – непрерывно поддерживать собственные информационно-коммуникативные ресурсы на высоком качественном уровне и в плане содержания, и в плане их функциональности, а доступ к каналам неформальных коммуникаций несколько ограничивать. В то же время, если органы государственной власти гипертрофированно подходят к значимости информационного взаимодействия с мигрантами, возникает эффект «мифологизации коммуникации», описанный профессором Н. И. Шестовым в 2017 г. [16], когда на передний план выходит не регулирующая и контролирующая миграционные потоки функция государства, а демонстративная, показная. Это существенно снижает роль всех коммуникаций в процессе государственного управления миграцией населения; чего имеет смысл всячески избегать.

Подводя итог произведенного коммуникативного измерения государственной миграционной политики, отметим следующее.

1. В процесс формирования и развития коммуникативного пространства миграционной политики вносят вклад одновременно и представители государственных органов управления миграцией, и мигрирующее население, и разного рода посреднические организации.

2. Коммуникативная подсистема непрерывно находится в состоянии инфраструктурного изменения под давлением внутренних потребностей и возможностей государства и внешних факторов: миграционной обстановки, уровня развития информационно-сетевых технологий. И на каждом временном отрезке конфигурация коммуникативного пространства государственной миграционной политики представляет собой суммарный результат всех этих воздействий.

3. Активно интегрирующиеся в виртуальной среде мигранты способны создать дисбаланс в структуре коммуникативного пространства государственной миграционной политики, перевести его из разряда централизованного в децентрализованный. Это повышает вероятность сбоев в работе коммуникаций органов управления миграцией и ставит перед государством задачу по разработке и внедрению противовеса – масштабной сети автономных коммуникаторов, способных информационно взаимодействовать с мигрантами наравне с государством.

Список литературы

1. Антанович Н. А. Коммуникативное измерение современной политики: блоги и форумы // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 3. Гісторыя. Эканоміка. Права. 2014. № 1. С. 79–82.
2. Грачев М. Н. Политика: коммуникационное измерение. Тула : Изд-во Тульского гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2011. 172 с.
3. Politics as Text and Talk: Analytic approaches to political discourse / ed. by P. Chilton, Ch. Schäffner. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2002. 246 p.
4. McNair B. An introduction to political communication. 3rd ed. London : Routledge. 2003. 272 p.
5. Синяев М. В. Политическая власть в коммуникативном измерении : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2002. 16 с.
6. Магеррамова Т. А. Коммуникативно-информационные основы социальной политики государства : дис. ... канд. полит. наук. М., 2008. 163 с.
7. Милованова М. В., Терентьева Е. В. Русскоязычные политические блоги как актуальная практика протестной коммуникации: системно-коммуникативные измерения // Научный диалог. 2020. № 6. С. 101–116. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-20206-101-116>
8. Ребрина Л. Н., Терентьева Е. В. Русскоязычные онлайн-петиции как актуальная практика протестной коммуникации: системно-коммуникативные измерения // Современные исследования социальных проблем. 2020. Т. 12, № 4. С. 246–264. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2020-4-246-264>
9. Ребрина Л. Н., Шамне Н. Л. Системно-коммуникативные измерения современного протеста (на материале немецкоязычных онлайн-петиций) // Научный диалог. 2020. № 3. С. 151–167. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-3-151-167>
10. Ребрина Л. Н., Милованова М. В. Системно-коммуникативные характеристики практик мобилизации в сообществах социальных сетей России: предметное измерение // Современные исследования социальных проблем. 2021. Т. 13, № 3. С. 180–199. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2021-13-3-180-199>
11. Ребрина Л. Н., Шамне Н. Л. Проблематизация социальной реальности в коммуникативных практиках конфликтной мобилизации в сообществах социальных сетей Германии // Научный диалог. 2021. № 8. С. 73–86. <https://doi.org/10.24224/2227-12952021-8-73-86>
12. Завершинский К. Ф. «Поколения элит» vs «элита поколений»: коммуникативные измерения социализации политических элит // Власть и элиты. 2021. Т. 8, № 1. С. 123–147. <https://doi.org/10.31119/re.2021.8.1.5>
13. Силантьева В. А. Концепция государственной миграционной политики РФ: содержание и реализация // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2020. № 4. С. 146–151.
14. Цаплин А. Ю. «Электронное правительство»: основные трактовки понятия и функциональности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология. 2007. Т. 7, вып. 2. С. 121–126.
15. Щенникова О. Н. Неформальная коммуникация в политике // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4–1 (60). С. 207–208.
16. Шестов Н. И. Миф «коммуникации» в современных политических процессах // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 70–74. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2017-17-1-70-74>

Поступила в редакцию 27.10.2022; одобрена после рецензирования 14.11.2022; принята к публикации 25.11.2022
The article was submitted 27.10.2022; approved after reviewing 14.11.2022; accepted for publication 25.11.2022

СЛОВО МОЛОДЫМ ПОЛИТОЛОГАМ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 103–109

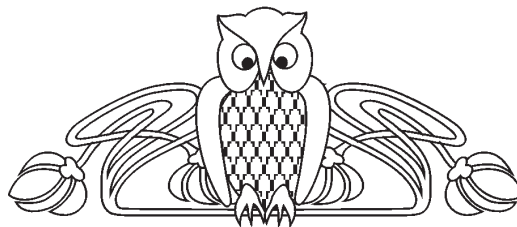
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 103–109

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-103-109>, EDN: IQLEDM

Научная статья
УДК 329

Левые партии в современном политическом процессе Европы

М. С. Трушин

Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, Россия, 430005, г. Саранск, ул. Л. Толстого, д. 3

Трушин Михаил Сергеевич, аспирант отдела региональных исследований и этнологии, mtruman84@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0684-2818>

Аннотация. В статье исследуется роль левых партий Европы в политике своих стран и Евросоюза. Рассматриваются основные виды европейских левых партий, их программные цели и электорат. Современные левые европейские партии по идеологической направленности в большинстве своем являются представителями социал-демократов, «Зеленых», демократических социалистов и коммунистов, что примерно соответствует существующим в Европарламенте левым партийным коалициям, за исключением коммунистов марксистско-ленинского типа, популярных в основном за пределами Европейского союза. На основе анализа успехов и поражений на выборах в разных странах рассматриваются причины популярности или непопулярности левых партий и их конкретных видов среди отдельных категорий электората с учетом их возраста или принадлежности к определенной социальной группе, а также их региональной принадлежности. Отмечается, что социал-демократы наибольшей популярностью пользуются в Западной Европе, «Зеленые» – в Северной и Центральной, а демократические социалисты – в Южной Европе. В свою очередь, в Восточной Европе левые партии продолжают ассоциироваться с коммунистическими. Эти региональные политические предпочтения левого электората во многом отражают различия в восприятии левых идей жителями разных регионов Европы. В связи с этим в исследовании подчеркивается и различная роль левых партий в политическом процессе разных регионов, будь то продвижение глобалистских идей «Зелеными» в Западной и Центральной Европе, или реакция на экономические кризисы в Южной Европе демократическими социалистами. Также отмечается и заимствование элементов программ левых партий друг у друга с целью сохранения электората. Толчком к этому процессу являются, как правило, различные политические и экономические кризисы, когда неспособность левых партий, занимающих правящее положение, справиться с ситуацией вынуждает их перейти на качественно новые идеологические позиции, что и показано в статье на примере радикализации социал-демократов в Западной Европе или социал-демократизации коммунистов Восточной Европы после поражения в холодной войне.

Ключевые слова: Европа, социализм, «Зеленые», выборы, коммунизм, политические партии, общественное мнение

Для цитирования: Трушин М. С. Левые партии в современном политическом процессе Европы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 103–109. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-103-109>, EDN: IQLEDM

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Left parties in the modern political process in Europe

M. S. Trushin

Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia, 3 L. Tolstoy St., Saransk 430005, Russia

Mikhail S. Trushin, mtruman84@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0684-2818>

Abstract. The article examines the role of European left parties in the politics of their countries and the European Union. The author of the article examines the main types of European left parties, their program goals and the electorate. Modern left-wing European parties in terms of ideological orientation are mostly representatives of social democrats, the Greens, democratic socialists and communists, which roughly corresponds to the left-wing party coalitions existing in the European Parliament, with the exception of communists of the Marxist-Leninist type popular mainly outside the EU. Based on the analysis of successes and defeats in elections in different countries, the author examines the reasons for the popularity or unpopularity of left-wing parties and their specific types among certain categories of the electorate, taking into account their age or membership in a particular social group, as well as their regional affiliation. It is noted that the Social Democrats are most popular in Western Europe, the Greens in Northern and Central Europe, and the Democratic Socialists in Southern Europe. In turn, in Eastern Europe, left-wing par-

ties continue to be associated with communist ones. These regional political preferences of the leftist electorate largely reflect the differences in the perception of leftist ideas among residents of different regions of Europe. In this regard, the author also emphasizes different role of the left parties in the political process of different regions, whether it is the promotion of globalist ideas by the Greens in Western and Central Europe, or the reaction to economic crises in Southern Europe by democratic socialists. The author also notes the borrowing of elements of the programs of the left parties from each other in order to preserve the electorate. The impetus for this process, as a rule, is various political and economic crises, when the inability of the left parties in the ruling position to cope with the situation forces them to move to qualitatively new ideological positions, which the author of the article shows by the example of the radicalization of the Social Democrats in Western Europe or the socialist democratization of communists in Eastern Europe after the defeat in the Cold War.

Keywords: Europe, socialism, «Greens», elections, communism, political parties, public opinion

For citation: Trushin M. S. Left parties in the modern political process in Europe. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 103–109 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-103-109>, EDN: IQLEDM

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Спад популярности левых партий, в первую очередь марксистско-ленинской направленности, оказавшихся в идеологическом тупике после поражения Советского Союза в холодной войне, не отразился на их популярности и востребованности в целом. В Западной и Южной Европе еще с середины XX в. альтернативные марксизму-ленинизму различные левые партии, прежде всего социал-демократические, заняли твердые позиции на политическом рынке своих стран. Сегодня эти партии, а также их общеевропейские фракции в Европарламенте и других органах Евросоюза задают современную повестку дня, будь то решение проблемы беженцев или борьба с изменением климата, что отражается на политике не только стран-членов ЕС, но и всего европейского континента. Поэтому для понимания политической ситуации в Европе актуальны вопросы роли левых партий в политике своих стран и ЕС, а также причин популярности или непопулярности социалистических идей среди жителей Европы.

Для начала рассмотрим представительство различных левых партий в европейских государствах. Из 48 общепризнанных государств, относящих себя к Европе (46 стран, входящих в Совет Европы, плюс Россия и Белоруссия, географически и культурно относящиеся к этому региону), на начало июня 2022 г. лишь 10 возглавляют социалистические партии. Среди них: Мальта, Испания, Португалия, Германия, Дания, Швеция, Финляндия, Норвегия, Албания и Северная Македония. Кроме того, социалистические партии входят в правящие коалиции в Болгарии, Италии и Сербии. Стоит отметить, что с 2014 г. социалисты потеряли правящее положение в Австрии, Бельгии, Греции, Румынии, Молдавии, Чехии, Черногории и во Франции, где они не только потеряли большинство в Национальном собрании, но и президентский пост. С другой стороны, с 2014 г. социалистическим партиям удалось прийти к власти в Норвегии и Германии. Важно обратить внимание на то, что социалисты сегодня наи-

более популярны в странах Северо-Западной и Южной Европы, а свои позиции они потеряли в основном в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

Также левые силы представлены в наднациональных органах Европы. В нынешнем 9-м созыве Европарламента они представлены Партией европейских социалистов (ПЕС) или «Прогрессивным альянсом социалистов и демократов» – вторая по численности коалиция с 20,5% мест в Европарламенте, представлена социал-демократами; «Зеленые – Европейский свободный альянс» – объединение в первую очередь экосоциалистов, анархистов и других более радикальных левых, имеет 9,8% мест; «Европейские объединенные левые» – объединение демократических социалистов, еврокоммунистов, защитников феминизма, имеют 5,4% мест [1]. По сравнению с предыдущим 8-м созывом, действовавшим с 2014 по 2019 г., социал-демократы и «объединенные левые» потеряли несколько процентов голосов, а представительство «зеленых», напротив, растет. При этом, если представители «Прогрессивного альянса» встречаются среди представителей всех стран, то остальные две левые фракции представлены исключительно депутатами Западной или Южной Европы.

Из вышеизложенного можно сделать несколько выводов. Во-первых, если исходить из классического представления о том, что левые партии популярнее в более бедных странах, то в современной Европе возникла парадоксальная ситуация, когда социалисты пользуются популярностью в странах с более высоким уровнем жизни Западной и Юго-Западной (относительно Восточной) Европы. Во-вторых, с 2014 г. произошло явное снижение популярности социалистических партий в центральноевропейских и ряде западноевропейских государств.

Почему социалисты наиболее популярны в самых развитых капиталистических странах Западной Европы и какие политические партии они представляют? Наиболее популярны в этом

регионе социал-демократические партии, среди которых уже упомянутые правящие партии скандинавских стран, немецкая СДПГ, Лейбористская партия Великобритании. Большинство из них состоит в уже упомянутом ПЕС и Социнтерне. Однако более определяющим их политическую повестку дня является их участие в организации «Прогрессивный альянс», который помимо социалистов объединяет также различные леволиберальные партии (Демократическая партия США) и левые национальные партии (Движение за национальное освобождение Палестины) со всего мира. Партии, состоящие в организации, ставят своими целями борьбу против финансовых издержек капитализма посредством увеличения социальных расходов государства, искоренение нищеты, расизма, борьбу с изменением климата, защиту прав сексуальных меньшинств, обеспечение всемирного социального равенства и массового разоружения [2]. В свою очередь, социал-демократы в Западной Европе – сторонники усиления интеграционных процессов в рамках Евросоюза, прежде всего в вопросах единого трудового законодательства и увеличения полномочий наднациональных органов ЕС в вопросах социального обеспечения и контроля безработицы [3]. Во внешней политике ПЕС придерживается евроатлантического курса, хотя и выступает против излишнего милитаризма своих стран. ПЕС подчеркивает ведущую роль НАТО в обеспечении современной мировой безопасности, а проблему массовой миграции из Африки и Ближнего Востока в ЕС, большой составной частью которой являются беженцы из охваченных гражданской войной Ливии, Сирии и Ирака, сводит к проблеме изменения климата [4].

Вторая по популярности левая сила в этом регионе – «Зеленые». Большинство из этих партий появились во второй половине XX в. как узконаправленные объединения различных экологических движений. Ко второму десятилетию XXI в., сохраняя акцент на экологической повестке, их программа значительно расширилась за счет взглядов, характерных для «новых левых», например защита национальных меньшинств и борьбы за гендерное равенство. В последнее десятилетие они активно задают повестку касательно отказа европейских стран от «грязных» источников энергии и усиления политических и экономических прав наднациональных органов ЕС для того, чтобы заставить проводить политику «зеленого курса» и те страны, в которых правят евроскептики. Если политические взгляды «Зеленых» более близки неоллибералам, то их экономические взгляды ближе к партиям «Европейских объединенных

левых» и другим более радикальным левым [5]. Они призывают к демонтажу капитализма, считая его источником разных экологических проблем в целом и изменения климата в частности. При этом на национальном уровне «зеленые» партии тоже выступают с социалистических позиций. Например, Зеленая партия Германии отстаивает увеличение пособий безработным (которые в Германии и так одни из самых высоких в мире) и введение дополнительных налогов на богатство [6, с. 88].

Популярность левых партий в современном политическом процессе связана с отношением жителей передовых капиталистических стран Западной Европы к самой идее социализма. В ходе общественных опросов в Великобритании в 2016 г., проведенных компанией YouGov, 36% респондентов ответили, что положительно относятся к социализму против 33% положительно относящихся к капитализму. Также о негативном отношении к капитализму заявили 39%, к социализму – 32% [7]. Согласно исследованию Лондонского института экономических отношений, 67% британских «миллениалов» (людей от 18 до 38 лет) хотели бы жить при социалистической системе, так как связывают капитализм с различными видами эксплуатации и винят его в проблеме изменения климата. Существующие издержки социализма, например в Венесуэле, миллениалы объясняют тем, что социализм – хорошая идея, просто неправильно реализованная в конкретных странах [8]. В Германии симпатии к социализму намного выше – 45% относятся положительно, 26% – отрицательно, при этом к капитализму положительно относятся лишь 26%, отрицательно – 47%. Как и в Великобритании, социализм популярен преимущественно у молодежи, у старшего поколения он ассоциируется с ГДР [9].

Неудивительно, что портрет электората социал-демократических партий Западной Европы во многом совпадает по своим характеристикам в каждой стране этого региона. Например, на последних выборах в парламент Великобритании за Лейбористскую партию проголосовали в подавляющем большинстве люди в возрасте от 18 до 34 лет, особенно сильной оказалась поддержка женского электората в этой возрастной категории. Обращает на себя внимание тот факт, что в данной возрастной категории подавляющее большинство проголосовавших за лейбористов – представители всех социальных классов Великобритании. Кроме того, Лейбористскую партию поддержали большая часть людей, голосовавших против выхода Великобритании из ЕС, а также представителей «неевропейских» мигрантов, имеющих британское

гражданство [10]. Последнее является прямым следствием миграционной политики лейбористов в 1997–2007 гг. В этот период было принято пять иммиграционных законов, основанных на приоритете прав человека и существенно упрощающих получение политического убежища, вида на жительство или гражданства Великобритании, что привело к притоку более 2 млн иммигрантов в эту страну, в основном из Пакистана и Бангладеша [11, с. 108]. С одной стороны, неконтролируемые потоки миграции стали одной из причин непопулярности лейбористов среди старшего коренного населения. С другой стороны, дети мигрантов, получивших вид на постоянное место жительства, которые в будущем могут получить британское гражданство, живущие на социальные пособия, расширением которых занимаются лейбористы, при их высокой рождаемости станут (отчасти уже стали) важной частью электората Лейбористской партии.

Как показали опросы перед выборами в Бундестаг в 2021 г., в Германии основной социал-демократический электорат СДПГ старше 30 лет, хотя, с другой стороны, немецкие избиратели от 18 до 29 лет в большем количестве поддерживают СДПГ, чем консервативный Христианско-демократический союз (ХДС) или «Альтернативу для Германии» (АдГ). Причиной тому служит рост популярности партии «Зеленые», которые, будучи тоже левой партией, учитывая современную экологическую повестку, перетянули от СДПГ большую часть самого молодого, преимущественно «левого» электората Германии [12]. Важно обратить внимание на то, что основной электорат СДПГ находится на Северо-Западе Германии и в Берлине, на Юге сильны позиции ХДС, а в восточной Германии – АдГ [13]. Таким образом, на примере Германии можно заметить уже упомянутый парадокс: левые партии гораздо популярнее в северо-западных регионах с более высоким социально-экономическим уровнем жизни, чем в восточных регионах. Поэтому можно сделать вывод, что популярность левых партий в Западной Европе связана с ростом числа их сторонников среди молодого электората, видящего в социализме инструмент «борьбы за справедливость», как экономическую, так и политическую, а также с ростом электората, представленного неевропейскими национальными меньшинствами в этих странах.

Что касается Швеции – ядра «скандинавского социализма», то правящая в ней много лет Социал-демократическая рабочая партия на последних выборах в Риксдаг в 2018 г. получила около 40% голосов всех возрастных групп стра-

ны, преимущественно женщин, а также большинство голосов мигрантов из неевропейских стран, получивших шведское гражданство по тем же причинам, что и в Великобритании. Несмотря на недавний экоактивизм молодой шведки Греты Тунберг, поставившей экологическую повестку в центр политики Евросоюза, в особенности его левых сил, в самой Швеции партия «Зеленых» не обладает такой широкой поддержкой среди избирателей от 18 до 30 лет, как в Германии (7% против 27%) [14].

Если в скандинавских странах социал-демократы пользуются относительно стабильной поддержкой, то в странах-лидерах Европы – Великобритании, Германии и Франции – успех их переменен. Например, концепция «Третьего пути», провозглашенная лидерами СДПГ Г. Шредером и Лейбористской партии Великобритании Т. Блэром на рубеже XX–XXI вв., предполагавшая решение социальных проблем за счет усовершенствования рыночной экономики, не оправдала надежд «левого избирателя» во время мирового экономического кризиса 2008 г. Закономерным итогом стала потеря правящего положения социал-демократов в Великобритании и Германии, рост популярности альтернативных левых в Европе («зеленых» и демократических социалистов), а также «повлечение» экономического курса их партий в сторону усиления государственного контроля экономики. Позже в подобную ситуацию попадет и Ф. Олланд во Франции, который, будучи президентом-социалистом, в 2013 г. провел непопулярную пенсионную реформу, а также трудовую реформу, направленную, скорее, на поддержку интересов компаний и в целом работодателей.

Вторым ударом по популярности не только социал-демократических, но и всех левых партий стал миграционный кризис в Европе 2015 г. Продвигаемая ими политика «открытых дверей» и мультикультурализма привела в странах, на которые пришлось основные миграционные потоки, к обострению межкультурных противоречий между местными и приезжими, ухудшению криминальной обстановки, нагрузке на бюджет для социального обеспечения и культурной адаптации приезжих, а также росту правых настроений в обществе. В проведенном YouGov в 2016 г. опросе среди граждан стран ЕС относительно того, что является главной проблемой их страны, миграция лидировала среди ответов у жителей Великобритании, Германии, Дании и Швеции, а во Франции эта тема уступила лишь уже упомянутой экономической политике французского правительства [15]. В Швеции Социал-демократической рабочей

партии за последние шесть лет для сохранения своего правящего положения пришлось «сдвинуться вправо», принять ряд законов, ужесточающих миграционное и уголовное законодательство [16]. Исключением стала лишь Германия, в которой инициатором неудачной миграционной политики была консервативная ХДС, поэтому рейтинги СДПГ не пострадали. С другой стороны, пандемия COVID-19, из-за которой многие граждане Европы в условиях рыночной экономики потеряли источники постоянного дохода и оказались в социально уязвимом положении, должна позволить социал-демократам в ближайшее время укрепить свои позиции, как это уже произошло в Норвегии и Германии в 2021 г.

Партии, относящиеся к фракции «Европейские объединенные левые» в Европарламенте, или Партии европейских левых (ПЕЛ) уступают своей популярностью социал-демократам и «Зеленым» в этом регионе, хотя и входят в правящие коалиции левых правительств Дании, Швеции и Финляндии. Большой популярностью эти партии пользуются в Южной Европе – в Испании, Португалии, Италии, Греции. Большинство из них идентифицируют себя как сторонники демократического социализма, реже коммунизма, хотя практически все они вышли из партий, которые относили себя в XX в. либо к коммунистам (если говорить о партиях из Восточной Европы), либо к еврокоммунистам (отрицающим советский опыт строительства коммунизма). Тем не менее, многие из них в XXI в. переняли элементы идеологии «Новых левых», причем в более радикальной форме, чем социал-демократы, выступая за расширение «позитивной дискриминации» для гендерного равенства и защиты прав сексуальных меньшинств, увеличение количества мигрантов в Европе для развития мультикультурализма, роспуск НАТО как главного военного инструмента политики американских капиталистов, хотя главной для них остается экономическая повестка. В частности, они выступают за реформирование неолиберальной экономической модели, доминирующей в Европе, и борьбу с международными экономическими организациями, такими как Международный валютный фонд и Всемирная торговая организация [17]. Наиболее успешной из этих партий оказалась греческая СИРИЗА – Коалиция радикальных левых, по сути, объединившая около 20 более мелких радикальных левых партий. Ее лидер Алексис Ципрас пришел к власти в 2015 г. на фоне недовольства греков «мерами жесткой экономии» для преодоления долгового кризиса их страны, навязанными ЕС, в частности Германией. Несмотря на популистские обещания отказаться от этих мер, а если

надо, то и отказаться от обещанной финансовой помощи Германии, СИРИЗА фактически уступила требованиям ЕС, что и предопределило ее поражение на следующих парламентских выборах в 2019 г. Ее фактический испанский аналог, как по идеологии, так и по причинам популярности (возникла на фоне аналогичных протестов в Испании в 2011 г.), партия «Подemos» представляет собой одну из крупнейших политических сил в стране, благодаря коалиции с которой Испанская социалистическая рабочая партия (социал-демократы) сохраняет свое правящее положение.

Что касается Восточной Европы, то позиции левых партий после распада советского блока и СССР здесь намного слабее. В Восточной Европе они представлены в основном социал-демократическими партиями. На данный момент правящее положение в этом регионе сохраняют лишь Социал-демократический союз Македонии и Социалистическая партия Албании. Обе партии являются преемницами коммунистических партий, правивших в этих странах в XX в. Хотя сегодня эти партии сменили идеологию на социал-демократию и входят в Социнтерн, их политическое влияние, скорее, основано на сохранившей власть в этих странах старой партийной номенклатуре. В своем рыночно-экономическом и евроатлантическом внешнеполитическом курсе они мало чем отличаются от различных либерально-консервативных партий, пришедших на смену коммунистам в странах Восточной Европы. Аналогичной партией является правившая до 2020 г. Демократическая партия социалистов Черногории, чей лидер, президент Мило Джуканович, несмотря на потерю парламента, уже 20 лет остается фактическим правителем страны.

В остальных странах Восточной Европы, за исключением Чехии, бывшие коммунистические партии также трансформировались в социал-демократические. При этом нельзя сказать, что их «социал-демократизация» происходила только из конъюнктурных соображений и желания подстроиться под новую политическую реальность. Еще до распада социалистического блока в компартиях Польши, Словакии, Венгрии, Румынии и Болгарии сформировалось свое так называемое «реформистское крыло». Появление этих подразделений связано с более либеральным режимом этих стран относительно СССР и Чехии, где по реформаторскому крылу был нанесен сильный удар в 1968 г., а также установившимися в 1970-х гг. контактами между компартиями Восточной Европы и партиями западного Социнтерна. Несмотря на смену названия, после потери власти в 1989 г.

процесс их программной социал-демократизации длился вплоть до начала XXI в. [18, с. 181]. Большинство из них пережило рост популярности и находилось у власти во второй половине 1990-х гг. на фоне социально-экономического кризиса, вызванного приватизацией в их странах. В дальнейшем правящего положения им удавалось добиться лишь в коалиции с либеральными или консервативными партиями своих стран, как в Румынии в 2012–2019 гг. или в Чехии в 2013–2021 гг.

В целом социал-демократические партии и другие левые партии в Восточной Европе имеют ряд проблем, отражающихся на их популярности. Среди них «наследие коммунистического прошлого», что выражается как в негативном отношении к ним из-за преступлений режимов «народной демократии», так и в ассоциации их программ с коммунистическими. Во-вторых, одновременное отсутствие в их программах возможных альтернатив утвердившейся в их странах либерально-рыночной экономической системе. В-третьих, сокращение промышленного пролетариата, бывшего социальной основой левых сил в этих странах [19]. Более «левые» партии, например «Зеленые» или партии с идеологией «Новых левых», присутствуют в основном в странах Вышеградской группы. Однако большинство населения этих стран отвергает их идеологию ввиду негативного отношения к социокультурным и миграционным изменениям в Западной Европе, продвигаемыми подобными силами.

На европейском постсоветском пространстве, за исключением стран Прибалтики, где социал-демократические партии появились аналогичным Восточной Европе путем, коммунистические партии после распада СССР, несмотря на частичное изменение своих программ, не стали отказываться от прежней идеологии. В условиях перехода к рыночной экономике и демократизации политической жизни это предопределило переход большей части партийной номенклатуры в более перспективные либеральные и консервативные партии, что привело к потере их влияния. Кроме того, они столкнулись с теми же проблемами, что и социал-демократические партии Восточной Европы. Относительным успехом пользуется лишь «Избирательный блок коммунистов и социалистов» Молдавии, который, находясь длительный срок у власти, тем не менее, не смог даже сменить евроатлантический курс страны, что было одной из его целей. В России и Белоруссии, помимо коммунистических, существуют и социал-демократические партии («Справедливая Россия – За правду», Республиканская партия тру-

да и справедливости Белоруссии), создающиеся «сверху» в замену более радикальным коммунистам. Однако ввиду их пропрезидентской позиции они имеют меньшую популярность в сравнении с оппозиционно настроенными (по крайней мере, официально) коммунистами, сохраняющими свой небольшой, но устойчивый электорат и стабильно имеющие положение вторых по представительству партий в парламентах своих стран.

Итак, сегодня левые партии остаются важной политической силой Европы. Падение популярности социал-демократических партий в последнее десятилетие, одновременный рост популярности «Зеленых» и радикальных левых, чьи элементы программы перенимают и социал-демократы, в совокупности с ростом радикальных правых партий, скорее, говорит о падении популярности центристских партий в целом.

Экономический кризис неолиберализма, вызванный COVID-19 и санкционными войнами с Россией, вероятно, будет усиливать этот процесс. Парадокс популярности левых партий в более богатой Западной Европе и их непопулярность в более бедной Восточной Европе свидетельствует о качественно разном понимании идеи «социализма» в этих странах, а также о разных силах, представляющих эту идеологию. При этом, по аналогии с социал-демократизацией бывших коммунистических партий социалистического лагеря, доминирующее политическое, экономическое, культурное положение западноевропейских стран по отношению к восточным, вероятно, предопределил постепенное идеологическое изменение «левых сил» Восточной Европы в соответствии с левыми политическими трендами и повесткой Западной Европы.

Список литературы

1. European election results – 2019 – European Union // European Parliament. URL: <https://www.europarl.europa.eu/about-parliament/en/in-the-past/previous-elections> (дата обращения: 10.02.2022).
2. Guiding Principles of the Progressive Alliance // Progressive Alliance. URL: <https://progressive-alliance.info/network/guiding-principles/> (дата обращения: 10.02.2022).
3. A Europe of equality and fairness // PES : [site]. URL: <https://manifesto.frans4eu.eu/equality-and-solidarity/> (дата обращения: 10.02.2022).
4. A strong and united Europe that promotes a better world // PES : [site]. URL: <https://manifesto.frans4eu.eu/asylum-and-migration/> (дата обращения: 10.02.2022).

5. Change Europe, Vote Green. Brussels, European Green Party // European greens. URL: https://europeangreens.eu/sites/europeangreens.eu/files/2014_Manifesto.pdf (дата обращения: 11.02.2022).
6. Guentzel R. P. "Social justice" versus "continuity": German Parties, German Voters, and the German Parliamentary Election of September 2017 // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2017. Т. 13, № 3. С. 81–96.
7. British people keener on socialism than capitalism // YouGov. URL: <https://yougov.co.uk/topics/politics/articles-reports/2016/02/23/british-people-view-socialism-more-favourably-cap> (дата обращения: 11.02.2022).
8. Majority of young Brits want a socialist economic system // Politics. URL: <https://www.politics.co.uk/news/2021/07/06/majority-of-young-brits-want-a-socialist-economic-system/> (дата обращения: 11.02.2022).
9. Der Sozialismus hat einen besseren Ruf als der Kapitalismus // YouGov. URL: <https://yougov.de/news/2016/02/24/der-sozialismus-hat-deutschland-einen-besseren-ruf/> (дата обращения: 12.02.2022).
10. How Britain voted in the 2019 election // Ipsos. URL: <https://www.ipsos.com/en-uk/how-britain-voted-2019-election> (дата обращения: 12.02.2022).
11. Шапаров А. Е. Иммиграционная политика Великобритании: наследие прошлого – проблемы для будущего // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2010. Т. 3, № 6. С. 104–116.
12. Survey Results in Germany 16.09.2021 // YouGov. URL: https://d25d2506sfb94s.cloudfront.net/r/52/YouGov_Sonntagsfrage_22-09-2021.pdf (дата обращения: 12.02.2022).
13. Wahlergebnisse und Wählerschaft der SPD // Bundeszentrale für politische Bildung. URL: <https://www.bpb.de/politik/grundfragen/parteien-in-deutschland/spd/42093/wahlergebnisse-und-waehlerschaft> (дата обращения: 12.02.2022).
14. SVT:s Vallokalsundersökning Riksdagsvalet 2018 // SVT. URL: https://omoss.svt.se/download/18.2b162e85172e510106a44061/1595419616898/valuesresultat_riksdagsval_pk_2018_vagda_0912.pdf (дата обращения: 12.02.2022).
15. European Mega-Survey Topline // YouGov. URL: https://d25d2506sfb94s.cloudfront.net/cumulus_uploads/document/smow6e2p43/MegaEurotrackerResults_AugustSeptember2016_Toplines.pdf (дата обращения: 13.02.2022).
16. Even Sweden Doesn't Want Migrants // Foreign policy. URL: <https://foreignpolicy.com/2021/11/17/even-sweden-doesnt-want-migrants-anymore-syria-iraq-belarus/> (дата обращения: 13.02.2022).
17. European left MANIFESTO // European left. URL: https://www.european-left.org/wp-content/uploads/2018/11/Manifesto-European-Left_ENG.pdf (дата обращения: 13.02.2022).
18. Гуселтов Б. П. Влияние социалистических и социал-демократических партий на процесс политической трансформации в странах Центральной и Восточной Европы в 90-е гг. XX столетия // Вестник Российского государственного торгово-экономического университета. 2011. № 5 (54). С. 173–186.
19. Марч Л. Что осталось от левых в Центральной и Восточной Европе? // РСМД. URL: <https://russian-council.ru/analytics-and-comments/analytics/chto-ostalos-ot-levykh-v-tsentralnoy-i-vostochnoy-evrope/> (дата обращения: 14.02.2022).

Поступила в редакцию 24.06.2022; одобрена после рецензирования 02.07.2022; принята к публикации 29.08.2022
The article was submitted 24.06.2022; approved after reviewing 02.07.2022; accepted for publication 29.08.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 110–117

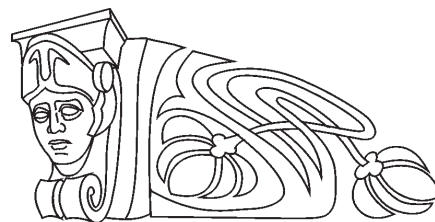
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 110–117

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-110-117>, EDN: HXHWGN

Научная статья

УДК 327

Международные связи города Москвы в современных условиях

М. Б. Суданц

Московский государственный лингвистический университет, Россия, 119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1

Суданц Марат Борисович, соискатель кафедры политологии Института международных отношений и социально-политических наук, marat5085238@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3151-9676>

Аннотация. Актуальность статьи заключается в том, что международная деятельность городов нашей страны в условиях обостряющегося геополитического противоборства, имеющего глобальное и региональное измерения, приобретает все более важное значение для формирования и реализации внешней политики Российской Федерации. Город становится реальным актором современных международных отношений, зачастую будучи способным отстаивать собственные интересы посредством оказания влияния на внешнюю политику государства для удовлетворения локальных потребностей. Своей международной деятельностью город создает имидж государства на мировой политической арене, показывает его репутацию и состоятельность. В ходе исследования было выявлено, что российские города при выстраивании своих международных связей действуют в рамках установлений федерального законодательства. Своей деятельностью они подтверждают способность присутствовать на международной арене. Такая их деятельность обусловлена сосредоточением властных структур, ресурсов, финансов, мотивацией и возможностями губернаторов и мэров. В основном города осуществляют парадипломатические и мягкосиловые подходы к ведению своих международных связей, и в этой связи развивают отношения с зарубежными партнерами в сфере культуры, образования и др. Таким образом, в результате можно заявить, что Москва является «глобальным городом» и мегаполисом, в котором сосредоточены ключевые политические и иные структуры, как национальные, так и международные. Будучи столицей страны, Москва имеет достаточное влияние на мировое сообщество, ведет активную международную деятельность, имеет возможности влиять на внешнеполитический курс Российской Федерации. Следовательно, Москва занимает значимое место в системе международных отношений.

Ключевые слова: международные связи, международная деятельность, Москва, современный мировой порядок, международные отношения

Для цитирования: Суданц М. Б. Международные связи города Москвы в современных условиях // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 110–117. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-110-117>, EDN: HXHWGN

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

International relations of Moscow city in modern conditions

M. B. Susantz

Moscow State Linguistic University, 38, build. 1 Ostozhenka St., Moscow 119034, Russia

Marat B. Sudantz, marat5085238@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3151-9676>

Abstract. The relevance of the article lies in the fact that the international activity of the cities of our country in the context of the escalating geopolitical confrontation, which has global and regional dimensions, is becoming increasingly important for the formation and implementation of the foreign policy of the Russian Federation. The city is becoming a real actor in modern international relations, often being able to defend its own interests by influencing the foreign policy of the state to meet local needs. Through its international activities, the city creates the image of the state in the world political arena, shows its reputation and solvency. In the course of the study, it was revealed that Russian cities, when building their international relations, act within the framework of federal legislation. By their activities, they confirm their ability to be present in the international arena. Their activity is conditioned by the concentration of power structures, resources, finances, motivation and capabilities of governors and mayors. Basically, cities implement paradiplomatic and soft-power approaches to conducting their international relations, and in this regard, they develop relations with foreign partners in the field of culture, education, etc. Thus, as a result, it can be stated that Moscow is a “global city” and a megacity in which key political and other structures, both national and international, are concentrated. Being the capital of the country, Moscow has sufficient influence on the world community, conducts active international activities, and has the ability to influence the foreign policy course of the Russian Federation. Consequently, Moscow occupies a significant place in the system of international relations.

Keywords: international relations, international activity, Moscow, modern world order, international relations

For citation: Sudantz M. B. International relations of Moscow city in modern conditions. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 110–117 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-110-117>, EDN: HXHWGN

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В соответствии со своим официальным статусом столица играет немаловажную роль в выстраивании международных коммуникаций государства. Именно в этом городе располагаются посольства и представительства зарубежных стран. Часто столица является местом расположения штаб-квартир и офисов международных организаций, транснациональных корпораций, международных финансовых структур. Близкое расположение представительств позволяет упростить коммуникацию как между самими иностранными офисами, так и между иностранными представительствами и государственными организациями-резидентами отдельно взятой страны. Такое положение справедливо и в отношении города Москвы. Именно в Москве как столице страны располагаются Администрация Президента, Федеральное Собрание и Правительство, в том числе и Министерство иностранных дел Российской Федерации, чем облегчаются обмены между дипломатическими представительствами и консульствами. В городе находятся и другие важные учреждения, функционирование которых связано со сферой международных отношений и внешней политики.

Международный статус столицы России

В целом столица государства является институтом, который обеспечивает поддержание и развитие международных связей городов и задает тренды, нормы, образцы и правила функционирования международной деятельности городских поселений в рамках всего государства в целом. Как известно, столицы ряда стран мира являются крупными городами.

При этом каждый город в отдельно взятой стране регулирует свою международную деятельность в соответствии с локальными нормативно-правовыми актами, которые, кроме ряда эксклюзивных случаев, обладают общими чертами и достаточно унифицированы. Также следует подчеркнуть, что столица государства является «центром накопления и потребления национального богатства, имеет особую идентичность, подчиняя территорию страны и ее население общему наследию, тяготеет к контролю финансовых потоков для материальной поддержки государственного аппарата и сохранения социальной иерархии, центр столицы – олицетворение политической власти, контролирующей всю территорию страны» [1, с. 122–123], что позволяет говорить об институциональной роли столицы. Интерес представляет и типология, разработанная и обоснованная отечественным политологом И. Ю. Окуневым, которую можно применить к российской столице. Исследователь совершенно

справедливо причисляет Москву к многофункциональным городам, т. е. к тем, которые объединяют функции «глобального города» и столицы государства [1, с. 124], что будет проанализировано ниже.

В этой связи целесообразно обратиться к нормативным правовым актам, в соответствии с которыми регулируются международные связи Москвы. В первую очередь, следует обратить внимание на то, что согласно Конституции РФ (ст. 72) в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Федерации находится ряд вопросов, прямо или опосредованно связанных с международной сферой. Особо следует указать на *координацию международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации, выполнение международных договоров Российской Федерации* [2].

Основополагающим документом, регламентирующим деятельность политических и общественных институтов российской столицы, является Устав города Москвы. Следует отметить, что существование такого правового акта для города федерального значения предусмотрено Конституцией РФ [2, ст. 5].

В гл. 12 Устава города характеризуются международные, внешнеэкономические и межрегиональные связи Москвы. Такое правовое закрепление позволяет сделать вывод, что деятельность города в международной сфере регламентируется на основе локальных актов субъекта Федерации и не противоречит конституционным устоям суверенитета и территориальной целостности страны. В этой связи в Уставе столицы закреплено положение о том, что «город Москва имеет право на установление международных и внешнеэкономических связей в соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральными законами и настоящим Уставом, участвует в пределах своей компетенции в выполнении международных договоров Российской Федерации» [3]. Полномочия Московской городской думы также касаются принятия внешнеполитических решений в области международных, внешнеэкономических и межрегиональных связей, конкретно в области международных отношений:

1) заключение соглашений о сотрудничестве с законодательными (представительными) органами государственной власти иностранных государств, административно-территориальными образованиями иностранных государств, законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов Российской Федерации, представительными органами власти их муниципальных образований, межпарламентскими объединениями;

2) утверждение договоров и соглашений г. Москвы в порядке, установленном федеральным законодательством и законодательством г. Москвы;

3) непосредственное осуществление международных и межрегиональных связей с органами представительной власти городов и регионов иностранных государств, субъектов Российской Федерации, международными межпарламентскими и иными зарубежными организациями;

4) участие в работе международных организаций, деятельность которых направлена на решение проблем городского и муниципального управления, межмуниципального сотрудничества;

5) осуществление контроля в отношении утвержденных Мосгордумой в установленных законом г. Москвы случаях и порядке договоров и соглашений [3].

Будучи органом представительной и законодательной власти, Московская городская дума активно сотрудничает с городскими законодательными и представительными органами государственной власти иностранных государств, в связи с чем подписано 23 документа о сотрудничестве (соглашения, протоколы, Меморандум о сотрудничестве в области устойчивого развития) [4]. При этом справедливо утверждать, что в современных сложных условиях, когда западные страны проводят курс на изоляцию России, не все документы являются реально работающими. К тому же ряд стран, с которыми Москвой заключены подобные соглашения, в 2022 г. были официально объявлены в России недружественными. Тем не менее, с учетом складывающихся реалий, в составе Московской городской думы работает комиссия по межпарламентским связям, образованная в сентябре 2019 г. [5].

Для организации деятельности в области международных внешних и экономических связей в рамках институтов исполнительной власти действует Департамент внешнеэкономических и международных связей города Москвы. Департамент согласно определенной ему сфере деятельности является функциональным органом исполнительной власти города, нацеленным на разработку и реализацию политики в сфере привлечения иностранных инвестиций в г. Москву, осуществления международных и внешнеэкономических связей, поддержания международного кредитного рейтинга г. Москвы и отдельных долговых обязательств столицы, государственных внешних заимствований, международной конгрессно-выставочной деятельности города, развития Москвы как международного финансового центра, поддержки соотечественников за рубежом [6].

Развитие международных связей столицы обусловило их институционализацию, а также создание профильных городских структур. Так, в 2002 г. было создано Государственное унитарное предприятие города Москвы «Московский центр международного сотрудничества» (МЦМС), предназначенное для проведения экспертизы внешнеэкономических программ, оказания содействия в привлечении зарубежных фирм и организаций к реализации экономических и инвестиционных проектов, участия в подготовке и проведении международных конференций и семинаров и реализации программы социальной и гуманитарной направленности. В 2004 г. создано государственное учреждение города Москвы «Центр гуманитарного и делового сотрудничества с соотечественниками за рубежом – Московский Дом соотечественника» [6].

В рамках деятельности Департамента внешнеэкономических и международных связей г. Москвы поддерживаются регулярные контакты с более чем 150 зарубежными городами и регионами в 97 странах мира, в результате чего подписано свыше 100 двусторонних документов, регламентирующих это сотрудничество. В подавляющем большинстве соглашения отличаются комплексным характером и предполагают масштабные связи московских структур, предприятий и организаций с зарубежными партнерами в сфере промышленности, строительства, транспорта, телекоммуникации, инвестиционной политики и науки, торговли, образования, культуры, здравоохранения и спорта [6]. Следует особо отметить, что среди зарубежных партнеров Москвы представлены не только города и регионы, но и целые страны как дальнего, так и ближнего зарубежья.

Полномочия мэра Москвы в международной сфере

Как показывает анализ содержания Устава города Москвы, ключевой фигурой в процессе формирования и развития международных и внешнеэкономических связей столицы России является мэр. Он, согласно возложенным на него полномочиям:

1) осуществляет общее руководство формированием международных, внешнеэкономических и межрегиональных связей города Москвы;

2) заключает договоры и соглашения от имени г. Москвы в соответствии с законом г. Москвы;

3) заключает соглашения в области международных и внешнеэкономических связей;

4) учреждает городские внешнеэкономические структуры и представительства за рубежом (например, представительства (Дома Москвы) в Киргизии, Литве, Армении, Беларуси, Латвии, Болгарии, Абхазии);

5) в рамках своей компетенции и в соответствии с международной практикой участвует в переговорах и заключении соглашений с дипломатическими и иными представительствами зарубежных стран и международных организаций, расположенными на территории г. Москвы;

6) осуществляет контакты с российскими дипломатическими и иными представительствами за рубежом по вопросам, имеющим отношение к интересам столицы;

7) представляет г. Москву в международных и межрегиональных отношениях, в том числе на государственных протокольных мероприятиях, проводимых на федеральном уровне [3].

Следует также отметить, что мэр Москвы является участником институтов федерального уровня, в рамках которых происходит разработка и реализация решений, напрямую касающихся внешнеполитической и международной сферы всего государства. Так, С. С. Собянин является членом Совета безопасности Российской Федерации [7], благодаря чему получает возможность участвовать в выработке решений, связанных не только с внутренней политикой страны, но и с ее внешнеполитическим курсом, отстаивая в случае необходимости интересы Москвы и обеспечивая их согласование с национальными интересами.

Как показывает политическая практика, мэр Москвы по решению руководства государства может в случае необходимости привлекаться и к решению общенациональных задач, важных для всей страны, в том числе тех, которые связаны с международными отношениями, и получает вследствие этого дополнительные полномочия. Так, в настоящее время С. С. Собянин включен в состав Координационного совета при Правительстве РФ по борьбе с распространением новой коронавирусной инфекции на территории России, причем в качестве первого заместителя председателя Координационного совета [8]. Такое вовлечение мэра в общегосударственные институты представляется вполне естественным и логичным, если учесть статус российской столицы. Подобным образом подчеркивается также необходимость и обоснованность тесной связи и взаимодействия органов власти федерального уровня и столицы страны, субъекта Российской Федерации.

Согласно Указу Президента РФ от 21 октября 2022 г. № 763 образован Координационный совет при Правительстве Российской Федерации по обеспечению потребностей Вооруженных сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов. Совет образован в целях организации взаимодействия федеральных органов исполнительной власти и органов

исполнительной власти субъектов Российской Федерации при решении вопросов, связанных с обеспечением в ходе проведения специальной военной операции потребностей российских вооруженных сил, других войск, воинских формирований и органов. Мэр Москвы С. С. Собянин – единственный из руководителей субъектов Российской Федерации, который оказался включенным в состав указанного совета. Причем на него возложена координация реализации мер, связанных с обеспечением безопасности в регионах страны.

Приведенные примеры подтверждают особый статус и ответственность мэра Москвы в решении общегосударственных вопросов, связанных с конкретными задачами, пусть даже локализованными по времени. Как известно, важнейшей задачей политической элиты является обеспечение национальной безопасности [9]. Тем не менее, в своих обязанностях и полномочиях мэр сосредоточен прежде всего на решении проблем Москвы.

Интересы Москвы в международной сфере и их реализация

Среди закрепленных в Уставе города Москвы полномочий ее мэра в сфере международных и внешнеэкономических отношений особое значение в связи с проводимым исследованием имеет указание на *наличие у города своих особых интересов* [3, п. 6]. Именно наличие таких интересов, отличных от интересов других субъектов Российской Федерации, и их актуализация обуславливают потребность и активность г. Москвы в решении ряда международных проблем, ее участие в формировании и реализации внешней политики России.

Интересы Москвы, обуславливающие содержание и направленность ее международной деятельности, достаточно разнообразны и связаны с необходимостью поддержания контактов с международным сообществом и развития сотрудничества по решению городских проблем. Эти интересы проявляются в социально-экономической, культурной и иных сферах. Проведенный анализ позволяет утверждать, что в настоящее время актуализировались следующие сферы интересов Москвы.

1. *Создание условий для развития науки и образования.* В силу сложившихся объективных обстоятельств именно в Москве находятся ведущие центры российской науки и образовательные организации, в том числе подведомственные городу. Названные организации взаимодействуют с иностранными государствами в области науки и высшего образования, организуют ста-

жировки для студентов и преподавателей. Проводимые исследования часто предполагают и взаимодействие с партнерами за рубежом.

2. Решение проблем, связанных с миграцией. Официально численность зарегистрированных мигрантов из стран ближнего зарубежья, находящихся в Москве, составляет 75 тыс. чел., в реальности же их насчитывается гораздо больше. В связи с пандемией и СВО миграция составляет отрицательное сальдо ежегодно в 822 чел. Доля недокументированной трудовой миграции составляет почти 55%. Город ощущает и такое негативное последствие, как преступность среди мигрантов. По имеющимся данным, на их долю приходится почти 15% всех преступлений, совершенных в Москве [10]. Обоснованную озабоченность городских властей и общественности вызывает и то, что мигранты обладают высокой степенью маргинализации. Сложившаяся ситуация влечет для города репутационные и имиджевые издержки. Мигранты способствуют криминализации рынков, сферы услуг и т.д.

3. Обеспечение информационной безопасности населения Москвы. Жители города являются приоритетным объектом для деструктивного воздействия, оказываемого в том числе из-за рубежа, а также со стороны лиц, которые официально признаны в России иностранными агентами. На актуальность проблемы обеспечения информационной безопасности страны, ее административных единиц и государственных институтов российские исследователи указывали давно [11]. Ввиду довольно высокой образованности граждан деструктивное воздействие на москвичей осуществляется в ряде случаев в достаточно изоциренном виде. Например, используются данные Левады-центра (признан иностранным агентом в России) для распространения статистики, выгодной иностранным государствам. Манипулятивное воздействие на жителей города усилилось в связи с проведением специальной военной операции.

4. Защита городской инфраструктуры. Особо важной проблемой является экология. В настоящее время, например, российская столица адаптируется к возможным климатическим изменениям. В частности, в Москве осуществляется масштабная модернизация энергетического комплекса, реконструируется система ливневой канализации, предпринимаются другие меры. В результате модернизации энергетического комплекса в период с 2013 по 2020 г. в столице построено и подключено к системам теплоэнергоснабжения свыше 75 млн кв. м недвижимости. Осуществляется и адаптация городского транспорта для повышения уровня его экологичности [12]. При осуществлении такой деятельно-

сти российская столица обращается к зарубежному опыту решения аналогичных проблем.

В бюджете Москвы на международную деятельность выделяются значительные средства. Сюда входят мероприятия в сфере международного и регионального сотрудничества, издание печатных средств массовой информации и популяризации книгоиздания, обеспечение функционирования Департамента международных связей, выделение гранта открытому акционерному обществу «Генеральная дирекция международных книжных выставок и ярмарок» на организацию и проведение Московской международной книжной выставки-ярмарки и др. При размере городского бюджета в 2 798 726 496,9 тыс. руб. на международную деятельность выделено 8 060 506,4 тыс. руб. [13], что составляет 29% от общего объема бюджета.

По сложившейся практике именно в Москве проводятся разнообразные представительные форумы. Например, целью Международного форума «Российская энергетическая неделя», учрежденного распоряжением Правительства Российской Федерации № 2026-р от 27 сентября 2016 г., является демонстрация перспектив российского топливно-энергетического комплекса и реализация потенциала международного сотрудничества в сфере энергетики. Форум выступает площадкой для обсуждения основных вызовов, с которыми сталкивается энергетический сектор экономики, и актуальных проблем развития, таких как газовая, нефтяная, угольная отрасли, нефтехимия, электроэнергетика, атомная энергетика, гидроэнергетика, энергетика на возобновляемых источниках энергии (ВИЭ), энерго-сбережение и повышение энергоэффективности. Мероприятие традиционно проходит на самом высоком уровне с участием руководителей крупнейших компаний энергетической отрасли.

В рамках Российской энергетической недели, проведенной в октябре 2022 г., состоялось обсуждение вопросов развития электроэнергетики, нефтегазовой, химической, газовой и угольной промышленности, а также тем, связанных с импортозамещением, цифровой трансформацией, энергетическим переходом и ситуацией вокруг климатических вопросов. В деловую программу вошло 37 мероприятий по различным направлениям повестки. Организаторами Форума стали Фонд «Росконгресс», Министерство энергетики Российской Федерации при поддержке Правительства Москвы [14]. Проведенный форум, помимо прочего, убедительно продемонстрировал всему миру безуспешность попыток международной изоляции России.

Следует отметить, что в июне 1997 г. в Москве впервые состоялся один из самых предста-

вительных и престижных международных форумов, V Конференция мэров «Крупнейшие города мира на пороге XXI века: ситуации, тенденции, решения». В сентябре 2004 г. в Москве прошла III Международная конференция мэров городов мира. На мероприятии выступил Президент Российской Федерации В. В. Путин, который дал высокую оценку усилиям мэров городов мира по утверждению в международной практике идей дипломатии городов [6].

В настоящее время заслуживает внимания и Московский урбанистический форум (Moscow Urban Forum) – международный форум и выставка по городскому хозяйствованию, который регулярно проводится с 2011 г. Только в 2020 г. форум был перенесен на следующий год из-за пандемии коронавирусной инфекции. Миссия выставки – представить общественности масштаб перемен в городе, привлечь внимание к крупным городским проектам, направленным на создание комфортных условий для жизни москвичей. Посетители смогли узнать, как меняются дороги, метро и транспорт, дома и офисы, детские площадки и спортивные кластеры, научные центры, больницы и музеи и как в итоге все изменения городской среды способствуют изменению жизни москвичей [15].

Следует отметить, что при Московском урбанистическом форуме создан Аналитический центр. Команда АЦ МУФ имеет богатый опыт консультирования по вопросам пространственного развития, решения исследовательских задач, участия в разработке реальных продуктов на различных стадиях. В состав группы включены консультанты, специализирующиеся на изучении экономики города, пространственной аналитике, разработке концепций и их верификации на экспертных мероприятиях, сопровождении инвестиционных проектов, а также разработке программ пространственных интервенций [16].

Хорошо зарекомендовала себя с течением времени такая форма международной деятельности Москвы, связанной с решением городских проблем, как участие в международных объединениях. Например, столица России с учетом своего исторического опыта традиционно участвует в международной антивоенной деятельности. Москва является членом Всемирного союза «Города за мир», известного международного объединения городов, выступающего в защиту мира. Координируя свои действия с городами других стран, Москва использует различные средства и формы антивоенной борьбы [17, с. 196].

В случае необходимости Москва ставит перед федеральными властями вопросы, которые требуют внешнеполитического реагирования со стороны государства.

Можно привести следующий пример публичной апелляции мэра Москвы к руководству государства для продвижения своих интересов в международной деятельности. Москва как мегаполис крайне заинтересована в бесперебойном водоснабжении многомиллионного населения [18, с. 459]. Ранее, в 2002 г., мэр Москвы Ю. М. Лужков направил аналитическую записку конфиденциального характера президенту В. В. Путину с обоснованием проекта использования водных ресурсов России (посредством переброса части стока Оби в Центральную Азию). Правда, о реакции руководства государства на обращение мэра информация отсутствует. Через несколько лет после своего обращения Ю. М. Лужков издал книгу, в которой была обнародована и его аналитическая записка, адресованная президенту [19].

Указанные выше интересы города, будучи осознанными потребностями, которые необходимо удовлетворить, обуславливают наличие собственной позиции Москвы по некоторым вопросам международной повестки дня и внешней политики России, детерминируя в результате: а) содержание и направленность развития международных связей города, б) взаимодействие с органами государственной власти на федеральном уровне.

Москва как глобальный город

Город Москва представляет собой автономного – с определенными оговорками – актора международной деятельности. На такую ее деятельность накладывает отпечаток и то обстоятельство, что Москва одновременно является и «глобальным городом». Определение рамок ее международной деятельности в правовом отношении закреплено Конституцией Российской Федерации [2, ст. 11], предполагающей разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти страны и органами государственной власти субъектов Российской Федерации.

Следует отметить и то, что в образовательных организациях, расположенных в столице, обучается значительное количество иностранных студентов. В этой связи заслуживает внимания, например, Закон города Москвы от 15 декабря 2021 г. № 36 «О молодежной политике в городе Москве». Действие данного Закона распространяется и на тех молодых людей, которые приезжают по международному образовательному обмену в образовательные организации, расположенные на территории г. Москвы.

В ст. 5 указанного Закона зафиксировано «содействие международным и межрегиональным связям в сфере молодежной политики».

В ст. 12 определены сферы деятельности органов исполнительной власти г. Москвы, направленные на обеспечение профессионального развития, социально-трудовой адаптации и экономической самостоятельности молодых граждан. В той или иной степени они распространяются и на иностранных граждан, которым предоставляется возможность льготных условий для обучения и проживания в Москве [20].

Согласно Закону, для учащихся и студентов устанавливается льготная стоимость услуг, оказываемых организациями культуры, физкультурно-спортивными организациями, финансируемыми за счет средств бюджета города, в порядке и на условиях, установленных нормативными правовыми актами г. Москвы. Кроме того, Правительством Москвы могут быть предусмотрены иные меры поддержки молодых граждан в сфере науки и образования, в том числе финансовой поддержки в форме грантов и единовременных выплат отдельным категориям молодых граждан.

Таким образом, Москва оказывает значительную поддержку молодым иностранным гражданам, прибывающим на обучение в Россию. При этом можно говорить и о растущей траектории экспорта российского образования в целом. Такую деятельность и меры по поддержке обучающихся можно назвать имиджевыми для города, что позволяет наращивать известность Москвы за рубежом как образовательного центра с обширной научной базой. Кроме того, проводимые мероприятия связаны с изучением русского языка, поскольку обучение в Российской Федерации проводится на государственном (русском) языке. Это позволяет иностранцам глубоко изучить культуру и менталитет россиян, чтобы, возможно, вернуться впоследствии в Россию для работы в представительствах иностранных государств, речь о которых шла выше.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что г. Москва проводит масштабную международную деятельность. Для этого у города есть необходимые ресурсы: административная поддержка, нормативно-правовая база, финансирование. Зачастую международные связи Москвы затрагивают такие сферы, как финансовая и образовательная. Это достигается путем диалога с различными организациями, расположенными на территории столицы. Немаловажно отметить, что, являясь столицей, Москва сосредоточивает в себе все властные структуры Российской Федерации, что также сближает ее с характеристикой «глобального города».

Исходя из типологизации, разработанной российскими исследователями для определения условий и признаков акторности города, можно сделать заключение, что Москва:

- обладает самоидентификацией как внутри, так и за пределами государства;
- имеет свои интересы и способна их реализовать;
- оказывает влияние на международные отношения и внешнюю политику своей страны;
- обладает известной автономностью в принятии решений;
- признается участниками мирового политического процесса.

Изложенное выше дает основание утверждать, что Москва соответствует определению «глобального города», поскольку у российской столицы имеются признаки политического центра, охватывающие правительство страны, международные политические институты; профессиональные организации, профсоюзы, федерации работодателей и штаб-квартиры крупных компаний; торговые центры, охватывающие импорт и экспорт через крупные порты, основные автомобильные и железнодорожные маршруты, а также объекты важных международных аэропортов; ведущие банковские и финансовые центры, включающие центральные банки, штаб-квартиры торговых банков, крупные страховые офисы и специализированные финансовые службы; центры профессионального обслуживания, охватывающие крупные учреждения здравоохранения, юридические профессии рядом с национальными судами, ведущие университеты, специализированные исследовательские центры наук и искусств, национальные библиотеки и музеи, издательства книг, газет и журналов, а также центры радио- и телевизионных сетей; центры роскошного потребления, охватывающие дорогие товары и услуги, большие универмаги и специализированные магазины; развлекательные центры, включающие оперные театры, театры, концертные залы, рестораны, кинотеатры и ночные клубы [21, р. 7–8].

Кроме того, в Москве также находятся представительства ведущих иностранных информационных агентств, таких как Thompson Reuters, Bloomberg и др. Их наличие позволяет заключить, что иностранные государства заинтересованы в информировании своих граждан о событиях, происходящих на территории Российской Федерации вообще и ее столицы в частности. Причем указанные агентства находятся в кооперации с информационными агентствами российской стороны.

В завершение изложенного стоит отметить, что Москва обладает значительным потенциалом в международной деятельности как столица Российской Федерации и как международный, мировой город. Москва является репутационным городом за пределами России, так как он являет-

ся самым известным за рубежом городским поселением нашей страны. Немаловажно и то, что в столице находится множество представительств институтов международных организаций, что делает город еще более глобальным. Москва продвигает свои интересы как в пределах Российской Федерации, так и за ее пределами, выдвигая на международную арену интересы всей страны. Столичное положение и умелое лоббирование своих интересов помогает этому продвижению. Таким образом, в настоящие трудные в международном смысле времена Москва становится проводником России в международный мир, помогая иностранным государствам лучше узнать нашу страну, а Российской Федерации лучше укрепить свой международный имидж.

Список литературы

1. Окунев И. Ю. Столица государства как политический институт: типы и функции : дис. ... д-ра полит. наук. М., 2019. 378 с.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398 ; 2020. № 11, ст. 1416.
3. Устав города Москвы. Глава 12. Международные, внешнеэкономические и межрегиональные связи // Электронная Москва. URL: <http://mosopen.ru/documents/main/ustav-moskvi/g12> (дата обращения: 22.04.2022).
4. Межпарламентские связи // Московская городская дума. URL: <https://duma.mos.ru/ru/3015/page/mejparlamentskie-svyazi> (дата обращения: 12.10.2022).
5. Комиссия по межпарламентскому сотрудничеству // Московская городская дума. URL: <https://duma.mos.ru/ru/2738/comission/komissiya-po-mejparlamentskomu-sotrudnichestvu> (дата обращения: 12.10.2022).
6. Официальный сайт мэра Москвы. URL: <https://www.mos.ru/dvms/function/o-departamente/polozhenie-o-departamente/> (дата обращения: 19.11.2022).
7. Состав Совета Безопасности // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/structure/security-council/members> (дата обращения: 12.10.2022).
8. Координационный совет при Правительстве Российской Федерации по борьбе с распространением новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации // Правительство России. URL: <http://government.ru/department/554/events/> (дата обращения: 12.10.2022).
9. Харичкин И. К. Политическая элита и ее роль в обеспечении национальной безопасности России. М. : Московский военный ин-т, 1999. 256 с.
10. Миграция в Москве // Если быть точным. URL: <https://tochno.st/problems/migrants/regions/moskva> (дата обращения: 21.10.2022).
11. Белозёров В. К. Об обеспечении информационной безопасности государства и его силовых структур // Безопасность Евразии. 2004. № 1 (15). С. 464–468.
12. Зюзев А. Засухи, ураганы, подтопления: Москва избежит ущерба на 200 миллиардов рублей // Комсомольская правда. URL: https://www.kp.ru/putevoditel/spetsproekty/klimat-moskvy/?utm_source=kr_widget&utm_medium=content&utm_campaign=read_also&utm_term=2 (дата обращения: 21.10.2022).
13. О бюджете города Москвы на 2020 год и плановый период 2021 и 2022 годов : закон г. Москвы от 27.11.2019 № 33. URL: <https://docs.cntd.ru/document/564004807> (дата обращения: 20.10.2022).
14. О Российской энергетической неделе (РЭН) // Московская энергетическая неделя. URL: <https://rusenergyweek.com/about/about-rew/> (дата обращения: 20.10.2022).
15. Московский урбанистический форум. URL: <https://mosurbanforum.ru/> (дата обращения: 20.10.2022).
16. Об аналитическом центре Московского урбанистического форума // Московский урбанистический форум. URL: <https://mosurbanforum.ru/analytical-center/about-center/> (дата обращения: 20.10.2022).
17. Канто А. С. Энциклопедия мира : в 2 т. 4-е изд., перераб. и доп Т. 1. А–М. М. : Академия, 2013. 672 с.
18. Белозёров В. К. Проект Юрия Лужкова и перспективы водной политики России // Безопасность Евразии. 2009. № 3. С. 456–459.
19. Лужков Ю. М. Вода и мир. М. : Московские учебники и картолитография, 2008. 176 с.
20. О молодежной политике в городе Москве : закон г. Москвы от 15.12.2021 № 36. URL: <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/47861220/> (дата обращения: 19.11.2022).
21. Hall P. The World Cities. London : Weidenfeld and Nicolson, 1966. 256 p.

Поступила в редакцию 20.11.2022; одобрена после рецензирования 25.11.2022; принята к публикации 28.11.2022
The article was submitted 20.11.2022; approved after reviewing 25.11.2022; accepted for publication 28.11.2022

ДАТА

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 118–120
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 118–120
<https://soziopolit.sgu.ru> EDN: ICTSIY

Кафедре социологии социальной работы – 10 лет

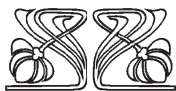
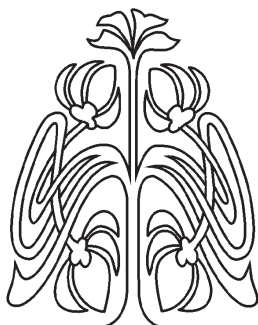
Кафедре социологии социальной работы Саратовского национального исследовательского университета имени Н. Г. Чернышевского» в августе 2022 г. исполнилось десять лет! Возглавила кафедру доктор социологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ Марина Эдуардовна Елютина. Именно с ее созидательной деятельностью связаны и создание, и развитие кафедры. На кафедре с момента ее основания работают эрудированные, увлеченные своим делом люди: Дмитрий Львович Иванов – кандидат социологических наук, доцент; Светлана Владимировна Курганова – кандидат социологических наук, доцент; Тимур Вадудович Темаев – доктор социологических наук, профессор; Екатерина Игоревна Уфимцева – кандидат социологических наук, доцент; Екатерина Владимировна Васильева – документовед, имеющая и филологическое, и социологическое образование.

Преподаватели кафедры стремятся вовлечь студентов в научно-исследовательскую работу, помочь в овладении профессиональными компетенциями, освоить мировоззренческие, нравственно-этические основы жизнедеятельности, реализовать их в делах и поступках. У кафедры есть свой научный профиль – исследование социальных проблем стареющего общества. Научные заслуги сотрудников снискали признание и получили высокую оценку в среде специалистов по социологическому цеху. Преподаватели кафедры имеют благодарности общественных и религиозных организаций, почетные грамоты аппарата уполномоченного по правам человека и губернаторов Саратовской области.

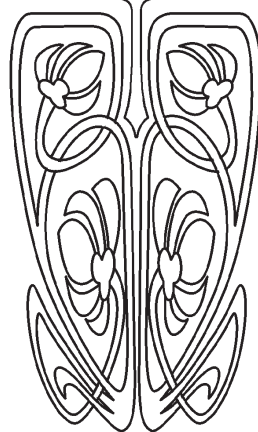
Все сотрудники постоянно работают над подготовкой и совершенствованием учебно-методических комплексов и рабочих программ, в том числе и по направлению магистратуры на кафедре социологии социальной работы. Преподавание ведется с применением новых современных методов и технологий, что позволяло беспрепятственно осуществлять образовательную и научную деятельность в период дистанционного обучения.

В течение всего периода функционирования кафедра социологии социальной работы осуществляла разработку следующих направлений инициативной кафедральной тематики:

- социология, антропология тоталитарных режимных сообществ;
- стареющее общество: традиции и инновации;
- социальная работа в группах риска;
- возрастные группы риска в контексте профилактического направления социальной работы.

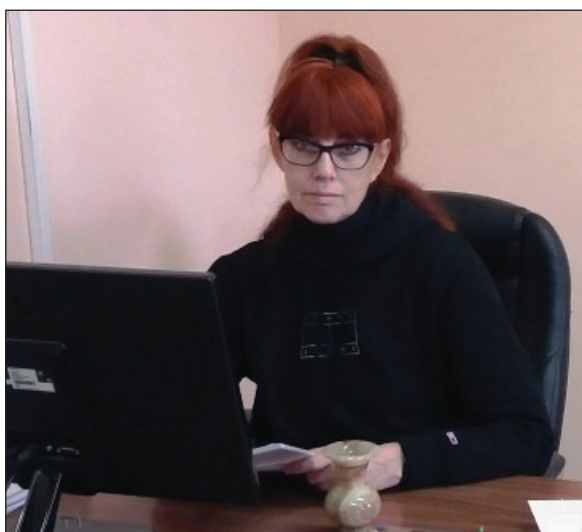

ПРИЛОЖЕНИЕ

Руководство факультета, сотрудники кафедры и студенты на праздновании юбилея

Заведующий кафедрой социологии социальной работы
М. Э. Елютина на рабочем месте

Е. И. Уфимцева на Международных Рождественских образовательных чтениях (Москва, 2019 г.)

Коллектив кафедры на постоянной основе участвует в организации конференций различного уровня. В течение восьми лет сотрудники организуют и руководят социологической секцией на Международной конференции «Пожилой больной. Качество жизни» (Москва), работой секции по социологии старости и старению в рамках Всероссийского социологического конгресса, участвуют в организации ежегодной Международной научно-практической конференции «Дыльновские чтения», ежегодных межрегиональных образовательных Пименовских чтениях, а также ежегодной Всероссийской студенческой научно-практической конференции «Социальные проблемы региона глазами студентов». Сотрудники кафедры активно выступают с пленарными докладами на

русских и международных конференциях.

Преподаватели кафедры осуществляют работу по оппонированию кандидатских и докторских диссертаций, по редактированию и рецензированию научных статей следующих журналов:

- «Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины»; входит в перечень ВАК, базу данных Scopus (М. Э. Елютина);
- «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология»; входит в перечень ВАК (М. Э. Елютина, Т. В. Темаев, Е. И. Уфимцева);
- «Известия высших учебных заведений, Поволжский регион. Общественные науки». Пензенский государственный университет; входит в перечень ВАК (М. Э. Елютина).

Заведующий кафедрой, профессор М. Э. Елютина является федеральным экспертом научно-технической сферы Министерства образования и науки Российской Федерации – Научно-исследовательского института – Республиканского исследовательского научно-консультационного центра экспертизы (ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ), членом экспертного совета ВАК по философии, социологии и культурологии. Под ее руководством успешно защищены 28 кандидатских и 3 докторские диссертации.

Осуществляется руководство и консультирование научно-исследовательской деятельности студентов, как в индивидуальном формате, так и форме научно-методических семинаров. Под руководством сотрудников кафедры были подготовлены научные работы и доклады студентов для научных мероприятий, которые неоднократно отмечались в числе лучших на российских и международных конференциях; студенты становились участниками и призера-

ми молодежных Дельфийских игр в номинации «Социология» (А. А. Неруш, А. А. Тимофеева).

В рамках приоритетных направлений научно-исследовательской деятельности на кафедре действуют два научных студенческих кружка: «Инновационные технологии работы с семьей» (руководитель – М. Э. Елютина) и «Традиции и инновации в социальной работе, благотворительности, социальном служении» (руководитель – Е. И. Уфимцева).

За годы существования кафедры менялись студенты, адаптировался учебно-методический комплекс в соответствии с современными требованиями, а профессорско-преподавательский состав оставался прежним, как остались неизменными и приверженность университетским традициям высокого качества образовательной и научной деятельности, и готовность вести воспитательный процесс с огромной самоотдачей.

М. Э. Елютина, Т. В. Темаев

ISSN 1818-9601 (Print). ISSN 2541-8998 (Online)
Известия Саратовского университета. Новая серия.
Серия: Социология. Политология. 2023. Том 23, выпуск 1

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Новая серия

Серия: Акмеология образования. Психология развития

Серия: История. Международные отношения

Серия: Математика. Механика. Информатика

Серия: Науки о Земле

Серия: Социология. Политология

Серия: Физика

Серия: Филология. Журналистика

Серия: Философия. Психология. Педагогика

Серия: Химия. Биология. Экология

Серия: Экономика. Управление. Право

